Александр Финогеев

512

АЛЕКСАНДР ФИНОГЕЕВ

По местам стоять!

Рассказы

НИКОЛАЕВ
2013

ББК 84.1.07.07
Ф60

Материалы публикуются в соответствии с оригиналами, поданными автором.

Автор выражает глубокую признательность и благодарность Шевченко Григорию Николаевичу, Дармаеву Андрею Дашиевичу и Чичкалюк Валерию Александровичу за финансовую помощь в издании книги.

Александр Финогеев

Ф60 По местам стоять! / А. В. Финогеев. — Николаев : РАЛ-полиграфия, 2013. — 300 с.

ISBN 978-966-96838-8-5

В своих рассказах автор, послуживший врачом в рядах ВМФ более четверти века продолжает свое повествование, начатое в сборниках «В те дни в морях дороги наши были», «…И жизнь, и море, и любовь…» и в юмористической форме, с определенной долей реальности и фантазии, рассказывает о службе в Военно-морском флоте, Вооруженных силах СССР, просто жизни и делится своими мыслями.

Книга рассчитана на массового читателя.

ББК 84.1.07.07

ISBN 978-966-96838-4-7

© Финогеев А. В., 2013.
© РАЛ-полиграфия, 2013.

Светлой памяти мамы моей,
Зои Николаевны, посвящаю

ЭПОХА “SECOND HAND”

Когда закончилось время лозунгов: «Догоним и перегоним…», «Выше знамя…», «Коммунизм — это…», наступила эпоха “Second Hand”. Вероятные противники стали невероятными друзьями, вместо хлеба и масла появились демократия и гласность. За рубеж могучим потоком потек металл Родины и сразу с канализационных люков исчезли чугунные крышки, стали разбираться трамвайные и железнодорожные рельсы, а искатели цветных металлов резали телеграфные и электрические провода. Вековые деревья моментально превращались в доски. Антиквариат стране стал не нужен. Происходила полным ходом переоценка ценностей. Все то, что через месяц или даже через год станет остро необходимым, сегодня было не нужно никому. Так зарождался новый капиталистический отечественный бизнес. Принцип: украсть ящик водки, водку продать, а деньги пропить сработал четко.

Именно в это непростое и сложное во всех отношениях время Федор Степанович Люмин вышел на заслуженный отдых и повесил тужурку, украшенную орденами и медалями, вместе с кортиком в шифоньер.

Отслужив почти тридцать лет на действующем флоте и отдав ему лучшие годы вместе со здоровьем, он не заработал огромных богатств. Как оказалось, у него не было даже выходного костюма. Вот таким он перешел в разряд военных пенсионеров.

Утром Люмин проснулся необычно рано. И спешить вроде бы никуда не надо, а чего-то не спится. Он бесцельно шатался по квартире, куря одну сигарету за другой.

— Нет, так дело не пойдет, — напряженно думал он, — Надо куда-то идти работать. Вот только куда? Дома я чокнусь раньше времени.

— Ну и чем ты теперь собираешься заниматься? — первым делом проснувшись, поинтересовалась жена, — Смотри, не спейся со скуки.

— Для начала, наверное, женюсь, — Федор Степанович хрипло засмеялся, — А что, не плохая идея, как ты считаешь?

— Шестьдесят не за горами, а ума так и не нажил, — обиделась супруга, — Не нагулялся еще? Скольким бабам на своем веку под юбки заглядывал? Надо было бросить тебя тогда…, — она надула губы и обиженно вышла на кухню.

— Что не бросила? — пробасил он ей вслед.

— Детей пожалела.

— Гуманно. Даже очень.

— Не заводись.

— Да ну вас всех.., — Люмин порылся в шкафу, нашел свои старые флотские брюки, одел затертую футболку, взял сигареты, пару сотен рублей и в шлепанцах на босу ногу направился к выходу.

— Ты куда? — всевидящее око благоверной сделало попытку застопорить ход набирающего скорость крейсера.

— Пойду, пройдусь.

— А завтрак?

— Потом…- и дверь захлопнулась.

Осенняя прохлада быстро забралась под одежду. Люмин поежился. Куда идти дальше он еще не придумал. Жизнь гражданского человека для него была дика и пугала своей новизной, как пугает свобода зверя, вышедшего из клетки зоопарка, — вроде бы все знакомо, но ничего не понятно. Федор сел на скамейку, что перед домом и снова закурил.

— Степаныч, тебе чего не спится? Или подушка у пенсионера окаменела? Не рано ли? — это вышел Клименко, сосед из семнадцатой квартиры, тоже отставной офицер, только со стажем десять лет. С ранней весны до

поздней осени он жил на даче, занимая себя выращиванием овощей и фруктов, которые успешно реализовывал на рынке, пополняя витаминами многочисленных горожан и гостей города. От всего этого имел неплохую прибыль. Только зимой возвращался в город и как медведь впадал в спячку.

— А вы, Леонид Михайлович, чего не на даче? Ваше время вроде бы уже наступило. Присаживайтесь, покурим.

— Начинаю потихонечку готовить почву под рассаду. Приехал за удобрениями. Накось, Степанович, грушу мою попробуй. Таких точно ни у кого нет, — он протянул Люмину фрукт просто гигантских размеров. Присел, закурил. — Чем заниматься собираешься? Смотри, не запей со скуки. Такое часто практикуется у нашего брата.

— Вы с моей женой сегодня прямо в одну дуду дуете. Она мне с утра те же слова сказала. Вы случаем с ней не спелись? — засмеялся Люмин. — А если честно, то я сейчас бы и выпил. Третий день как на пенсии, а делать нечего. Надо, конечно, пойти куда-то работать, а вот куда..? — он пожал могучими плечами. Маюсь, как дурак, а выхода нет. У вас хоть дача есть. А у меня.., — он обреченно махнул рукой, — Где в наше время работу искать? Мы уже отработанный материал. Сейчас молодежь всем керует, а старики никому не нужны. Может, Михалыч, правда потянем по соточке. Деньги у меня есть. Только где взять в такую рань, даже не знаю?

— Да, Степанович, вижу, что ты и впрямь еще не адаптировался в окружающей среде. Учись у старшего поколения, пока мы живы. Вон видишь дом, — Клименко показал пальцем, — третий подъезд, 31 квартира, первый этаж. Звать тетя Наташа. У нее славный самогончик имеется. Ты сходи, а я с закусочкой тут подсуечусь.

Через пару-тройку минут друзья расположились на лежащих за домом валунах. Соленые огурчики, тонко нарезанное сало, кусок отварного мяса, помидоры и хлеб со-

ставили компанию литровой бутылке кристально чистой жидкости.

— Ты, Федор Степанович, хоть приоденься для начала, — начал Клименко после первой рюмки, — а то на тебя без боли нельзя смотреть. На бомжа похож. Пройдись по этим самым second handam. Там этого добра — завались. Можно по дешевке приличную одежонку купить. Хрен с ним, что ее до нас носили негры. Теперь мы после них донашивать будем. Раньше мы их кормили, поили, технику поставляли за копейки… А, Степаныч, что воду в ступе толочь, наливай, — махнул рукой Клименко, — У нас у самих наступила эта самая эпоха “Second Hand”. А куды деваться? Просрали страну. Вот и лижем теперь всем задницу. И портки за ними донашиваем. Тьфу, — Леонид Михайлович сплюнул и не чокаясь выпил, — Противно… А деваться некуда, — он аппетитно захрустел огурцом. Наливай, брат.

Они снова выпили и долго молча курили.

— Посуди сам, Степаныч, — не успокаивался Клименко, — мы тогда в этот третий мир все лучшее отправляли. Сами задницу газетой подтирали, а им на миллиарды везли из страны. Теперь они короли, а мы донашиваем их кальсоны. Кстати, а ты знаешь, как переводится этот вонючий second hand? Да знаешь, конечно. Ты же моряк и их языком должен владеть.

— А вот и нет. В школе, училище и академии изучал немецкий.

— Ну, я тебе скажу тогда. Ты только наливать не забывай. Давай, — они чокнулись, — Будем жить! Ты, Степанович, не забывай закусывать. А то еще опьянеешь. Так вот, слушай. Дословно эта гадость переводится как вторые руки. А hod dog по-нашему — горячая собака. Ты понял, к чему я это сейчас говорю? У них собака. Вникаешь? И мы начинаем к этому привыкать. Все, что по ихнему, теперь для нас — класс. Тьфу, противно, — Клименко смачно сплюнул, — Ро-

дины уже нет. Профукали! Теперь всю срань сюда везут! А мы от всего этого счастливы. Мы теперь все здесь для них вторсырье. И мы с тобой теперь тоже этот самый second hand, тоже вторсырье, второй, если не самый последний сорт. Выбросили на улицу, как отработанный материал. И никому не нужны. Ни-ко-му! Понимаешь? Вот ты на службе кем был?! Большим человеком! Командиром дивизии!!! Человек!!!!! — Клименко поднял высоко руку, — Машина, почет, уважение… А сейчас?.. Флотские брюки и майка пятьдесят затертого года. Только ты не обижайся. Я точно такой же. У тебя, Федор Степанович, дипломов, стенку можно на кухне обклеивать… А теперь что? Кому все это нужно? В туалет с ними сходить? В советские времена тебя бы с руками и ногами взяли минимум заместителем начальника на серьезное предприятие, а сейчас и сторожем не везде возьмут. Но ты сильно не отчаивайся. В Бюро по трудоустройству все-таки сходи. Может, что приличное предложат. Только сторожем на стройку не ходи. Там рано или поздно разворуют все, а тебя либо посадят лет эдак на пяток, либо заставят через суд все восстановить. Если и сторожить, то где-то в супермаркете. Ишь, — и здесь не магазин, а маркет. Еще и супер! Во как! Зато хоть в тепле будешь и сыт. У нас с тобой что, все закончилось? — он приподнял бутылку и встряхнул ее, — На, Степанович, тебе денежек, сбегай-ка еще разок. Как-никак, а ты помоложе будешь. Сидим хорошо, хоть и не совсем приятный разговор ведем. Я тебе вот что скажу, а ты мотай на ус: сейчас надо пить только самогон, да и то взятый у проверенных людей, чтоб не натолкали туда всякого говна. А то, что на полках в магазинах, — паленка. Выпил и окочурился. Ты пока ходишь, я из дома закусочку принесу. Давай, давай! Когда еще поговорим. Можешь колбаски прикупить и свеженького хлеба.

Приятели сидели долго. Почти до самого вечера.

Чем хорошо быть пьяным? Они говорят сами для себя, не слушая собеседника.

Настало время прощаться. Друзья обнялись и долго так стояли, покачиваясь, дыша друг на друга суррогатным перегаром.

— Вот что Степанович, я тебе напоследок хочу сказать, — Клименко взглянул на Люмина туманным взором, — Ты завтра не поленись, сходи в этот самый second hand, приоденься маленько, а то и правда на тебя смотреть стыдно. Жена постирает шмотки и будешь выглядеть как ихний мачо, — он сипло засмеялся. — Мустанга по дешевке у цыган купишь и вечерами богатых по набережной катать станешь, — и он снова залился хмельным смехом, — Федя, не обижайся на старика. Это грустное веселье. Эпоха такая. Эпоха…, — Клименко пьяно опустил голову, — И название у нее звериное: Second hand, — его сильно качнуло, — Пойдем, дружище, домой. Утро вечера мудренее. Спасибо тебе Степанович, давно я так не расслаблялся. А что..? Посидели, поговорили… Правда от этих разговоров еще чернее стали… Ну, ничего, авось все и наладится. Бывай, Федор, пусть тебе повезет. Мужик ты неплохой.

Люмин, слегка пошатываясь, молча, прошел в зал, не раздеваясь, рухнул на диван и мгновенно уснул. Супруга, зная суровый характер мужа, отнеслась к происходящему почти спокойно. Поджав тонкие губы, она достала из шкафа припрятанную бутылку наливки и истерически хлопнув входной дверью, направилась к соседке изливать свое горе.

Утром, выпив три кружки крепкого чая, Люмин с удовольствием почесал небритую щеку. Безразлично, и в тоже время безжалостно, глазами воина-завоевателя взглянул на раздувающиеся от злости белые ноздри жены, скомандовал, как отрезал, — Сегодня пойдем во второсортный магазин, одевать меня будем. Теперь я должен выглядеть так, кем являюсь на самом деле.

— В second hand, что ли? — тяжело выдохнула Людмила.

— Именно в него, — со злорадством произнес Федор,

— Ты напрасно ёрничаешь. Там есть даже очень приличные вещи. Между прочим, многие там одеваются. Я там себе и кофту покупала, и свитер, и летний костюм. Дешево и сердито. И на тебя что-то подберем. Чай, не прынц заморский в магазинах одеваться. Там знаешь, какие цены? Хорош вчера явился, — переключилась она на больную тему, — Голова, небось, трещит?

— Не тешь себя иллюзиями. Военным голова дана не для головной боли, а для ношения фуражки, шапки и, даже, каски.

— Понесло… С кем же вы, мой господин, вчера так надрались? — любопытство не оставляло Людмилу.

— Тебе-то это зачем?

— Не на ту дорогу свернули, товарищ капитан первого ранга.

— Что правда, то правда. Зато выяснил кто же я теперь такой.

— И кто же?

— Вторая рука!

— Не поняла.

— Как вам сирым такое понять?

— Вы у нас, я смотрю, стали слишком умный, — обиделась супруга.

— Вторсырье я теперь. Отбросы общества. Ненужный элемент.

— А ты чего хотел? Думал, позовут министром? У них тоже есть дети. Родиться надо было раньше. Завтракать будешь?

— Нет, — Люмин встал и направился к дивану.

— Тебе Саня Титов вчера вечером звонил. Помнишь такого? Вместе по бабам ходили, — Федор помнил не только это, но, естественно, промолчал, — Они переезжают под Одессу. Умерла теща и оставила им огромный дом у самого моря и около десятка гектар земли. Теперь фер-

мерствовать будет да летом на квартирантах наживаться. Квартиру здесь оставляет дочери. Он работает в порту каким-то завскладом. Что-то с рыбой связано. Я точно не поняла. Тебе хочет передать свое место. Говорит, работать можно, только холодно, — тараторила без умолку жена, — Ждет тебя в пятницу к шестнадцати часам. Со своим начальством хочет познакомить. Как он выразился: «Передать тебя из рук в руки». Сказал еще, чтобы ты взял с собой литр хорошей водки и с десяток бутылок пива. Да белье чистое прихватил. В сауну пойдете. Буд-то без этого всего и решить ничего нельзя. Что ж это за баня такая, если столько алкоголя нужно? Не забудьте и девочек с собой взять, — съязвила она, — Будет кому спину потереть. Слышишь меня или оглох совсем? Как-то реагируй. А то подумаю, что помер.

— Не дождешься такой радости! — прорычал Федор.

— Да что я распинаюсь? Главное, для кого? Позвони ему и все выясни сам.

Она долго молчала, брякая чем-то на кухне. Федор уже начал засыпать.

— С кем же ты вчера так нализался? — торчащая в сердце заноза не давала ей покоя, — На радостях не меньше литра, наверное, в себя влил? Из-за ста грамм ведь не станешь губы марать.

Жена много еще чего говорила, но Федор Степанович не слушал ее бред, пребывая в блаженной дреме. Зачем забивать голову дурной информацией, тем более с утра. Толку никакого, только настроение испортишь.

Проснулся Люмин в два часа бодрый и веселый. Вышел на кухню. Невыносимо хотелось есть. Супруга за столом лепила пельмени.

— Людмила, что у нас сегодня на обед? — спросил он, потягиваясь, — Жрать хочется. Желудок начал самопереваривать, — Федор сел за стол, — Ну и доложи, только без суеты и все по порядку, что ты сегодня сделала полез-

ного? Могу ли я гордиться тобой или хотя бы брать пример?

— Приготовила обед, пока вы с похмелья спали, сходила в магазин, тебе взяла хлеба, две бутылки водки, колбасы килограмм, три банки рыбных консервов, бутылку минеральной воды, зелень, котлет нажарила, собрала пакет с чистым бельем и банными принадлежностями. Пиво уж сами соизвольте купить. И так все руки оборвала. Напоминаю, что вы должны позвонить Титову, а завтра быть в бане. Это хоть отложилось в голове мудрого человека?! Или мозги давно пропиты?

— Вечером позвоню. Его рабочего телефона у меня нет. Сейчас поем и пойдем одевать меня в second hande. Под Сталлоне. Я похож на него?

— Вылитый брат-близнец! Те же дряблые мышцы и живот до колен. Я когда тебя вижу, пугаться начинаю. Сразу мысли в голову лезут: а с кем я сегодня сплю, с тобой или со Сталлоне. От этого даже давление повышается. Не обольщайся, — жена злорадно улыбнулась, — ты похож на Вини Пуха, как две капли воды: маленький, пузатый и кривоногий. И голос такой же гнусный.

— Вы у нас тоже Пьеха, только из Хурхуяровки, — обиделся Федор, — Давай уже есть и пошли.

— Все Пьехи теперь в саунах, а по домам сидят Золушки. Они обязаны стирать, жрать готовить, штопать, еще детей рожать, воспитывать их и выводить в люди, делать всю черную работу, да встречать вас милых в блевотине и помаде с радостной улыбкой на лице! А как же, кормилец в дом вернулся! — надула Людмила губы.

— Ну, хватит! — цыкнул муж, — Завела пластинку! Ее перевернуть нельзя? Ты знаешь, где этот магазин? Клименко сказал, что недалеко.

— Клименко, это кто? Не дачник ли с шестого этажа, не тот ли, кто Родину защищал на продовольственных складах, кто все тоннами пер в дом, объедая офицеров и

матросов. Он, что ли? В свое время за дармовой спирт и тушенку он дачу себе отгрохал, машину купил. Теперь, как порядочный, зелень городу поставляет и на этом имеет ежегодно десятки тысяч. Не каждый может дочери купить четырехкомнатную квартиру в центре Киева. Если его хорошенько тряхнуть, то он потянет на расстрельную статью. Вот значит, с кем вы вчера так напились? На шару он это дело любит. Этот Клименко не предлагал тебе ему на даче вскопать?! А что? Накормит, да еще и бутылку поставит. Ты не стесняйся, соглашайся. Не велика, чай, шишка! Всего лишь командир дивизии!

— Ты о людях когда-нибудь говоришь хорошее? У всех рыло в пуху, одна ты у нас святая!

— А ты как хочешь? В капитализме, небось, живем. Сам сказал. И выразился красиво: в эпоху «Second Hand». В наше время и в институтах учиться не надо. Пошел в переход, купил диплом, стал начальником. Деньги решают все! А ты со своей академией будешь копать огороды таким, как Клименко. И не дуй мне тут губы. Я все правильно говорю. Хорошо хоть друзья иногда вспоминают. А то бы у богатых собак сторожил и еще за них гавкал! Да и что ты можешь со своим флотом? Равняйсь — отставить! Теперь это никому не нужно. Поел? Пошли в твой магазин. Он у нас в доме находится. Мимо него сотни раз проходишь. Глаза иногда полезно от земли отрывать, а не всяких Клименко слушать!

— Ушат грязи с желчью ты успешно на всех вылила. Пошли уже. Ты одевайся, я тебя во дворе подожду.

Через час Федор нес два огромных баула с одеждой, источающей запах чужих тел. Теперь он был экипирован с головы до ног и ему не страшны ни зной, ни холода. По этому случаю в ближайшем кафе Люмин даже выпил стакан водки. Обмыть покупку не грех.

Вечером он позвонил Титову.

В пятницу парились в сауне. Разумеется с девочками. Как без них! А через две недели Федор заведовал складом

свежемороженой рыбы. Это и правда лучше, чем сторожить дом у имущих или срывать шапки с прохожих. Эпохи меняются и надо к ним приспосабливаться. Ползущий вниз вершины не увидит. В конце концов, не всем же быть космонавтами или певцами.

Каждый счастлив по-своему!

В ВОДОВОРОТЕ СУДЬБЫ

Лена, только что вернувшаяся с пляжа, сбросила купальник и направилась в ванну, чтобы смыть морскую соль, когда в квартиру позвонили. Накинув халатик, она подошла к двери, мимоходом взглянув на часы. Стрелки показывали без четверти восемнадцать.

— Кто там? — тихо спросила она.

— Капитан-лейтенант Андреев. Елена Александровна, откройте, пожалуйста.

Лена была на каникулах. Три дня назад она приехала в Севастополь и никого здесь еще не знала. Помимо отдыха ее ждала встреча с женихом, который через четыре дня приходил на корабле из Средиземного моря с боевой службы Квартиру ей любезно предоставили сослуживцы отца, в это время отправившиеся осматривать красоты Ленинграда.

Она открыла дверь. На площадке с огромным букетом алых роз стоял очень красивый офицер. Его совсем юное лицо излучало радость, счастье и все то, что может излучать только молодость. В то же время в нем чувствовались внутренняя сила, уверенность в себе, твердость характера и неукротимый нрав. Лена с интересом рассматривала его, изумленно подняв бровь. Чем-то внешне он напоминал артиста Ланового и еще кого-то, но она не могла вспомнить кого.

— Вы от Леши? — наконец спросила она, слегка порозовев.

— Нет. Я сам по себе. Разрешите войти?

— Заходите, — Елена пожала плечами, — Но я вас не знаю. Может с Лешей что-то случилось? — в ее голосе прозвучала тревога, — Извините, я не одета, — она выглядела немного растерянной и не знала как себя вести.

Андреев шагнул за порог, — Это вам, — он протянул букет, — Примите от чистого сердца самое искреннее поздравление с днем рождения. Хочу пожелать вам огромного, как море, счастья, безбрежный океан любви, вечной молодости, богатырского здоровья, достатка в доме, красавца мужа, исполнения всех желаний и всего-всего самого доброго, — офицер наклонился и, дурманя девушку дорогим одеколоном, нежно поцеловал в щеку.

Елена была просто шокирована происходящим. Отступив на шаг, она непроизвольно опустила голову в букет, вдыхая дивный, божественный аромат. При этом ее халат распахнулся. И девушка предстала перед взором молодого человека в образе Евы, только что изгнанной из рая. Так она стояла словно завороженная, ничего не замечая, пребывая в сказочном сне.

— Елена Александровна, — тихо произнес Андреев, — я хочу попросить вас надеть на себя все самое лучшее. Мы с вами сейчас пойдем на одно очень ответственное мероприятие.

Лена подняла голову и стыдливо одернула халат. Ее глаза опять беспокойно посмотрели на офицера.

— Скажите мне честно, это касается Алексея? С ним что-то случилось? И вообще, объясните, откуда вы знаете, как меня зовут и что у меня сегодня день рождения, если я приехала сюда три дня назад?

— Более того, — улыбнулся Андреев, — я еще знаю, что вы приехали из Ленинграда, что учились в 331 школе, что сейчас на каникулах после окончания второго курса меди-

цинского института. Если хотите, я назову вашу фамилию, улицу, на которой вы живете, где работает ваша мама, Валентина Леонидовна или папа, Александр Борисович.

— Это уже становится интересно. Вы, случайно, не иностранный шпион, пришедший меня вербовать? — она села на диван, закинув ногу на ногу. Ее ступня нервно подрагивала, — Хорошо, — ее щеки покрыл пунцовый румянец, — ответьте тогда мне, где работает мой папа.

— Для иностранного шпиона вы задаете совсем легкие вопросы. Капитан первого ранга Александр Борисович Величко в настоящее время заведует кафедрой кораблевождения в Военно-морском училище имени Феликса Эдмундовича Дзержинского. До этого…

— Хватит. Достаточно, — Лена встала, молча взяла со стола вазу, погрузила в нее букет и так же молча налила в нее воду. По лицу было видно, как в её голове лихорадочно бороздят мысли.

— Елена Александровна, — Андреев не давал девушке сосредоточиться, — я не буду вам мешать и с вашего позволения посижу на кухне, подожду, пока вы переоденетесь. На все это у вас есть сорок минут. А чтобы не скучать, я что-нибудь почитаю, — он протянул руку и достал книгу из шкафа, — Можно я еще там попью чайку? Очень хочется пить, — он застенчиво улыбнулся и, не ожидая ответа, направился на кухню.

— Постойте! Куда вы пошли? — попыталась сопротивляться Елена.

— Я же сказал: «Почитаю книгу и попью чай, пока вы будете переодеваться».

— Но я еще не дала никакого согласия. И, вообще, куда вы собираетесь меня вести? — Лене нравился напор и настойчивость молодого офицера. Для себя она уже все решила. Мешало лишь женское самолюбие. Не могла же она взять и сразу ему подчиниться, — И потом, у меня к вам очень много вопросов.

— Обещаю, что на все получите ответы. А пока собирайтесь и систематизируйте их.

— Может быть, для начала, вы скажите, как вас зовут?

— Руслан.

— Боже, как романтично! Почему я тогда не Людмила?

— Мне имя Лена нравится больше, — раздалось уже с кухни. Затем послышался звук закрывающейся двери.

Андреев зажег газовую плиту, поставил на нее чайник, сел за стол и углубился в книгу.

Лена, как под гипнозом, начала приводить себя в порядок. Помывшись и причесавшись, она сделала легкий макияж, покрасила ногти, надела новое легкое платье и туфли на высоком каблуке. На все про все у нее ушло полтора часа. Оглядев себя со всех сторон в зеркале и, оставшись довольной, она вошла на кухню, излучая красоту и дорогую французскую парфюмерию. Здесь все это время было тихо. Она грешным делом даже подумала, не ушел ли этот неожиданно свалившийся на нее красивый кавалер.

— А вот и я, — она открыла дверь и вошла. Андреев сидел за столом, склонившись над книгой. На столе стояла пустая чашка и лежала гора фантиков от шоколадных конфет. Он поднял голову, — Елена Александровна, до этого вы были просто красивы, но сейчас,.. — Руслан молитвенно сложил руки на груди и опустил глаза, — вы само божество. Я обещаю написать ваш портрет.

— Вы художник? — удивилась Лена.

— Нет. Я штурман. Но это все потом. Сейчас мы должны идти. Время,.. — он взглянул на часы.

— Куда? Я это должна знать. Иначе с места не сдвинусь.

— Не задавайте пока никаких вопросов. Пожалуйста, чуточку потерпите.

— Это точно не касается Леши? Может с ним что-то случилось? — снова встревожено спросила Елена.

— Нет, не касается. Успокойтесь, с ним все в порядке. Он жив и здоров. Для переживания нет никаких причин. Пойдемте. Нас ждут великие дела! — и он направился к выходу.

Возле парадной стояло такси.

— Прошу, — Андреев распахнул дверку.

— Машина все это время ждала нас? — удивленно спросила Лена.

— Я, конечно, готов нести вас на руках, но подумал, что для первого раза это будет неприлично. Поехали, — кивнул он шоферу.

Такси резко затормозило у ресторана «Украина».

Выйдя из машины, Елена пристально взглянула на Руслана.

— Что это значит? — спросила она.

— Это значит, что мы сейчас будем отмечать день вашего рождения.

— Нет! С незнакомыми мужчинами я по ресторанам не хожу. Извините, — она повернулась и, не торопясь, направилась в сторону улицы Большая морская.

— Елена Александровна, секундочку подождите. Сейчас мы зайдем в ресторан. Вы сидите там ровно пять минут. Максимум десять. И если после этого скажете, что меня не знаете, то уходите, и мы с вами больше никогда не увидимся. Вас так устраивает? Более того, вы сами подтвердите, что мы с вами уже три раза встречались. Правда, мимолетно, но встречались.

— Вы все время говорите загадками. Это что, такая форма общения? Вначале было интересно. Но сейчас начинает надоедать. Хорошо. У вас есть ровно десять минут убедить меня в обратном. Пойдемте, — она резко повернулась и пошла в сторону ресторана, — Но запомните, только на десять минут.

Они вошли в зал. Посетителей было немного. Дальний столик украшал огромный букет из белых роз, подчерки-

вая этим значимость предстоящего мероприятия. Лена, не сворачивая, подошла прямо к нему и подчеркнуто строго присела на стул.

— Полагаю, что я не ошиблась. Этот стол наш? Так?

— Так.

— Я все больше и больше начинаю убеждаться, что вы ловелас, дамский угодник, если не сказать больше, — проходимец, — в ее глазах сверкали молнии, — Ну… Слушаю ваши очередные бредни. Или уже нечего сказать? Докажите мне, что я вас знаю.

— Елена Александровна, не гневите Бога, потерпите чуть-чуть. В моем распоряжении, — Руслан посмотрел на часы, — есть еще семь минут. За это время мы успеем выпить с вами по бокалу шампанского. И еще останется тридцать секунд, чтобы я смог обелить себя в ваших глазах, ну и восстановить, опять же, вашу память.

Андреев взял со стола бутылку, открыл ее и разлил по бокалам искристое шампанское.

Елена напряженно рассмеялась, — Ну что ж, давайте выпьем. Только без заученных и пошлых тостов. Мне еще надо сходить на переговорный пункт. Хочу позвонить домой.

— За вас! Все остальное я скажу чуть позже.

Они выпили.

— Приступайте, — Елена откинулась на стуле и скрестила руки на груди, — Я готова еще немного послушать ваши бредни.

— Леночка, — начал Андреев, — вы Аллу Викторовну знаете?

— Да, Лена удивленно подняла бровь, — Это лучшая подруга моей мамы. Она заведует пульмонологическим отделением в больнице № 3.

— А не подскажите мне ее фамилию?

— Андреева, — ответила Елена задумчиво.

— У вас прекрасная память! А не припомните, дети у нее есть?

— Да. Сын. Руслан. Он тоже моряк и служит где-то в Севастополе. Мне еще дали адрес, чтобы я нашла его. Это спланировано у меня на воскресенье. Постойте… Вы Андреев..? Руслан..? Не может быть!

— Может, может. Вот мое удостоверение личности, где черным по белому.., — он достал из нагрудного кармана документ и протянул Елене, — Я так понимаю, что наше торжество по случаю дня вашего рождения продолжается. Скажу больше. Когда вы пришли в 331 школу, в шестой класс, я ее в том году заканчивал. Вы тогда жили на улице Седова, где, собственно говоря, и сейчас живете. Мы же с улицы Полярников, дом, если помните, возле детского садика, переехали на Лиговский проспект. Я потом поступил в Военно-морское училище. Служил на подводной лодке. Сейчас в отпуске. Через две с половиной недели еду на учебу в Военно-морскую академию. После ее окончания буду преподавателем в училище имени Ленинского комсомола. Это кратенько о моем будущем. Если продолжить наш экскурс в прошлое, то два года назад я вместе с вашими и своими родителями приходил на ваш выпускной вечер. Но тогда вы были заняты другими вещами и не обратили на вашего покорного слугу никакого внимания. И это правильно. Ведь в этот день вы делали большущий шаг из детства во взрослую жизнь. В это время видишь все и не видишь ничего. Ну и еще один раз, я вас чуть было не сбил, выбегая из своего подъезда. Меня ждала машина, и я опаздывал на самолет. Вот так, милая Леночка. А вы говорите, что мы не знаем друг друга. Мир то, оказывается, очень даже тесен, — Андреев ненадолго задумался, — И все вроде бы у меня хорошо: есть квартира на Владимирском проспекте, доставшаяся мне от бабушки, машина, дача в Зеленогорске… Нет только жены-красавицы. Но это дело мы сегодня поправим. С вашей помощью, разумеется, — он задорно улыбнулся, — Леночка, когда все точки над «и» расставлены, я все-таки хочу выпить за вас, — Руслан разлил по рюмкам коньяк, — Такой пре-

красный стол не должен пропасть в такой чудесный день! Оставайтесь всегда красивой, привлекательной, обаятельной, желанной и любимой! При этом будьте здоровы и счастливы! Сегодня весь мир стелю к вашим ногам! А это, — он полез в карман, — Нет. Давайте сначала выпьем.

Елена сидела, погруженная в сказочную ауру. Глаза светились радужным огнем, щеки налились здоровым румянцем, сердце пыталось выскочить наружу, грудь высоко поднималась. Вся Вселенная сейчас сузилась для нее до площадки столика. Она влюблено смотрела на своего спутника. За все это время ей не хотелось ни говорить, ни предпринимать каких-либо действий.

— А вот теперь наступило время для подарков, — Андреев снова полез в карман. Было заметно, как он волнуется. Его пальцы слегка дрожали, — Леночка, это вам, — он протянул коробочку из голубого бархата, — Примите от чистого сердца это скромное колечко. Аметист высоко ценится моряками. Он предохраняет их от несчастий. Этот камень скрепляет любовь, оберегает ее от всех злых сил. Позвольте, я надену его на ваш пальчик. Взамен лишь прошу вашу руку и сердце. Будьте моей женой.

— На меня столько сегодня навалилось проблем, я получила столько информации, что мое сердце готово выпрыгнуть из груди. Ну и еще я знаю, что аметист дарится после первой брачной ночи.

От неожиданности Андреев покраснел.

— Извините, но я этого, честно, не знал. Все это у нас с вами будет в недалеком будущем. Сейчас не надо обращать внимания на такие мелочи, — он рассмеялся и, повернувшись к залу, кивнул головой.

— Для Леночки и Руслана, сердца которых сегодня соединились, исполняется песня «Я люблю тебя до слез».

Андреев встал и наклонил голову, — Елена Александровна, позвольте пригласить вас на танец. Он у нас первый, но длиться будет всю жизнь. Это я обещаю твердо.

Елена, ошеломленная таким напором и натиском, полностью потеряла контроль над происходящим, находясь как бы в сказочном сне. И все это было будто не с ней. Действия, лица, события она видела словно со стороны. Музыка парализовала ее еще больше.

Руслан нежно держал девушку за руку и талию и говорил, говорил, говорил. А она, безмолвствуя, слушала и самопроизвольные слезы двумя мощными потоками струились из ее глаз. Их она даже не замечала.

— Завтра утром мы едем с вами на десять дней в Алушту. Море, солнце… и мы.

За столом они долго молчали. Лена переваривала все произошедшее. Руслан ее не торопил.

— Руслан, — наконец пришла в себя Елена, — все так неожиданно. Я не могу принять сейчас ни одно ваше предложение.

— Леночка, давайте вначале скажу я, а уже потом вы все подытожите. Договорились? Предлагаю перейти на «ты». Как ни как, а знакомы мы целую вечность. Вчера у моей мамы был день рождения. Я звонил, чтобы поздравить. Разговаривал без малого сорок минут.

— Ой, а я забыла. Как неудобно, — всплеснула руками Елена.

— Ничего. Я поздравил и за тебя. У нас в гостях были твои родители. Все, и твои папа с мамой, и мои, благословили нашу помолвку и пожелали любви и счастья. Свадьбу наметили на третье сентября. Это будет пятница. Регистрация брака состоится во Дворце бракосочетаний на набережной Красного флота. На этой неделе моя мама напишет и отнесет туда наше заявление. Данные своего удостоверения я продиктовал, а завтра ты передашь ей по телефону данные своего паспорта. Ключи от квартиры, где ты сейчас проживаешь, она велела отдать по этому адресу, — он протянул листок бумаги, — Эти люди об этом уже предупреждены. Завтра

же в десять утра я на машине заезжаю за тобой, и мы движемся в Ялту. Пару дней отдохнем там, а потом едем в Алушту. Я там знаю одно сказочное место, куда не ступала нога человека.

Он снова кивнул головой в сторону эстрады.

— Для Леночки и Руслана, — разнеслось по залу, — которые сегодня нашли друг друга, звучит песня из репертуара Александра Серова «Моя богиня». Пусть в жизни их всегда окружает любовь, счастье и удача! А над их головами светит ласковое солнышко, весело поют птицы, а в доме радостно смеются дети.

В зале раздались аплодисменты. Елена от неожиданности даже вздрогнула и как-то затравленно оглядела зал. Он наполовину был заполнен людьми в морской форме. Они неистово хлопали. Многие подходили к ней и дарили цветы. Лена, как бы ища защиту, непроизвольно прижалась всем телом к Руслану. Он обнял ее за талию и шепнул на ухо, — Ты испугалась, маленькая? Не бойся. Это мои друзья. Теперь они и твои друзья тоже.

Лена принимала цветы, поздравления и счастливо улыбалась. Она попала в такой бурный круговорот жизни, из которого самостоятельно выбраться практически невозможно. Ее несло, кружило, болтало из стороны в сторону. Но почему-то ей это нравилось все больше и больше.

— Друзья мои, — начал Андреев торжественно, — познакомьтесь, — он повернулся к Лене. Его глаза светились радужным огнем, — Моя будущая супруга, Леночка. Третьего сентября у нас свадьба. Все, кто может приехать в Ленинград, приглашаю на нашу торжественную регистрацию, — Руслан наклонился и нежно поцеловал Лену в губы, — Сейчас я прошу всех сдвинуть столы. Мы проведем генеральную репетицию.

— Руслан, — Лена дернула Андреева за рукав, — ну почему ты решаешь все сам? Ты даже ни о чем меня не спросил, не посоветовался, не поинтересовался моим мне-

нием — зашептала она, — Мы же не на Востоке. Я тоже имею права на голос.

— Конечно, милая. Твой голос в нашей семье будет решающим. Об этом не беспокойся. Ты даже представить себе не можешь, как я тебя люблю! — прокричал он и, подняв ее на руки, закружил по залу. Лена откинула голову. Ее каштановые волосы волнами спускались почти до пола. А Руслан, наклонившись, нежно целовал ее шею.

Когда музыка закончилась, столы были уже сдвинуты.

— Руслан, подожди. Мне нужно тебе что-то сказать, кое-что объяснить.

— Я знаю все твои вопросы и объяснения. Давай я на них тебе отвечу сразу. Ты волнуешься о Леше? Не стоит. Жениться нужно либо курсантом, либо, как я, капитаном. Пойдем, выйдем на улицу. Надо немного освежиться. Мужчины, — обратился он к сослуживцам, — вы тут продолжайте пока без нас. Мы с Леночкой немного подышим воздухом. Но сильно не увлекайтесь, мы скоро придем.

Они вышли на улицу. Площадь адмирала Ушакова была залита неоновыми огнями.

— Лена, — продолжил Андреев, — давай немного порассуждаем. Тебе учиться еще четыре года. Допустим, что ты выйдешь за него замуж и переведешься в Симферополь, ибо из медицинских учебных заведений в Севастополе есть только медицинское училище. Видеться с ним вы будете не чаще двух раз в месяц. Не делай круглые глаза. Я говорю правду. Это специфика службы надводников. Здесь я не учитываю боевые службы, которые длятся от шести до восьми месяцев. Квартира, которую надо будет снимать, стоит немалых денег. И получается, что при живом муже ты вдова. А если еще родится ребенок… Леночка, у меня есть все, даже будущее, которого пока нет у Алексея. Я не думаю, что он от горя полезет в петлю. Так поступают только истерички. Пойдет в кабак, нажрется, познакомится там с женщиной, переспит

с ней и тем утешится. Я люблю тебя. И еще раз прошу твоей руки и сердца.

— Руслан, на меня сегодня свалилось столько проблем, что я в полной растерянности. Я понимаю, что ты ждешь от меня положительного ответа, но я… А можно я позвоню маме? — вдруг встрепенулась она.

— Конечно! На тебе денежки. А вот и такси подошло. Ты езжай, а я предупрежу ребят и тоже подойду на переговорный пункт.

— Да я пешком. Тут идти полторы минуты, — заупрямилась Елена.

— Быстренько садись. Нас еще ждут за столом.

— Ты только подожди меня на улице. Не заходи в зал. Я стесняюсь, — улыбнулась она.

Елена набрала домашний номер. К телефону подошла мать.

— Здравствуй мам. Это я.

— Ой, Леночка. Ты чего так поздно? Как отдыхается? Море теплое? С днем рождения тебя! — затараторила мать.

— Спасибо. Отдыхаю хорошо, мам. Я хочу с тобой посоветоваться. Мне два часа назад Руслан сделал предложение. Я не знаю, что мне делать.

— Ленуся, как все хорошо сложилось! Мы этот вопрос вчера все обсуждали и пришли к выводу, что эта партия для тебя самая лучшая. И что ты ему ответила?

— Пока ничего. Вот звоню тебе.

— Не делай глупостей, соглашайся. Он человек самостоятельный. Квартира есть, машина… В Ленинград переводится. Парень — красавец. Родителей давно знаем. Дружим с ними.

— Мама, а как же Леша?

— Твой Леша забудет тебя через пять минут. Ты что собираешься с ним скитаться по гарнизонам? Ну хорошо, он с тобой в школе учился. Мало ли кто с кем учился. Что

ж, за всех них замуж выходить? Не дури девка. Счастье само плывет тебе в руки. Он сказал тебе, что свадьбу наметили на третье сентября?

— Сказал.

— Готовься. И норов свой уйми, — в голосе матери слышались жесткие нотки.

— Он сказал, что завтра мы едем с ним в Алушту.

— Очень хорошо. Вот и поезжай. Перед свадьбой отдохнете, загорите. Я адрес ему дала, куда отдать ключи от квартиры.

— Он уже его мне передал.

— Руслан далеко от тебя?

— На улице ждет.

— Привет ему огромный передай и поцелуй. Благословляю вас, дети мои. Отец тоже благословляет. С Богом, доченька! Все у вас будет хорошо! Не переживай. Ну беги, не оставляй красивого мужчину долго одного. Уведут, — она засмеялась, и в трубке послышались гудки.

Лена опустила трубку и долго стояла, наклонив голову, пока не услышала стук за дверью кабинки, — Девушка, вы свои эмоции можете проявлять в зале? Нам тоже хочется позвонить, — кричал за стеклом мужчина.

— Извините, — прошептала Елена и направилась к выходу.

Руслан сидел на скамейке и нервно курил. Лена тихо подошла, присела рядом. Долго молчали.

— Руслан, — наконец начала она, облокотившись на его плечо, — скажи, пожалуйста, как бы ты вел себя на моем месте? Мне сейчас так трудно. Ты себе представить не можешь. Все говорят одно и то же. А у меня на душе кошки скребут. Нет, не потому, что ты противен… Скорее наоборот… Понимаешь, мне сейчас очень трудно передать свои чувства. Вот ты идешь, идешь… Вокруг все известно и знакомо. И вдруг раз, и все изменилось. Вроде бы

ничего и не поменялось, а все стало чужим, незнакомым. Мне страшно. Помоги мне.

— Солнышко ты мое ясное, ты думаешь, что вся эта легкость дается мне свободно и непринужденно? Нет, моя хорошая. Мне тоже чрезвычайно трудно и сложно. Но все это скоро пройдет. Поверь мне. Я тебя очень сильно люблю. Ты для меня самый дорогой человек на свете.

— Разве так можно, взять и сразу полюбить? — проговорила Елена задумчиво.

— А ты разве не веришь в любовь с первого взгляда?

— Верю. Но со мной такое впервые.

— Все когда-то бывает впервые. Лена, — голос Руслана стал серьезным, — если тебе я неприятен или не симпатичен, то это в корне меняет дело. Я принесу тебе искренние извинения, и мы расстанемся.

— Ну почему сразу неприятен? Просто это свалилось на меня, как снег на голову.

— Тогда скажи одно только слово: «Да» или «Нет».

— Да, — еле слышно промолвила Лена.

— Милая моя, — Руслан сгреб ее в объятья и покрыл поцелуями, — Как я счастлив!

— Товарищ капитан-лейтенант, — раздалось сзади, — капитан второго ранга Романов, старший офицерский патруль. Предъявите документы. Почему ведете себя в общественном месте неподобающим образом?

— Товарищ капитан второго ранга, Леночка согласилась стать моей женой.

— Это правда? — старший офицер посмотрел в сторону девушки и раскрыл удостоверение Андреева.

— Да, я согласна, — наивно произнесла Елена, встав со скамейки.

— Тогда примите самые искренние поздравления. Счастья вам на долгие годы, любви и терпения. Быть женой моряка тяжело, но почетно. Честь имею! — он прило-

жил руку к козырьку, — Кстати, не вашу ли помолвку отмечают в «Украине»?

— Нашу! — хором ответили молодые.

— Ну, еще раз поздравляю. Гуляйте без приключений.

— Спасибо. Леночка, пойдем туда. Мы за тем столом сегодня далеко не лишние.

ФИАСКО

Василий Емельянович Коломиец восемь лет как схоронил жену. Сердце… В одно мгновение раз, и остановилось. И нет человека. Был и нет. До пенсии-то ей всего год оставался. И на тебе.

Теперь он жил скромно и неприметно в своей трехкомнатной квартире с квартирантами, не совсем молодой, зато тихой и спокойной парой. Да и пустил-то он их не ради наживы, а чтоб со скуки не одичать. Денег хватало. Пенсия отставного офицера-моряка, прослужившего на флоте без малого тридцать лет, была достаточно большой. Сын, работающий на буровой где-то на Крайнем севере, помогал изредка, да и дочь, доктор в Виннице, не забывала отца. Грех было жаловаться. Но и аскетом тоже не был. Нет-нет, да и заглядывал к соседке из соседнего подъезда, пока у той муж находился в разъездах, работая на поезде дальнего следования проводником.

Поначалу тянуло к нему многочисленных невест. Просто отбоя не было. И молодых, и старых, и рыжих, и белых, и совсем разных… А чего бы и нет? И не стар еще… И квартирка не маленькая… Да и мужик не пьющий… Не жених, а золото! Главное, конечно, для всех них была его квартира. О любви речь даже и не поднималась. Но ни к

кому из них не лежала у него душа. И отвергал он их всех, а порой, и посылал куда подальше.

Шли годы. И не шли вовсе, а летели пулей. Некогда густые черные волосы заметно поредели, покрылись инеем. И забот резко поубавилось: еда, телевизор, прогулка по парку, да газеты перед сном.

Как-то под Новый год пришло ему извещение на посылку. Дочка решила отца к празднику чем-то вкусненьким побаловать. Не торопясь позавтракав, Василий Емельянович надел свою любимую дубленку, подаренную ему в позапрошлом году сыном, и пошел на почту, прихватив с собой кусок веревки, чтоб назад было удобно нести.

Оформив положенные бумажки и получив посылку, он перенес ее к столу и аккуратно перевязал бечевкой. То ли не прочно связал, то ли веревочка оказалась гнилой, но посылка вырвалась из рук и всей тяжестью упала на ногу миловидной женщине. Та, скривившись от боли и ойкнув, даже присела. Василий испугался, помог ей подняться. Та сделав два шага, виновато улыбнулась и присев на стул, стала растирать ушибленную ногу.

— Простите меня, пожалуйста. Как все несуразно получилось. Надо срочно поехать в больницу и сделать рентген. Не дай Бог что-то серьезное, — засуетился Коломиец, — Вы посидите здесь, а я поймаю такси.

— Ой, не беспокойтесь. Сейчас все пройдет.

— Нет. И еще раз нет. Не будем искушать судьбу. Я побежал, — и он быстро направился к выходу.

Травма оказалась не серьезной. Врачи, диагностировав сильный ушиб, порекомендовали делать водочный компресс и отпустили больную домой. Василий, как виновник всего происходящего, вновь проявил учтивость и отвез пострадавшую домой, помог ей подняться на четвертый этаж, где они, уже как старые знакомые, мирно беседуя пили чай с конфетами, сухой колбасой, тортом и фруктами из злополучной посылки. Беседа затянулась до позднего вечера.

Вере Семеновне, так звали новую знакомую Василия Емельяновича, было пятьдесят шесть лет. Но выглядела она значительно моложе. Жила тоже одна в двухкомнатной квартире в квартале от его дома. Крашеные светлые волосы, с едва заметной косинкой глаза и небольшая родинка на правой щеке делали ее очень привлекательной. А когда она улыбалась, сердце Василия начинало молодо биться.

Завязавшаяся между ними дружба постепенно переросла в настоящую любовь. Время летело еще стремительнее. Приближалось восьмое марта. Василий получил, наконец, долгожданное приглашение от Веры, — встретить праздник у нее дома. Договорились на девятнадцать часов.

Начиная с самого утра, Василий Емельянович метался из одного места в другое как молодой. На рынке купил фрукты, корейские салаты, большущий кусок соленой красной рыбы, свежую щуку на пять килограмм, он ее любил и умел по-своему очень вкусно готовить. Этим и планировал заняться под вечер, чтобы принести ее к столу теплой. Цветы выбирал весьма тщательно: семь белых роз очень трогательно и торжественно окружали четырнадцать алых. Букет получился просто сказочным! Оттащив все это домой, он помчался в магазин. Мускатное шампанское, армянский коньяк, конфеты, печенье, колбаса, сыр… Короче, с такой закуской можно было гулять, не выходя из стола, аж до первого мая. Но для Василия это был не просто Международный женский день. Именно сегодня он решил предложить Верочке свою руку и сердце. И в этот, судьбоносный для него день денег не жалел. Не в них, в конце концов, счастье! И ничего страшного, что в кошельке осталось сто гривен. Они ему еще потребуются сегодня вечером. Нужно будет заглянуть в одно место. С голоду не помрет. На днях пенсию дадут.

Смеркалось, когда он, вымытый, выбритый, шикарно пахнущий, в новом костюме, любимой дубленке и нор-

ковой шапке, вышел из подъезда. Его руки обрывали две неподъемные сумки и букет. Но еще надо было зайти в аптеку. Хорошо, что она располагалась в десяти метрах от его дома.

В аптеке было пусто, но шумно. Из служебного помещения доносилась музыка и громкие голоса. Видно сотрудники отмечали свой женский праздник.

— Мужчина, мы закрываемся. Что вам? Говорите быстрее, мне некогда, — затараторила крупная женщина с пунцовыми щеками, выглядывая из подсобки. Выйдя, наконец, в зал и пристально разглядывая Коломийца, она подошла к кассе, — Да что вы там ищите? Вам помочь?

Щеки Василия тоже налились красной краской, — Мне нужно… Как бы это правильно выразиться… Ну, чтоб стоял,.. — выдохнул он, — У вас такое есть?

— Конечно, есть. И стесняться этого не надо. Вам какой препарат?

— А что, есть разные? — от неожиданности он даже присел, — А покажите все. Мне бы покрепче.

Она выставила на прилавок с десяток коробочек.

Василий Емельянович нежно потрогал каждую, как бы проверяя находящуюся в ней силу.

— И сколько же стоит такое лекарство? — тихо спросил он, робко глянув в глаза улыбающейся женщине.

— От двухсот до восьмисот гривен. Берете?

— Ух ты!.. — простонал он и мертвенная бледность покрыло его лицо. Рука инстинктивно пощупала пустой кошелек.

— Так что вы выбрали? — в голосе женщины послышалось раздражение. Ей хотелось быстрее вернуться к столу.

Коломиец поднял на пышущую здоровьем женщину туманный взор. Все, к чему он стремился, о чем сладострастно мечтал, полетело к чертовой матери.

— А валокордин есть?

— Есть.

— И сколько он стоит? — Василий сделал ударение на слове «он».

— Десять тридцать.

— Дайте его. Два флакона.

Рассчитавшись, Василий с трудом оторвал от пола свои сумки и по-стариковски, шаркая пятками, направился к выходу. Его теперь ничего не радовало, ничего не интересовало. Темная пелена закрыла для него все радужные краски.

— Мужчина, мужчина, — послышалось сзади, — вы цветы забыли.

— Они мне больше не нужны. Это вам. С праздником! — и открыв дверь ногой, он вышел на улицу.

Дома, не снимая одежду, Василий зубами открыл бутылку коньяка и, не отрываясь, выпил ее. Протяжно выдохнув, набил рот красной рыбой и рухнул на диван. Сквозь пьяный сон слышал долгие и продолжительные телефонные звонки.

Больше он в любовь не играл. А чтобы окончательно не свихнуться, купил породистую собаку и занялся рыбалкой. Всё какое-то дело.

Возраст диктует нам свои права на развлечения. И чем ты старше, тем их все меньше и меньше.

ДЕТЕКТИВНАЯ ИСТОРИЯ

Алевтина проснулась среди ночи от животного страха. Открыв глаза, она прислушалась. Сквозь тихое посапывание спящего мужа были слышны какие-то странные звуки. Они доносились откуда-то со стороны. Поднявшись с постели, женщина накинула на себя халат, тихо открыла шкаф, взяла с полки бутылку шампанского и, держа ее

над головой, крадучись, на цыпочках, обошла квартиру. В доме все было спокойно. Дети, раскинувшись по кроватям, мирно спали. Кот, свесив свой пушистый хвост с подоконника на кухне, даже не среагировал на появление хозяйки. Улица безмятежно отдыхала после бурно проведенного дня. Казалось, что весь мир погрузился в дрему.

Алевтина вернулась в спальню. И только было собралась лечь в кровать, как снова услышала подозрительный шум. В страхе она замерла, прислушалась. Странные звуки, похожие на стоны, доносились из соседней квартиры, где жила ее подруга, Алла Яковенко. Алевтина приложила к стенке ухо. Стоны слышались четче. Волосы в ужасе поползли вверх.

— Ленку убивают, — пришла первая мысль.

Алевтина затрясла мужа за плечо, — Толик, проснись. Из квартиры Яковенко слышатся стоны. Максим в море. Лена одна. К ней в квартиру, наверное, забрались бандиты и над ней измываются, — заработала женская логика.

Анатолий Чернов, старший помощник большого противолодочного корабля — редкий и дорогой гость в доме. Поэтому его визиты приравниваются к государственным праздникам. Нарушить покой кормильца позволительно только лишь в случае вероломного нападения врага на Отечество. Все другие причины просто-напросто отвергаются.

— Толя! Да проснись же ты, наконец. Ленку убивают!

— Кто? — Анатолий сел на кровати и потряс головой, отгоняя сон.

— Бандиты. Кто еще может убивать? — зашептала супруга.

— Вечно тебе мерещится всякая ересь. Ложись спать, — голова мужа снова коснулась подушки.

— Ты послушай, послушай… У тебя все, что я не скажу, либо ересь, либо чушь. А ты ухо к стенке приложи. Тогда все и поймешь. Умник нашелся! Женщину спасать нужно. Так и меня с детьми кто-то грохнет, а ты, как младенец, спать будешь.

Муж придвинулся к стене и прильнул к ней ухом. За стенкой действительно что-то походило на стоны.

— Может ребенок плачет? — попытался внести ясность Анатолий.

— Во-первых, дочь она отвезла к своей маме. А, во-вторых, дети так не плачут. Ты у нас сильно умный, мог бы стон отличить от плача. Хотя, какой там! Дети на моих руках выросли. Ваше величество у нас все это время по морям и океанам ходили, — язвительно прошипела жена, — Давай уже что-то предпринимать! Надо спасать соседку!

— Ты ей пробовала позвонить?

— Еще не пробовала. Может милицию вызвать?

— Так позвони ей! — повысил голос муж, чувствуя сердцем, что сна сегодня уже не будет, — Милиции что скажешь? Вроде бы кто-то стонет? Они пошлют тебя подальше и будут правы.

Алевтина набрала номер подруги и долго ждала ответа (в те далекие времена наши люди о мобильных телефонах не имели ни малейшего представления).

— Не отвечает. Бандиты что, дураки? Они первым делом провод обрезают. Это сколько раз в кино показывали. Я вызываю милицию.

— Да подожди ты со своей милицией! В дверь давай позвоним. Может это и не стон вовсе, а сквозняк или музыка играет.

— Какая музыка в три часа ночи? Ты на часы смотрел? Говоришь, в дверь позвонить?.. А бандиты выйдут и убьют нас. Возьми в руки что-то тяжелое. Молоток или топор. Чтоб их сразу оглушить.

— Не перестаю удивляться женской глупости, — Анатолий стал надевать спортивный костюм.

— На, возьми, — Алевтина в дверях сунула мужу огромную скалку. В ее руке тускло блестела сталь кухонного ножа.

На лестничной площадке царил полумрак, подавляя и без того жуткое настроение.

Анатолий нажал на кнопку звонка. Звонок по ту сторону двери молчал. Теперь и у него мурашки побежали вдоль позвоночника. Он растерянно посмотрел на жену.

— Не работает, — глупо улыбнулся он, показывая глазами на дверь.

— А я что говорила… Убедился? — шипела жена, — Вы все, мужики, умные, а жены у вас дурочки…

— Хватит! Нашла время для остроумия! Думаю, что стучать не надо. Спугнем. Я здесь постою, а ты иди, позвони в милицию. Скажи, чтоб быстрее приезжали.

— Толя, пойдем вместе. Я боюсь за тебя, — голос Алевтины задрожал, — Вдруг тебя тоже убьют.

— Не нагоняй жути. Иди уже. Делать все надо очень быстро. С такими темпами, как у тебя, и правда убьют. А если такое случится, значит, третий гудок в телефонной трубке, девятый шпангоут по левому борту корабля и мусорный бак в нашем дворе назовут моим именем.

— С тобой ни о чем нельзя серьезно поговорить. Дурь так наружу и прет!

— Я начинаю понимать, что спасение подруги отодвигается у вас на второй план.

Жена, метнув на мужа гневный взгляд, стремительно бросилась в квартиру. Через секунду до Анатолия донесся ее приглушенный голос.

Минут через пятнадцать пять милиционеров, вооруженных пистолетами, поднялись на третий этаж. На лестничной площадке со скалкой и ножом, стояли супруги Черновы. Их вид не внушал блюстителям порядка никакого доверия. Мужчина в грязно-сером, вытянутом на коленях, спортивном костюме и сигаретой во рту, женщина, с прической «ведьма на отдыхе» и халате, застегнутом на верхнюю и нижнюю пуговицы, сами больше походили на бандитов, чем на мирных людей.

— Наконец-то вы пришли. Слава Богу! Мы тут с мужем чуть с ума не сошли. Из-за стенки слышатся стоны, по телефону звоним — никто не подходит, дверной звонок молчит. Ее, наверное, уже убили. Она сейчас живет одна. Муж в море, — тараторила Алевтина, ходя взад и вперед, демонстрируя всем при каждом шаге прелести своего тела.

— Документики приготовили, граждане, — скомандовал старший наряда? — Это ваша квартира? — он указал на распахнутую дверь.

— Там же ее убивают, — дрожащим голосом прошептала Алевтина, показывая пальцем на соседнюю дверь.

— Разговорчики. Трое остаются здесь. Ляпин идет со мной.

— Что тут у вас произошло? — спросил офицер, усаживаясь за кухонный стол.

— Понимаете, — залепетала Алевтина, — я проснулась среди ночи от какого-то шума. Прислушалась, а от соседки через стенку доносятся стоны. Тут мы…

— Ляпин, пойди, послушай, что там за стоны они услышали, — перебил ее старший лейтенант, — Кто там проживает? Чем занимаются? Когда соседей видели последний раз? — продолжал опрос милиционер.

— Вы сейчас задаете идиотские вопросы, а ее там зверски мучают.

— Я попрошу следить за языком. Это первое. И второе, — попрошу отвечать на мои вопросы.

На кухню вошел сержант.

— Что там у тебя, — спросил офицер.

— Из соседней квартиры, товарищ старший лейтенант, через стенку, действительно слышны женские стоны, слова «мамочка», «не могу больше», «спасите».

Офицер сильно побледнел и выскочил из-за стола, — Вы остаетесь здесь. Из квартиры не выходить. Ясно? Ляпин, за мной!

Они выбежали на лестничную площадку.

— Звоните в дверь, — приказал старший лейтенант.

— Звонок молчит.

В это время из квартиры донесся душераздирающий женский вопль и все затихло.

Офицер выхватил из кобуры пистолет и прохрипел, — На счет три все наваливаемся на дверь. Раз, два, три-и! — начал считать он и вся группа в жутком остервенении ринулась на освобождение жертвы насилия. Дверь, издав сухой, надрывный треск, рухнула на пол. Три милиционера упало вместе с ней, а остальные, с поднятыми пистолетами, стремглав бросились в комнату, где горел свет. Картина была просто потрясающей. В постели, широко раскинув руки и ноги, практически без чувств, лежала обнаженная женщина. Рядом располагалось обессиленное тело мужчины.

— У вас все в порядке? — задал ничего не значащий вопрос лейтенант, пряча пистолет в кобуру.

— У нас все замечательно, — пьяно ответила женщина, — А вы кто такой? Гостей, кроме Славика, я сегодня не желаю видеть.

— Утром в ЖЭК позвоните, чтобы дверь на место поставили, — милиционер направился к выходу.

— Ну что там? Лена жива? — Алевтина все еще держала кухонный нож в руке.

— Живее не бывает, — хмыкнул лейтенант, — Всем на выход, — скомандовал он и направился вниз.

Ничего не понявшая Алевтина, взяв за руку мужа, на цыпочках вошла в квартиру соседки. Заглянув в спальню, она от увиденного обомлела.

— Ленусь, а я думала, тебя убивают, — извиняюще пробормотала она.

То, что было дальше представить не так сложно: супруги Яковенко, по возвращению хозяина с моря, с большим скандалом, разумеется, развелись и квартиру разменяли, а во всем виноватыми сделали чету Черновых. А кого же еще?

Иначе быть и не могло.

ЖИТЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ

Последний раз на родине Саня Нестеренко был одиннадцать лет назад на похоронах бабки, еще молодым и зеленым лейтенантом, только-только окончившим Военно-морское училище в Севастополе. Потом все время что-то мешало. А что, и сам понять не мог. Какие-то надуманные дела, несуществующие проблемы, беспорядочная суета, природная несобранность, лень… Аргументы и доводы на этот счет находились всегда. Да и не ждал его уже никто. Родственники были, а вот близких… Мать, когда ему было одиннадцать лет, уехала куда-то искать счастье и бесследно исчезла. Отца он никогда и не видел. Рассказывали, что мать нагуляла его с заезжим шофером, что приезжал на уборку урожая. А, правда это или нет, он и знать не хотел. Ну а бабушка, которая вынянчила его, воспитала, дала путевку в жизнь, и которую он сильно любил, теперь лежала в земле сырой.

Службу ратную Саня начал в штурманской боевой части на крейсере, что стоял в консервации на доблестном Северном флоте. И все у него с самого начала не заладилось. Жена, приехав вместе с ним из солнечного Крыма в Североморск, и вдоволь хлебнув флотской романтики на продавленных с клопами диванах, вильнула хвостом и укатила к папе и маме, оставив ему в удостоверении личности отметку о разводе. Партийные органы, тут же коршуном налетели на лейтенанта и объявили ему выговор за то, что он не сберег ячейку коммунистического общества. Дальше — больше. Из подразделения, которым командовал Нестеренко, в самовольную отлучку уходит матрос и в пьяной драке убивает человека. И новый выговор, но уже строгий, получает молодой коммунист, прослуживший на корабле всего-то шесть с половиной месяцев. Карьера, о которой мечталось в младые годы, резко накрылась медным тазом и понеслась вниз с космической скоростью. Это

сейчас, — не понравился дядька-командир, тяготит служба военная — рапорт на стол и иди на все четыре стороны. Тогда же все жили принципом: «Партия сказала, комсомол ответил есть». И раз Родина тебя выучила, надела погоны на плечи, так будь теперь любезен, двадцать пять лет, нравится тебе это или не нравится, а отслужи Отечеству верой и правдой.

Сане же не повезло с самого начала, не заладилось… И так шло дальше и дальше. Стал он водочкой баловаться, чтоб горе медом казалось, гулять от одной женщины к другой, драться, хулиганить… А кому такое нравится? Однокашники большие звезды давно носят, а он все в капитан-лейтенантах ходит. Ни семьи, ни детей… Перекати-поле. Куда ветер подул, туда и покатился.

Но вот чего нельзя было у него отнять, так это то, что женщины любили Сашу как безумные. И главное, ничего не требовали взамен, отдавая ему себя полностью. Да и разлучаясь с ним, представительницы прекрасного пола всегда оставались Сашиными друзьями. Может быть, их прельщала его независимость, чего так не хватает другим мужчинам? Или природный магнетизм? А может и есенинская простота, с лихой бесшабашностью? Даже внешне Нестеренко сильно походил на рязанского поэта: те же светлые волосы, те же голубые глаза, та же жажда к разгульной жизни. И что характерно, — не он выбирал этих женщин. Они сами, как энцефалитные клещи, мертвой хваткой впивались в его тело. Они сами прилипали к нему, как к магниту прилипает металлическая стружка. Это они в порыве страсти шептали слова любви, срывая с себя одежду. Это они готовы были идти за ним в огонь и в воду. А почему? Он и сам не знал. Но покорно мирился с их необузданным темпераментом, разжигая его тем самым все больше и больше. И даже у партийных работников были большие догадки, что пятеро детей могли бы звать его папой.

Командование корабля прилагало невероятные усилия, борясь с многочисленными недостатками Нестеренко. Но все было напрасно. В конце концов, они махнули рукой и с нетерпение ждали его сорокалетия, когда младших офицеров увольняют в запас.

Может Александр перенасытился всем, а может просто устал, но словно по мановению волшебной палочки начал преображаться. Глаза, источающие шквал огня, померкли. В них появилась затаенная грусть, усталость. Стала изнутри точить ностальгия. До слез захотелось вновь увидеть родные степные просторы, вкусить горьковатый воздух полыни, потрогать шепчущиеся на ветру хлебные колосья, сходить на зорьке на рыбалку и, наконец, поклониться праху дорогой и любимой бабушки, так много сделавшей хорошего в его жизни. Всего и не перечислишь, чего хотелось сделать и увидеть. Даже спать стал плохо. Каждый день снилось родное село. И все так четко, так реально, что даже сердце по утрам начало щемить.

Он всерьез взялся за службу, бросил гулять, пить… Вскоре его подразделение было признано лучшим в бригаде. Приказом комбрига капитан-лейтенанту Нестеренко, впервые за всю его долгую службу, была объявлена благодарность. Командование корабля, боясь сглазить, настороженно следило за этим резким перевоплощением. Но нет, прошли полгода, год, а офицер буквально ленточку рвет. Никаких замечаний. Даже придраться не к чему. И выговоры сняли, и звание капитана третьего ранга присвоили… Служит офицер! Посоветовавшись с кадровыми работниками, написали представление на новую должность, командиром роты в учебный отряд. И снова никаких замечаний.

А Саня готовил себя к отпуску! Основательно готовил. Не мог же он приехать на родину с пустыми руками. Его появление должно было быть схожим с извержением вулкана, цунами, штормом в девять баллов!

И он копил деньги, оставляя себе на расходы самую малость. В свободное от службы время занимался ночным извозом пассажиров, договорился со своей давней подругой, проводницей южного направления, чтоб та привозила на Север витамины, в виде зеленого лука, укропа, петрушки и всего того, что не растет на берегах Баренцева моря. Через вторую подругу, директора всех ресторанов Мурманска, с которой он когда-то весело проводил время в течение двух лет и подарившей ему новенькую «Волгу», реализовывал эту зелень, имея неплохой барыш. Короче, крутился как волчок. Через полтора года его кошелек сильно пополнел. Это не могло не радовать Александра. Теперь он ждал лета, как путник в пустыне ждет глотка воды. Но дни тянулись вязкой резиной. Время замедлило свой бег. От всего этого тоска по родным местам становилась просто невыносимой, все сильнее и сильнее сжимая грудь.

Пришло долгожданное заполярное лето, когда вместо надоевшей за зиму шинели изредка, в светлое время суток, можно было надевать тужурку. Александр оживал на глазах. Написал рапорт на отпуск на июль месяц. И потихонечку принялся собираться в дорогу. Ехать решил на машине. Ну какой фурор может произвести военно-морской офицер, идущий с чемоданом по пыльной дороге? Ни-како-го! На завоеванную территорию моряк должен входить с высоко поднятой головой и разорванной на груди тельняшке. Именно так! И не иначе! Для этой торжественной минуты Нестеренко даже пошил себе новую форму.

Наконец настал тот долгожданный день, когда Саня, повернув ключ зажигания, уверено устремил машину на юг. Долгая дорога хоть и утомляет, но если душа и сердце поют, колеса вращаются с утроенной скоростью. В Москве он сделал небольшую остановку. Не приедет же он к родственникам и односельчанам с двумя ящиками хорошей водки, купленной в Мурманске и ящиком свиной тушен-

ки для ее закуски, взятой на продовольственном складе за литр спирта. Надо купить еще подарков. А с размерами они там сами разберутся.

И вот за окном замелькали знакомые до боли поля и перелески родной николаевщины, в глазах заиграли зайчики, отраженные водной гладью Южного Буга. Александр остановил машину, вышел, сладко потянулся и глубоко втянул в легкие родной терпкий воздух степи. Спустившись к реке, не спеша разделся и, в чем мать родила, с радостным криком бросился в воду. Нарезвившись как ребенок, он тщательно, песком и мылом, смыл с себя дорожную грязь и, встав под лучи заходящего солнца, блаженно закурил, задумчиво вглядываясь в бездонное небо, где пел свою нескончаемую песню невидимый птах.

— Хорошо-то как, Господи! Закончу службу, уеду сюда с этого промозглого Севера и буду жить припеваючи, в свое удовольствие. На речку стану ходить, рыбу ловить… Найду молодку, чтоб стирала и жрать готовила… Пчел заведу, скотину какую-нибудь… А почему нет? Не все же по миру бобылем мыкаться…

Слегка обсохнув, тщательно вытер в салоне придорожную пыль, переоделся в форму и двинулся дальше. До родного села оставалось езды не больше десяти минут. Ехал Саша не торопясь. Как бы настраивая себя на встречу с далеким прошлом. Слева, вдоль реки, рос непролазный кустарник, а справа, до самого горизонта, простирались начавшие желтеть хлебные поля.

А вот и на небольшом взгорье показалось его село, раскинувшееся вдоль реки, километров на пять. В лучах заходящего солнца оно казалось темным, не живым. Сердце забилось глуше. Руки стали влажными.

Впереди по дороге широким, твердым, уверенным шагом шла молодая женщина. Открытый светлый сарафан выгодно подчеркивал ее упругое от крестьянского труда

тело. А обветренная на южном, знойном солнце кожа отливала бронзой загара. Светлыми, слегка вьющимися волосами, играл забияка ветер. В руке она держала скрученные вожжи. Александр притормозил.

— И откуда идет такая красавица? — женщина действительно была очень красивой.

— Батюшки мои, — всплеснула она руками, — настоящий моряк! Никак к нам едете? — ее щеки слегка порозовели.

— К вам! Присаживайтесь, пожалуйста. Мигом домчу. И чья вы такая распрекрасная будете? Лицо знакомо, а вот припомнить, не могу.

— Я никуда не спешу, — она плотно уселась на переднее сидение, — Оля Чубай, дочь тети Фроси. Помните такую? А вы, если не ошибаюсь, Нестеренко Александр Иванович?

— Ого! — рассмеялся Александр, — Страна знает своих героев! Так точно! Капитан третьего ранга Нестеренко Александр Васильевич! Для вас просто Саша. Прибыл в очередной отпуск на родину, — он снова залился радостным смехом, — Как тетя Фрося поживает? У нее, поди, внуков, за глаза и за уши.

— Извините, что отчество перепутала, — ее щеки вновь порозовели, — Редко бываете у нас. Не мудрено и забыть. А внуков-то у тети Фроси и нет. Живем с ней вдвоем.

— Чего это нет? Ты такая красивая… Замуж никто не берет? — искренне удивился Нестеренко, резко переходя на «ты» — Не верю. Лет-то тебе сколько? — машина ехала, еле передвигая колесами.

— Скоро двадцать пять, — тяжело вздохнула она, — И не в красоте счастье. Замужем была семь месяцев. Муж четыре года назад утонул. Водка проклятая его на дно потянула. А ребеночка Бог нам не дал, — Ольга украдкой смахнула слезу, — Олег, брат мой, шесть лет назад в армии погиб. Парашют не раскрылся. Так вот с мамой и живем одни.

— А разве второй раз замуж нельзя выйти?

— За кого? В селе одни пьяницы и наркоманы. Смотреть противно, не то, что жить рядом! Уж лучше так… Половина всех этих потенциальных «женихов» поиздыхало. Одни опились, другие отравились, третьи повесились… От них не дети, а уроды получатся.

— А за меня замуж пойдешь? — неожиданно для себя выпалил он.

— За вас? — она внимательно оглядела Александра с ног до головы, — За вас пойду! А вы разве не женаты?

— Нет.

— И никогда не были?

— Был. Ажнык три месяца. В конце пятого курса женился. После распределения уехали на север. А через месяц она собрала вещи и укатила. Вот так вот, милая Олечка.

— Такой интересный мужчина… И на тебе… На поэта похож… Как же его?..

— На Блока? — пошутил он.

— Какого Блока?.. — Ольга нахмурила брови, роясь в своей памяти.

— Значит на Маяковского, — засмеялся он.

— Не сбивайте меня с мысли. Когда надо, я сама запутаюсь. На Есенина! — Она улыбнулась, обнажив свои красивые зубы, — Точно, на него!… А чего потом не женились?

— Море… Вся жизнь проведена на нем, — Нестеренко знал, что женщинам близки страдания, — А там невест нет, — печально произнес он, — Да и тебя мечтал встретить!

— Везде свои проблемы, — горько произнесла она, — И чего на земле так много горя? Куда не кинь взгляд, — одни слезы. Улыбающийся человек скоро станет большой редкостью.

— Сейчас уже с морем покончено. Служу на берегу. Надоело быть путешественником. Хочу семью! Хочу детей! И просто каждый день приходить домой. Хочу! Хочу!

Хочу! Очень хочу всего земного! Хочу любить и быть любимым! Хочу, чтобы ты стала моей женой! И… больше ничего мне не надо. Ты не будешь против этого возражать?

— Не буду, — прошептала она, — А в вашем доме Колька Родионов живет. Вот уже четыре года. Ремонт небольшой сделал. Крышу залатал. Огород сажает. Он уже третий раз женился. Что ни год, то новая жена. А дома с матерью не уживаются. Характер что у тети Лены, что у него одинаковы. И тоже пьет, как скаженный. Какую радость вы, мужчины, находите в этой самой водке? Не пойму. А ты пьешь?

— Уже нет. Это я тебе говорю со всей ответственностью.

Родионовых Саша знал хорошо. Тетя Лена доводилась племянницей бабушки. Она была вечно всем недовольной, сварливой и очень завистливой женщиной. От двух мужей, которые не выдержали постоянной тирании и оставили ее, имела двух детей. Николай жил с ней и унаследовал тяжелый норов от мамы. Дочь, Таня, окончив медицинское училище, уехала по распределению на полтавщину. Там, в Миргороде, вышла замуж. Там и живет, работая медсестрой в больнице. На родине почти не бывает из-за невыносимого характера матери.

Родственников у Александра было не так много.

Дед Миша, бабушкин младший брат, живший в огромнейшем доме на другом краю села вместе со своей огромной семьей: женой, тетей Наташей, тремя детьми, пятью внуками и тремя правнуками. Эта семья была дружна, и трудилась как муравьи с утра и до вечера. Тетя Люба, другая бабушкина племянница, тихая и скромная женщина, схоронив мужа, жила одна. Детей у нее не было. Был еще мамин брат, дядя Юра, горький забулдыга и пьяница. Зато друзей было чуть не половина села.

— Олечка, забыл спросить. А откуда ты шла? И с вожжами?

Она засмеялась. На душе у Александра сразу стало тепло и радостно. Жутко захотелось ее поцеловать, но он сдержался.

— Мы коровку продали в соседнее село, а забрать ее некому. Женщина старенькая. Вот я ее туда и отогнала. Денег немного заработали, — она хитро улыбнулась, — Может вскоре пригодятся?

Солнышко закатилось за горизонт, когда они въехали в село. Саша остановил машину.

— Олечка, — в голосе Александра звучали строгие, деловые нотки, — с этой секунды мы с тобой на «ты». Если я тебе не противен, а ты мне очень и очень нравишься, и ты согласна стать моей женой, ровно через неделю, а это будет пятница, играем свадьбу. У тебя по этому поводу есть какие-либо возражения?

— Нет, — ели слышно прошептала она, — Вы,.. ты мне тоже нравишься. Я на все согласна. На все.

— Хорошо! Здесь я намереваюсь пробыть максимум две недели. Надо родственников всех навестить. На это мне отводится четверг. К бабушке на могилку сходить, оградку у нее поправить. Это мы с тобой запланируем на послезавтра, в субботу. Идет? Обязательно на речке искупаться… В пятницу в город с тобой поедем. Во-первых, кольца надо купить, платье свадебное тебе заказать. И чтоб сшили его за три дня. Ты ведь у меня самая красивая! И платье должно быть таким же. Продукты, какие нужны будут, закупим накануне. Это вы с мамой обсудите и составите список. Не забыть о приглашенных, а главное о их количестве. Думаю, что их будет много. Ну а место под свадьбу, музыка, тамада и прочее — моя забота. За все это время ты должна рассчитаться на работе, выписаться из дома. Вещи соберем уже после торжества. И то все самое необходимое. Остальное купим. После чего едем в Крым на Черное море. Надо хорошо отдохнуть перед работой. И уже оттуда прямиком на север! Хоромов у меня там нет,

но душевное тепло гарантирую. Пока поживем в общежитии, а годика через два дадут квартиру. Такая перспектива тебя не пугает? Коль хата моя занята, жить я буду у тети Любы. Авось племянника не выгонит, — засмеялся он, — И последнее, в среду устраиваю мальчишник на природе. С шашлыками, ухой и печеной картошкой! Для этих целей у меня в багажнике лежит стоящая водка. Посмотрю, может ее поставлю на стол, а на пикник куплю подешевле. А потом всё. Сухой закон!

Ольга слушала его затаив дыхание, чувствуя в нем скрытую силу, волевой характер и руководящую жилку. Он нравился ей все больше и больше.

— Оленька, а тебя не смущает то, что я старше тебя на двенадцать лет? В таких вопросах нельзя принимать мгновенных решений, чтоб потом не проклинать себя всю жизнь.

— Нет! — ее тело горело. Всё происходящее она теперь видела как бы со стороны, — Боже, как все стремительно и в тоже время неожиданно, — она обхватила щеки ладонями, — Шла себе, шла… Ни о чем не думала… И вдруг раз, как с неба… И замуж… Буд-то спишь и снится тебе прекрасный сон. Ты понимаешь, что это сон, что откроишь глаза, и все исчезнет. И никогда не вернется! И не хочется просыпаться. Надеешься, что эта сказка будет вечной… Правда…

— Может, ты не согласна, и передумала?.. А я нахрапом…

— Нет-нет! Я согласна, — заговорила она быстро, задыхаясь, — Ты мне тоже очень нравишься. Ты настоящий ураган! Поднял меня как пушинку и понес. И я вся в твоей власти… Вот мама удивиться. Уходила дочка одной, а вернулась невестой. Спасибо тебе, Сашенька, — она уронила голову и громко заплакала, — Я,.. я,.. я буду вам,.. тебе преданной и нежной супругой до самой смерти. Я люблю уют и покой. Умею вкусно готовить. В нашем доме всегда

будет чисто. Ты будешь у меня самый опрятный и красивый моряк. А,.. а,.. а, — она махнула рукой. Рыданья перекрыли путь всем ее словам, рвущимся из глубины души.

— Олечка, милая, — Александр прижал ее к своей груди, поцеловал в щеку, по которой катились солоноватые слезы. — не надо плакать. Обещаю. Я тебя на руках носить буду. И никогда, слышишь, никогда не обижу, — он снова поцеловал ее в дрожащие губы, — Ба-а-а! Скоро моя рубашка совсем будет мокрой и придется мне ее выбросить. А старая в багаже лежит. За свадебным столом буду сидеть голым. Тебя такая картина устраивает?

Она засмеялась, всхлипывая, посмотрела на него. Ее глаза светились радужным огнем. Их губы встретились и слились в долгом, сладком поцелуе, — Сашенька, уже темнеть начинает. Мама, наверное, с ума сходит. Я должна была вернуться домой часа полтора назад. Покормить скотину надо. И коровку подоить. Мама одна не справляется. Извини меня, пожалуйста. А рубашку я тебе постираю. Будет как новая. Не узнаешь.

Нестеренко завел машину и быстренько довез Олю до дома. Вылезая, она крепко обняла его, поцеловала и побежала к дому.

— Сашенька, до завтра. Приходи, как освободишься, — крикнула она, оборачиваясь на ходу.

На мчащуюся машину смотрели из каждого дома. Всех тревожили только два вопроса: «Кто это?» и «К кому приехали?».

Вскоре он резко затормозил возле дома тети Любы.

— Здесь гостей поздних принимают? Не прогонят? — он вошел в дом, низко наклоняя голову. Проем двери был для него явно низок.

— Санечка! А мы уж и забыли, как ты выглядишь. Проходи дорогой, гостем будешь.

— Здравствуйте, тетя Люба. Здравствуйте, родная, — он обнял ее, прижал к груди и расцеловал.

— Какими судьбами к нам? А я смотрю в окно, машина дорогая подкатила. Явно не наш человек. У нас здесь всё больше «Запорожцы» да «Москвичи». А на такой.., — она развела руки, — Только начальники городские… Да и они раз в пять лет приезжают. И не ко мне. А ты, видно, высоких чинов достиг, раз на таком транспорте разъезжаешь?

— В отпуск я, тетя Люба, приехал. Соскучился по родным местам. Да заодно и жениться. Настало видно время остепениться. Пора детей своих заводить. И жизнь оседлую вести. Хватит перекати-полем жить. Устал.

— А ты не женат до сих пор? Что так? — произнесла она с горечью, — За такое решение, сынок, хвалю. И по-матерински благословляю. — Она поцеловала племянника в лоб. — И на ком же ты здесь надумал жениться? Здесь достойных кандидатур я не вижу.

— На Оле Чубай. Как она вам? Нравится?

— Оля, хорошая женщина. Не как некоторые местные шалавы. Через горе большое прошла. Оттого видно и сидит в ней доброта и ласка к людям. И работящая, и на лицо приятна… А вот не везет ей в жизни и все. Кругом одни пьяницы. Уважают ее в селе. Учительницей работает. И давно у вас с ней любовь?

— Чуть больше часа, — он посмотрел на часы.

— Не поняла?

— Я говорю: «Чуть больше часа.»

— Что больше часа?

— Как мы знакомы.

— От, чудеса так чудеса! Мир совсем перевернулся! Бывало-то, годы уходили у парней, чтоб девку завоевать. А тут раз — и сразу свадьба. Лихой моряк! В считанные минуты окрутил дамочку. Смотри Сашка, не обидь ее. Грех большой будет. И без того она его хлебнула вдоволь. А если и ты туда же…

— Да нет, тетя Люба, у меня все серьезно. В следующую субботу свадьба. Пару дней поживем здесь, потом на недель-

ку в Крым, в море покупаться, а оттуда прямиком ко мне на север. Я мужик прямой. И не люблю вилять хвостом. Свое я отгулял. Хватит! Надоело! Хочу покоя, хочу детей. Милая тетушка, вы что же, так и будете пытать меня возле порога? И в дом не пустите? Доставайте самовар, за столом беседовать куда приятнее. А я пойду, принесу подарки из машины.

— Ой, действительно… Совсем из ума выжила, — засуетилась она, — Прости, сынок дуру старую. Сейчас быстренько стол накрою. А ты помойся с дороги, переоденься. Во дворе летний душ. Вода за день, небось, нагрелась. Вот полотенчико чистенькое.

Нестеренко вышел на улицу. Вокруг машины собралась толпа односельчан.

— Привет земляки! Узнаете, Сашка Нестеренко в отпуск приехал. Давно у вас не был. Истосковался по родным местам!

— Санек, неужели ты? Дай обнять тебя.

Из толпы к нему шел высокий мужчина.

— Ба-а-а!!! — закричал Нестеренко, — Никак Володька Бережной?

Они обнялись, хлопая друг друга по спине.

— Володя, ты не представляешь, как я соскучился по всем вам. Два с лишнем года собирался… И, наконец, приехал! А ты все такой же стройный, подтянутый. А я, видишь, немного жирком оброс. Кто из наших здесь?

— Много. Симонов Валера, Савченко Серега, Михайлюк, Лукин, Иванюк… С десяток наберется.

— Володя, тебе боевое задание. Оповестить всех и в следующую среду устроим мальчишник на нашем старом месте. Мясо на шашлыки и водку я куплю, — с тебя рыба на уху. Вопросы есть?

— Никак нет!

— И это правильно!

— Сашок, вижу, ты большим командиром стал! Хоть кто-то в люди выбился. Искренне рад за тебя. Звезда боль-

шая на погоне, «Волга» черная… Такие только у наших высоких руководителей.

— Да нет, Вова, в больших начальниках не хожу, а машину приобрел по случаю. Давай уже все вопросы перенесем на среду. А то отвечу сейчас на все, вам не интересно со мной будет. Договорились? Хочу сейчас сполоснуться и перекусить. А то проголодался в дороге. И отдохнуть не мешает. Больше двух суток за рулем.

— А еще слух прошел, что ты жениться надумал на нашей Ольге Чубай? И разрешения ни у кого не спросил. И магарыч не выставил. Она нам самим нравится. Мы сами на ней жениться будем, — послышался гнусавый голос из толпы.

— Да вам тут и радио не надо. Все всё наперед знают. Да. Собрался. И что? Разрешения спрашивать ни у кого не намереваюсь. А ты случайно не из тех, кому она показала от ворот поворот? — в толпе послышался смех, одобрительный ропот, — Подойди поближе, чтоб я на тебя полюбоваться мог. И представься. А то разговариваю не известно с кем. Неудобно даже.

— Саша, лучше не связывайся с ними. Шпана местная. Все что угодно могут сделать, — зашептал ему на ухо Бережной.

Толпа расступилась, пропуская парня лет тридцати и его трех приятелей.

— Ну, смотри, — хмыкнул он в сторону Нестеренко перегаром, — Глаза только не сломай. Я — Вася Славин! Запомни это! Понял, солдат? Меня тут все знают. И уважают. Я не позволю тебе здесь свои порядки устанавливать!

— Может тебя и уважают, а вот для меня ты пустое место. Иди, проспись лучше. Не отравляй перегаром атмосферу, Славин.

— Уже запомнил? Это правильно. Теперь слушай сюда, — он закурил и выпустил мощную струю дыма в

лицо Александра, — Вали отсюда по-хорошему или сиди дома, не высовывайся. Целее будешь. А то…

— Ну-ну… И что же будет? — было видно, как Нестеренко закипал.

— Будет плохо. А может быть и очень, — Славин явно демонстрировал свою безнаказанность.

— Ты… мне… угрожаешь? Пошел вон, отморозок!!!

— Что? — зарычал Славин и с кулаками бросился на Александра.

Короткий хлесткий удар мгновенно лишил негодяя чувств и тот рухнул как подкошенный.

— Ну а вы защищать его не будете? — обратился он, тяжело дыша, к приятелям Славина, — Или вся ваша дружба окружностью стакана очерчена?

— Ну, сука, держись! Сейчас я тебя резать буду, — прохрипел рыжий, вынимая из брюк нож.

— Ты?.. Резать?.. Кишка тонка, — и в прыжке он нанес нападавшему сильнейший удар ногой. Тот тоже повалился, не издав ни стона.

Двое остальных пытались убежать, но их поймали и повалили на землю.

— Значит так, — теперь Саша командовал спокойным голосом, — всех их связать. Кто знает, где ближайший телефон?

— Я, — донесся женский голос.

— Вы быстренько пойдите и вызовите милицию. Разве так можно, товарищи, — теперь он обращался ко всем, — Какая-то группа недоносков держит в страхе все село. Я бы их поодиночке всех передушил. Мужики, не понимаю вас. Соберитесь вместе и дайте отпор. Так жить нельзя! Ходить и оглядываться?..

— Правильно говоришь! — закричала женщина, — Совсем от них покоя нет. Пьют, грабят, у Федоровых девчонку изнасиловали, сторожа подрезали… А с них как с гуся вода. Вот и участковый, легок на помине.

— Что здесь происходит? Лейтенант Чернецкий, — представился он, подходя к Александру.

— Капитан третьего ранга Нестеренко.

— Что у вас здесь произошло?

— Человек приехал на родину в отпуск, — женщина в переднике и красном платке показала рукой на офицера, — чтоб отдохнуть и жениться. А этим, — ткнула пальцем на лежащих, — не понравилось такое дело. Они же здесь у нас числятся в «большом» авторитете. Наверное, и у вас тоже. Сколько бумаг отправлено в ваш адрес?.. А эти как жировали, так и жируют.

— Говорите по существу.

— Я и говорю по существу. Этот набросился на него с кулаками, а второй с ножом. Вот, кстати и нож лежит. Они, видите ли, здесь решают, кому приезжать, на ком жениться, кому что делать. Возомнили из себя вершителей судеб… Вот и творят, что хотят.

— Так все было, товарищи?

И тут толпу взорвало. Гвалт стоял такой, что если бы сейчас взлетал самолет, его не было слышно.

— Товарищи, товарищи, давайте успокоимся. Сейчас опрошу свидетелей, составим протокол. И если от гражданина, простите, запамятовал фамилию вашу, поступит заявление, заведем уголовное дело. А этих четверых посадим до выяснения обстоятельств в КПЗ. Сейчас должна подойти машина.

— Товарищ лейтенант, я только что приехал сюда с севера, где прохожу службу ратную. Буду жить у своей тетки, Скляр Любови Никифоровны. Вот ее дом. А заявление я напишу обязательно. Такого безобразия и беззакония я давно не встречал. Хочу также отметить, и это должно быть отражено в вашем протоколе, что все четверо находятся в алкогольном опьянении. Не забудьте, пожалуйста, исследовать их кровь на алкоголь. Если вам понадобиться в чем-то помощь, обращайтесь к Трофименко Валентину

Степановичу, районному прокурору, а я ему об этом случае непременно доложу. Он мой одноклассник и обязательно будет на свадьбе.

— Саша, он уже работает в областной прокуратуре, — поправил его Бережной.

— Тем более. А я сейчас пойду домой, приму душ, переоденусь и хоть немного перекушу. А вы, товарищ лейтенант, как закончите здесь, зайдите, пожалуйста. Я все, что надо напишу. Володя, — повернулся он к Бережному, — с тобой прощаюсь до среды. И чтоб все были! Давай, дружище, — они обнялись.

Когда Александр вошел в дом, мокрый после душа, стол был уже накрыт. А на табуретке, что у стола, солидно пыхтел чайник.

— Тетя Люба, я машину во двор загнал, за сарай. Принимайте подарки! Вот вам московский шерстяной платок, белорусский халат, конфеты, печенье, сгущенное молоко. Тушенка вот. Она с картошечкой, — просто пальчики оближешь. Колбаса только сухая. Разгрызете? Обычную боялся везти. Жарко. Пропасть может. Не хватало еще отравиться.

— Сашь, где ты был так долго? Ушел помыться… Нет и нет. Думаю, заварю чай и пойду, гляну. Не заблудился ли? Аль украл кто? Холодное есть негоже. Садись, вечерять будем.

— Я вышел, смотрю, Вовка Бережной идет. Ну, мы с ним слово за…

В это время наружная дверь резко открылась и в кухню влетела Ольга. Ее щеки пылали, волосы растрепались, а из глаз катились слезы.

— Доченька, ты чего?.. С мамой плохо? Аль еще что? — тревожно спросила тетка. — Это наша учительница. Чубай Оля, — объяснила она Саше, — Подожди, Сашк, я чего-то совсем запуталась… Ты о ней мне говорил? От чудеса! — всплеснула она руками, — Ты садись, доченька, не стой у порога, — она вытерла табурет полотенцем, —

Да чего стряслось? По какому поводу сырость в хате разводишь?

Нестеренко пулей подлетел к Ольге, — Что случилось, Олечка? Что произошло?

— Господи, что они с тобой сделали?.. Ты не ранен, Сашенька? С тобой, милый мой, все в порядке? — она, обливаясь слезами, ощупывала его

— Да о чем ты, объясни, наконец. И успокойся. Присаживайся к столу. Мы чай собираемся пить. Будешь с нами? Тетя Люба, наливайте чай. Отставить слезы! Прекратить истерику! Возьми конфеточку. Смотри, какая красивая. Я ее для тебя специально в Москве покупал. Очередь была огромной. Часов пять надо стоять, не меньше. А время поджимает. Я же тебя должен встретить на дороге. Дорога каждая минута. Пять минут… и все. Нет тебя… И не было… — он прижал Ольгу к себе, нежно гладил по волосам и целовал, — «Товарищи, — говорю я громко, — если у вас есть сердце и вы хотите, чтобы я был счастлив, пропустите меня, пожалуйста. Я хочу купить для своей любимой женщины самых лучших конфет. Ее зовут Оля». «А много ли вам надо?». «Килограмм двадцать. Она у меня сладкоежка». «Нет. Двадцать много, нам не хватит. Только пятнадцать и не килограмма больше…»

Ее рыдания затихали. Изредка она поднимала глаза, в которых светилась любовь, и измученно улыбалась.

В дверь постучали. Вошел лейтенант милиции.

— Александр Васильевич, надо оформить кое-какие бумаги.

— Тетя Люба, мы посидим в зале минут десять. Надо обсудить один вопрос. Вы пока поболтайте. Без меня ужинать не начинайте! — погрозил он пальцем, закрывая дверь.

— Дочка, чего к нам милиционер пришел, не знаешь? Может Сашка что натворил? И когда успел? Часа не прошло, как приехал. Ой, подожди… Он мне про какую-то свадьбу плел. С тобой что ли? Я ничего не поняла. Потом говорит, накрывай, мол, на стол, а я пошел душ приму. А сколько его не

было, и не припомню. Но самовар закипел. Пять минут как вернулся. Где был, — спрашиваю? Вовку Бережного встретил, заболтались… А чего милиционер пришел? Может пойти спросить? И ты Оля… Вся в слезах… смотреть страшно. Ничего не понимаю, что стряслось? Мне кто-то может объяснить? Уж не сбил ли он кого машиной? От, горе…

— Тетя Люба, никого он не сбил. Не переживайте. Мы с мамой только сели за стол. Она картошку в мундире сварила, салат сделала. Я даже не успела ни одной почистить, как влетает Верка Сметанина и благим матом орет, что Сашка Нестеренко в отпуск приехал, а его избили и порезали. У меня аж сердце в пятки опустилось. Чуть сознание не потеряла. И в чем была, к вам…

— Господи, не одно, так другое! — запричитала тетя Люба. — А ты ничего не перепутала? Это наш Александр? Он же с душа пришел… Ни крови, ни синяка… Что у нас в селе один Нестеренко? Один у речки живет, другой против старой школы, третий…, — она не успела договорить. Из зала вышли Саша и милиционер.

— Может перекусите с нами, — предложил Александр.

— Спасибо большое. С удовольствием, но времени нет. До свидания. Приятного аппетита, — и лейтенант вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

— Сашка, чего он приходил? — встревожено спросила тетя.

— У них правило новое. Всех приезжих ставят на учет. Война, не дай Бог… А я человек военный… Чтоб в часть сразу… Ну, чего сидим? Давайте перекусим. У меня, если честно, кишка к кишке прилипает. Олечка, не смотри на меня такими печальными глазами, — он улыбнулся, — Или я тебе не нравлюсь больше?

— Саша, это правда?..

— Мы есть сегодня будем или начнем правду искать? Тетя Люба, я приносил бутылку хорошего красного вина, вы ее случаем не припрятали?

— Ты глаза пошире раскрой. Она перед тобой стоит. Ждет, когда ты ее раскупоришь. А чего ты про войну вдруг заговорил? Напасть кто опять собрался? Ой, не допусти Господи новой беды! Как вспомню…

— Тетушка, милая, давайте о хорошем. Я приехал, — это праздник или нет? И хочу я выпить именно за этот день, день который для меня… Нет… Который для нас, — он обнял Ольгу и поцеловал, — Именно для нас…

Дверь с шумом открылась и в дом буквально влетела Ефросинья Ивановна, мама Оли, — Что тут у вас произошло? — закричала она с порога, — Сметанина, бешеная, наплела с кучу… Вторая, — мотнула она головой в сторону дочери, — кинулась к вам ничего не объяснив…

— Фрось, здравствуй, ты садись, не стой у порога. Племянник сегодня из Североморска в отпуск приехал. Только хотели выпить за это дело. Ты как раз вовремя. Я тебе сейчас рюмочку достану. День сегодня колготной. Только милиционер ушел. Представляешь, закон теперь какой у них? Они сами приходят и на учет ставят. Особенно это касается военных. Неспокойно опять в мире. И чего им всем не по душе страна наша? Неужели так плохо в мире жить. Все завоевать нас хотят! Не дай-то Бог опять война, — тетя Люба не торопясь поставила на стол рюмку, тарелку, вилку. Принесла из зала стул. — Наливай Саш, чего сидишь? Сам говорил, что есть хочешь.

— Никому нельзя верить, — Ефросинья Ивановна подняла рюмку, — Такого наплетут, такого… С приездом Саша. Давно тебя не было в наших краях. Как служится? На родину не собираешься возвращаться?

— Пока нет. Пенсию надо заработать.

Послышалось дружное чавканье. Видно никто сегодня не успел поужинать.

Александр встал, — У меня есть прекрасный тост. Я уже пытался сегодня его сказать, но… поскольку у нас новая гостья, повторю, — он разлил вино в рюмки, — Хочу

выпить за сегодняшний день. Именно сегодня я встретил самую прекрасную женщину на свете, тебя Олечка, — Саша наклонился и поцеловал ее в губы, — Страшно представить, что какая-то причина могла изменить этот ход событий: задержать нас где-то в пути хоть на минуту, изменить маршрут… Да все, что угодно. От всего этого становится жутко. Встреча наша была предначертана свыше. Я не верю в такую случайность. Нас друг к другу вели ангелы. Именно они послали Олю отводить корову, именно они задержали меня в столице в пробке три с лишнем часа, именно они заставили остановиться и искупаться… И много такого чего сделали именно они. И пусть кто-то скажет, что так не бывает. А я свято верю в эту добрую сказку, ставшую явью. Мы с тобой Оля, если исключить далекое детство, знакомы всего, лишь несколько часов. И сейчас здесь с нами за этим столом, опять же в виду непредвиденных обстоятельств, сидит твоя мама. Со всей серьезностью и ответственностью перед Богом и перед ней хочу сказать, что люблю тебя Олечка. Люблю очень сильно! — Александр подошел к Ефросинье Ивановне и опустился перед ней на колени, — Прошу руки вашей дочери и благословенья. Обещаю, что никогда, я подчеркиваю, никогда не обижу вашу дочь. Я буду любить ее всю свою долгую жизнь. И если я сейчас солгал, пусть меня покарает Всевышний.

— Дочь, — Ефросинья, всхлипывая, приложила подол платья к глазам, — ты что скажешь? Мил он тебе, нет ли? Согласна стать его супругой?

Ольга быстро поднялась и тоже встала перед матерью на колени.

— Согласна, мамочка. Мил он мне очень и желанен, — и она заплакала, уткнувшись ей в колени.

— Что я Саша тебе скажу. Серьезный вопрос мы сейчас решаем. Но уж больно быстрый. Должна отметить, что сердце мое спокойно. Чувствую, что отдаю доченьку

в надежные руки. А материнское сердце обмануть нельзя! Давай, Любаш, благословим детей наших и пожелаем им жить в мире, любви и согласии.

Женщины перекрестили стоящих на коленях перед ними детей и поцеловали в лоб.

— А теперь, ребята, предлагаю выпить за вас. За вашу любовь и счастье.

До позднего вечера они обсуждали предстоящую свадьбу. Когда на улице стало совсем темно, Нестеренко пошел провожать гостей домой. Расставаясь, Ефросинья Ивановна, все же не вытерпела и спросила, — Саша, а что сегодня произошло? Ты нам можешь сказать?

— Конечно. Первое, я сегодня приехал в отпуск и встретился с Олей. Потом вы пришли к нам, и я просил руки…

— Да ну тебя. Не хочешь отвечать, не отвечай. Все тайны какие-то,.. — с досадой махнула она рукой, — Спокойной ночи. Невеста, тоже пошли домой. Завтра чуть свет вставать. Дел столько, что и не переделаешь, — она повернулась и направилась к дому.

Ольга заливисто засмеялась, прижимаясь к Александру.

Сашенька, а мне, по секрету, ты скажешь?..

— Тебе, да, — таинственно зашептал он, целуя ее, — Сегодня на дороге я повстречал чудесную девушку…

— Я серьезно…

— А разве такого не было?

— Ольга, я закрываю дверь, — послышался голос матери, — Прощайся быстренько.

— Сашуля, милый, я так не хочу уходить от тебя. Но завтра, правда, трудный день. Спокойной ночи. Я тебя люблю, — шепнула она ему на ухо, и чмокнув в щеку, быстро убежала, — До завтра, — донеслось из глубины двора.

У каждого дни теперь были расписаны до секунды. Казалось, что выполнить такой объем работы просто невозможно. Но, упорство и труд,.. плюс организация это-

го труда, сделали свое дело. И к вечеру среды почти всё, а именно в этот день Нестеренко планировал завершить все основные мероприятия по подготовке к свадьбе, находилось в стадии завершения. Александру завидовали: женщины — потере завидного жениха, а мужчины его проворству, напору и смелости. О нем по селу ходили легенды. Оля хоть и пугалась этих слухов, но в тайне сильно гордилась своим будущим мужем.

С подарками родственникам Саша справился в течение часа: зашел, поцеловал, отдал, пригласил. Все, что надо было купить в городе на стол — купил. Людьми, кто забьет, ощиплет, освежует и сварит, посудой и прочими домашними приготовлениями занималась будущая теща. Она же сказала, что к водке надо бы прикупить еще литров шестьдесят самогона, народу приглашено без малого восемьдесят человек, и это не считая музыкантов. Шалаш, где милым рай, столы, лавки дед Миша с сыновьями взяли на себя, поставят в четверг. Посулив городской портнихе большие деньги, свадебное платье уже вечером во вторник было готово. Оля сказала, что ей оно нравится. Заявление подано, кольца куплены… Можно немного перевести дух и слегка передохнуть. Вечером намечался мальчишник. К нему тоже всё и все были готовы.

— Сашенька, — Оля заискивающе посмотрела ему в глаза, — возьми меня с собой. Пожалуйста. Я никогда в жизни не была на мальчишнике.

Александр рассмеялся, — Глупышка, ты проникнись в суть слова: «маль-чиш-ник». Уловила? «Мальчишник!» Значит что? Девчонок там нет! И быть не может! — он на минуту задумался, — Но в каждом правиле есть исключение. И мы сегодня закроем глаза на эти устоявшиеся традиции, перевернем все с головы на ноги и… возьмем тебя с собой.

— Ура-а-а! — она повисла на его шее, покрывая поцелуями, — Спасибо, милый. Мама, мама, — закричала она.

В комнату влетела перепуганная Ефросинья Ивановна, — Что здесь у вас стряслось?

— Мама, я с Сашей сегодня иду на мальчишник! Хоть и нельзя такого делать, но он берет меня. Я такая счастливая…

— Какой мальчишник? В доме дел невпроворот, а ей гулять захотелось.

— Мам…

— Ефросинья Ивановна, завтра я за Олю отработаю три нормы. Ну как я там буду без нее? Тогда я тоже не пойду! Гори он синим пламенем этот мальчишник!

— Умеешь ты, Саша, лед в женском сердце растапливать, — заулыбалась она, — Идите уже. Работников и без вас хватает, — и что-то мурлыча под нос, она скрылась за дверью.

Смеркалось, когда они подъехали к пылающему костру, над которым висел огромный казан. Варилась уха. Пряный запах будоражил аппетит. На огромном брезенте, разостланном недалеко от родника, горой лежала закуска. Нестеренко вышел из машины, одернул форму, поправил фуражку. Вовка Бережной просил его приехать в форме. Хорошо, что он прихватил с собой старые рубашку и брюки. Как чувствовал, — Гвардейскому экипажу старых проверенных друзей для встречи начальника справа приготовиться к построению на отмели величавой реки Южный Буг!!! — во всю мощь своих легких заорал Александр, приложив руку к козырьку фуражки, — Становись!!! Смирно!!! Товарищи бойцы, капитан третьего ранга Нестеренко в ваше распоряжение прибыл! Отвечать троекратным «Ура!»

Послышались несогласованные выкрики. Со всех сторон к нему ринулись мужские силуэты.

— Учитывая отсутствие бочки, в которой бы мне не отдавили ноги, рекомендую подходить по одному и представляться, — начавший засыпать лес строго зашелестел

листвой, — Друзья мои, — Саша от такой встречи едва сдерживал слезы, — я очень счастлив всех вас видеть, и тронут до глубины души таким приемом. Двенадцать человек… Я тринадцатый… Прекрасно! Команде петь и веселиться!!! — снова закричал он, выплескивая эмоции наружу, — Выгружай все из машины. Ящик водки нам хватит? Мясо. Мариновал сам. Не шашлык — песня. Тает во рту. Понравится, продам рецепт. На всякий случай, мало ли, взял две палки колбасы. И пять булок хлеба. Чай и под него котелок. Знаю, что забыли. Проверено собственным опытом. А теперь я должен сознаться. Повинную голову меч не сечет. Простите меня!?

— Куда мы денемся?

— Оля, вылезай. Мужики! — обратился он снова к товарищам, — Нарушен закон мальчишника. Но уж извините меня, послезавтра свадьба. Как я ее брошу? Тем более семнадцать минут она, буквально, валялась у меня в ногах, умоляя, чтобы я ее взял с собой, — он снова захохотал на весь лес. — Простите нас? — Нестеренко прижал Ольгу к себе.

— Молодец! Правильно сделал. Здравствуй, Оля. Пусть посмотрит, как мужчины отдыхают. Давайте садиться, ночь на дворе. Дельное предложение, — доносились голоса с разных сторон.

Время мчалось с бешеной скоростью. Тосты, воспоминания, анекдоты… А жирная уха, сочные шашлыки, овощи, фрукты, и та же колбаса не давали мозгу опьянеть.

Незаметно ночь начала сереть. На землю плотно лег густой туман. Сразу резко похолодало.

— А выпить у нас больше нечего нет? — спросил Максим Дьяков, передергивая плечами, — Холодно как стало. Саша, глянь у себя в машине. Вдруг закатилась куда бутылка?

— Нет, ребята, все, что было, вынес сюда. Давайте я съезжу.

— Семь километров туда, семь обратно, полчаса там… Час! А то и больше. Не пойдет. Мы тут за это вре-

мя все от холода околеем. Тут рядом, около километра, село. В нем тетя Маруся классный самогон делает. Честно, Сань, рука у нее легкая и своя технология. Слеза. Не воняет и голова не болит. Митяй, ты на лошади, сгоняй быстренько. Литра два бери. Пусть уж лучше останется, чем не хватит.

— Ребята, а можно я съезжу? Лет тридцать на лошади не сидел. Вы только скажете где, и я все возьму.

— Езжай. Улица одна. Третий дом по правую руку с того конца. Не ошибешься. Рядом с домом большущая береза растет. В калитку вошел, в окно постучал. Только смотри не упади. Моряк на лошади, что летчик на танке.

— Саша, а можно я тоже поеду. Уцеплюсь за тебя крепко-накрепко и дорогу покажу. Я знаю, где тетя Маруся живет. А потом мне давно хочется к тебе прижаться, — Ольга сделала загадочное лицо.

— Та-а-ак! Здоровая мысль. А скажи-ка мне, душа моя, как часто ты у этой тети берешь самогон? Ты у меня не запойная? — богатырский хохот пытался пробить толщу тумана.

— Далеко не часто. Я его совсем не пью. Просто тетя Мария мамина двоюродная сестра и я у нее иногда бываю. А еще она для нашей свадьбы варит этот самый напиток. Так что…

— Убедила. Ребята подсадите ее. Только держись хорошо. Упадешь — не женюсь! Так и знай. — его смех снова завяз в тумане.

Через двадцать минут Нестеренко привез согревающее зелье. Место застолья было тщательно прибрано, костер потушен. Друзья выпили «на коня» и стали потихоньку разъезжаться. Всем, кроме Александра и Ольги, надо было идти на работу.

— Гриша, — крикнул Александр отъезжающему Бугаенко, — не забудь, завтра, точнее уже сегодня, мы идем в сельсовет доверенность на машину оформлять.

— Саш, может я на своей вас покатаю? Смотри, не машина — зверь!

— Не спорь. Моя солидно выглядит. Жду! Не опаздывай.

Лес, ожидая ухода непрошенных гостей, готовился ненадолго погрузиться в предутреннюю дрёму, чтобы потом пробудиться от птичьего гомона.

Для одних праздник закончился, другие же пребывали в тревожном ожидании…

Бабушке Арине, твердой поступью подходящей к своему восьмидесятилетнему юбилею, не спалось. Ломило тело и выкручивало кости.

— Наверно погода будет меняться, — подумала она и, кряхтя, стала подниматься. Сунув холодные ноги в растоптанные тапочки, в застиранной ночной рубашке до колен, она тихо вышла во двор. Туман стоял такой, что вытянутой руки не было видно.

— Свят, свят, свят, — она осенила себя крестом, — отродясь такого не видала. Арина снова перекрестилась. — Не к добру все это, ой не к добру, — и только рука в третий раз коснулась лба, как внимание привлек странный шум на трассе, делившей село на две половинки. Подслеповато прищурив глаза, в слегка рассеявшемся тумане, она увидела бесшумно скачущую лошадь с сидящем на ней в фуражке военного, за плечами которого виделось что-то громадное.

— Господи помилуй, никак война!

Перед ее глазами замелькали, как кадры в киноленте, эпизоды фашисткой оккупации, румынские войска, расстрел партизанки…

— Это он скачет с оповещением… Опять мужиков мобилизовать будут.

Охваченная осенившей ее идеей и забыв про ломоту, боли и нужду, ради, которой она выходила во двор, Арина быстро засеменила в комнату сына.

— Васька, слышь, просыпайся. Просыпайся, кому я говорю! — затрясла она его за плечо.

— Что такое? — Василий вчера пришел домой навеселе, — Я могу в этом доме поспать? У тебя похмелиться нет? А-а-а, — простонал он, — знаю, что нет, так спросил, — Иди, не мешай.

— Васька! Война!

— Какая война? С ума что ли сошла? Иди, спать ложись. Насмотритесь на ночь по телевизору всякой ерунды, потом бред в голову лезет.

— Военный по трассе скакал. Видно с поручением…

— Какое поручение? Какой военный? Ложись спать и все пройдет, — Василий повернулся к стенке и захрапел.

Поджав губы, Арина направилась в комнату внука, который час назад пришел с гуляний.

— Сережка, вставай, война.

— С кем? — сонно спросил внук.

— А я откуда знаю с кем?

— Пойди, узнай, потом скажешь, — внук натянул на голову одеяло.

— Идиоты какие-то. Война начинается, а они дрыхнут, — прошамкала старушка и пошла к себе.

Наскоро одевшись и достав из сундука деньги собранные на черный день, она сняла наволочку с большой подушки. Выходя, нарочито сильно хлопнула входной дверью. Ноги сами ее вели к Матрене, своей лучшей подруге. Ей стукнуло в прошлом месяце шестьдесят два года.

— Мотя, — начала Арина, без промедления входя в дом, — война!

— Ой, батюшки свет!.. — она как стояла, так и сползла по стенке на пол. — Когда?.. С кем?..

— Надо идти к магазину, — не отвечая на ее вопросы, командовала Арина, — Небось, не забыла чем нужно запасаться? Спички, соль, мыло… Деньги возьми с собой и торбу. Поспешать надо. А то все разгребут.

Ночное небо начинало неторопливо сереть. Ветерок, набежавший с реки, разрывал туман на клочки и уносил неведомо куда. На дороге стали попадаться люди, выгонявшие коров на пастбище. Две старушки, спешащие куда-то в такую рань, вызывали нездоровый интерес.

— Куда это вы? Не случилось чего?

— Случилось, милая, случилось. Война, будь она проклята! — отвечала, задыхаясь, Матрена, спешащая за летящей Ариной.

— Вой-на! — люди хватались за голову и, бросая коров, мчались домой.

Плохая весть разносится быстро. Вскоре все село гудело, как встревоженный улей.

— Николай Михайлович, — все бросились к идущему председателю, — Объясните, что случилось? Кто опять напал на нас?

— Я сам толком ничего не знаю. И радио молчит. То ли рано еще, то ли…

— И света нет…

— Как нет? — в голосе председателя почувствовалась тревога.

— А вот так и нет,.. — язвительно прокричала всегда молчаливая и забитая библиотекарша, — Вы хоть в район или город звонили?..

— Когда? — председателя начало не на шутку трясти. Все кинулись к конторе. Дрожащими руками он пытался отпереть дверь, но замок заклинило. — Помогите кто-нибудь, не могу открыть.

Резким ударом ноги, конюх Степаныч, вышиб дверь ногой. Она рухнула на пол, поднимая столб пыли. Толпа, давя друг друга, рванулась в комнату. Страсти накалялись.

— Председатель где?! — истерически орали женщины.

— Только что здесь был!

— Испарился что ли?

— Да вон он валяется…

— Устал? Решил вздремнуть? Поднимите его.

Несколько человек подняли лежащего председателя. Из разорванного уха по лицу струилась кровь. Он со стоном сжимал здоровой рукой явно сломанный палец. Видно рвущаяся к истине толпа смяла его и хорошо по нему прогулялась.

— Давай, председатель, — толпа расступилась, пропуская его к телефону, — звони, — ей были глубоко безразличны все его страдания.

— Принесите тряпку, палец перемотать, да кровь вытереть…

— Потом, потом… Все потом… И тряпку, и носилки, и двухместную палату… — кто-то в такой обстановке пытался еще шутить.

— Звони, — ему пододвинули телефон.

— Как я позвоню, когда вы мне палец сломали, — со стоном выдавил председатель.

— Диктуй, — библиотекарша сорвала трубку и приложила к уху.

— 2-14-79.

Лицо женщины побелело, — Бабы, телефон не работает. Молчит, — прошептала она готовая упасть в обморок.

— Как не работает? Давеча работал, а сегодня нет? Быть такого не может! — секретарша председателя вырвала трубку. Она явно забыла, что вчера под вечер получала телефонограмму, в которой говорилось о замене электрических и телефонных столбов на их участке и возможных перебоях со светом и телефонной связью. О чем начальству, естественно, не доложила. — Точно, не работает, — прошептала она протягивая трубку желающим послушать, — Молчит… Ни гудочка.

В гробовой тишине толпа попятилась к выходу. На улице, не говоря никому ни слова, все бросились к своим домам.

У магазина быстро образовалась огромная толпа. Старушки, нутром чувствуя, что до прилавка живыми они не дойдут, упрямо стояли, примостившись к двери.

Из-за горизонта вылезло огромное солнце. Оно было необычно красно, что еще больше добавляло жути.

— Где это фифа? — продавщица в их селе работала недавно. Она приехала сюда вместе с мужем, молодым агрономом. Колхоз выстроил им новую квартиру на краю села. Агронома перед косовицей отправили на какие-то курсы на месяц. Поэтому магазин последнее время открывался, как проснется хозяйка, а просыпаться она не очень любила. — Кто-то способен разбудить эту разукрашенную куклу?

Но желающих пойти и разбудить ее не находилось. Все боялись потерять свою очередь.

Время замедлило свой бег до скорости черепахи.

— А может, рванем замок? Война все спишет, — раздался голос Саньки Белого, мотавшего полтора года за хулиганство.

Толпа тревожно загудела.

— А трибунала не боишься? К стене поставили и… нет тебя. Без суда и следствия. Иди, рви, если такой смелый.

— Я как все. Мне то чё? Будем значит стоять ждать, когда наша королевна соизволит продрать глаза. Возможно, и не дождемся. Разбомбят всех к чертовой матери…

— Товарищи, надо что-то решать. Я слышала к тетке Любе Скляр, что с Ковалева, племянник приехал. Военный. В больших чинах. Завтра свадьба у него. Женится на дочке тети Фроси. У той муж четыре года назад утоп по пьянке. И не пожила с ним вовсе. А теперь вон как ей повезло! Такого жениха отхватила! — в голосе Прасковьи, первой сплетнице села, звучала нескрываемая зависть, — Надо его сюда позвать. Пусть все народу разъяснит. А то у нас ни власти, ни порядка, ни света, ни телефона… Погибнешь, и не знаешь за что. А так хоть оборону какую-ника-

кую организует. Командир нужен… А у нас, — она обвела рукой, — где командира взять? Одни пьяницы да алкоголики. У них водка командир. Они у нас как напьются, тогда и командуют. С этой водкой скоро разучатся и детей делать.

— Понесло,.. — Архипыч уже свое отпил, но прекрасно понимал, что Прасковья права, — А кого послать? Транспорт нужен. Без него пока дойдешь, и война закончится, — он хрипло рассмеялся.

— А где твой кореш, Сеня? У него мотоцикл с коляской. Сели бы да поехали, — Сеня, ты здесь? — Прасковья почувствовала себя хозяйкой.

— Здесь, — донеслось с задних рядов. Радости в голосе не было слышно. Он осознавал, что дележ в магазине начнется без него.

— Сенечка, давай мне свою торбу, денежки и езжай. Что тебе взять?

— Я не знаю. Что себе будешь брать, то и мне.

— Ничего себе, — искренне изумилась Прасковья, пересчитывая деньги, — Семь рублей тридцать четыре копейки! За такие деньги полмагазина скупить можно. Шикуешь! У меня и того меньше.

— Так мне ехать или стоять?

Езжай, езжай. Знаешь, где тетя Люба живет?

— Знаю, — буркнул Семен направляясь быстрым шагом к дому.

А солнце тем временем поднималось все выше и выше. Стало припекать. Вдали показалась медленно идущая дама в пестром, ярком платье. Она явно никуда не спешила.

— Идет, мымра. Совсем совесть потеряла. И на сколько, интересно, она опаздывает?

— На час сорок.

— А ей до лампочки эта война. Муж, небось, хлебом обеспечит. Немец придет, она и под него ляжет. С нее не убудет.

Еще полчаса народ томился ожидаючи продавца, накаляя себя и атмосферу.

— И что у нас за толпа такая? Что ждем-с? Все вдруг есть захотели или опохмелиться? Странно, никто не на работе. Выходной объявили? По какому поводу? — продавщица неподдельно изумилась.

— Ты почему заставляешь всех ждать? Закон для тебя не писан? Мужем прикрываешься? А то что война, тебя не касается?

— Кто это там смелый такой, я что-то не поняла? Кто это там растыкался? Ко мне обращаться на «Вы» и стоя! — заорала она, — Не нравится, я сегодня вообще не открою, поеду в район. Понятно?! — и она эффектно вильнув задом, направилась в сторону остановки.

— Ты еще за это ответишь! Тебя скоро к стеночке поставят. И муж не спасет. Ломай дверь!!!

Народ воинственно загудел. Никто не услышал, как подъехал мотоцикл.

— Товарищи! Товарищи!! — донесся зычный голос, — Минуточку внимания! — в коляске стоял офицер, моряк, — Капитан третьего ранга Нестеренко, — он поднес руку к козырьку, — Прошу объяснить причину вашего волнения.

— Война, товарищ офицер, а магазин не открывают. Запасы надо сделать, а эта,.. — Прасковья указала пальцем на продавщицу.

— Стоп! Стоп, стоп, стоп, стоп!!! — поднял он руку — Какая война? Нет никакой войны! И не будет! Успокойтесь! — по дороге Семен ему все рассказал, — Кто ее объявил? Точнее, кто ее выдумал? — уже грозно спросил он, — Кто в селе посеял панику?

Арина и Матрена, понимая, что их сейчас поставят к стенке, тихо выбрались из толпы и, мелко перебирая ногами, пытались улизнуть домой.

— А вот и провокаторы! — указал на старушек Архипыч, — А ну, Божьи невесты, идите сюда. Расскажите лю-

дям, как у вас война объявилась и как панику в народе порадели?

— А чё рассказывать? — зашепелявила Арина, — Проснулось я ночью, вышла на улицу по нужде, а туман, страх Господень! Скоко прожила, век такого не видала. Руку протянешь…

— О руке не надо. Дело говори.

— Да-а. Глаза подняла, а по трассе военный на лошади скачет. И топота не слышно. Вот я и подумала, что война… Побежала к Матрене…

Дикий хохот потряс село. Нестеренко смеялся так, что фуражка упала на землю, а он, откинувшись в коляске, держался за живот, по лицу катились слезы.

— Ой, не могу, — стонал он, — Ой, дайте попить, помру сейчас.

Люди замерли в беспокойном ожидании. При разбирательстве такого серьезного вопроса, офицер веселится. Уж не сошел ли с ума?!

Отсмеявшись, Нестеренко вытер слезы и вылез из коляски.

— Вы меня извините, пожалуйста, — он снова зарыдал от смеха, — А ведь это я скакал по вашей трассе. Мальчишник у нас вчера был. Свадьба в пятницу. Собрались у родника. Мне дали прокатиться на лошади, — и он снова зашелся хохотом.

Теперь уже смеялись все.

Итог для каждого был разный. Александр весело отметил свадьбу и с молодой женой укатил отдыхать в Крым. Председателю зашили ухо, а на поломанный палец наложили гипс. Дверь в конторе поставили новую, дубовую. Теперь просто так и не вырвешь. Электрические и телеграфные столбы заменили и теперь свет со связью в селе были всегда. Секретаршу председатель поменял, отправив старую учетчицей на бригаду. Продавщицу магазина уволили за нарушение трудовой дисциплины. Библиоте-

карша доверием народа была выбрана поселковым депутатом, как принципиальный и честный человек. А виновницы всего этого хаоса жили тихо и боялись выходить на улицу. Местную шайку осудили на разные сроки. Ими, как показало следствие, было совершено целый ряд серьезных преступлений. И село зажило спокойной и размеренной жизнью. А лейтенанту присвоили очередное воинское звание.

Через много лет капитан второго ранга Нестеренко уволился в запас и приехал на постоянное место жительства в родное село с женой и двумя детьми — школьниками. Спустя полтора года его избрали председателем сельского совета.

МЕДУЗОМИЦЕТ

Начальник медицинской службы, стоя лицом к иллюминатору и высоко запрокинув голову что-то пил. Дверь резко без стука распахнулась. За спиной послышалось сопящее дыхание. Начмед на появление нового неизвестного действующего лица в каюте даже не сдвинулся с места.

— Вы бы, доктор, хоть как-то среагировали, когда к вам в каюту заходит заместитель командира корабля по политической части. Хотя бы для начала повернулись что ли. Смотрю, в одиночку начали пить? Прогрессируете! — нервный тик изобразил улыбку на его лице, — Друзей растеряли или спирт жалеть стали?

— Великий Парацельс, он же Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм, врач и естествоиспытатель, в своем трактате о естестве природном писал, — доктор знал, что подкованного противника надо давить непонятными ему терминами. Тогда он теряет свою

здравость мысли, — «Пия нектар медузомицета обрати взор свой в сторону восходящего солнца. И тогда его живительная влага оросит все твои ткани. Они наполнятся…

— Доктор, ты бредишь? Какой Парацельс? Какой… цет? Я спрашиваю, что ты пьешь? А ты мне несешь какую-то чушь!

Вовсе нет. Я пью настой медузомицета. О чем…

— Это что? Спирт, водка, пиво?.. — в голосе замполита слышалось раздражение.

— Не буду загружать ваш мозг, товарищ капитан-лейтенант. Это настой чайного гриба. Очень полезен…

— Дай попробовать!

— Пожалуйста. Вам из моего стакана или из банки?

— Из твоего стакана.

— Зам брезгливо отхлебнул, — Действительно чайный гриб, а я грешным делом…

— Очень даже напрасно…

Он повернулся и, не слушая, направился к выходу, — Напиши мне потом, чем он полезен.

Не закрыв дверь, замполит пошел дальше искать криминал.

ПОДПОЛКОВНИК

Когда корабль стоит у стенки (у причала), душевное настроение у экипажа приподнятое. Всегда можно найти предлог сойти на берег, покурить, поболтать с корешами и даже выпить бутылочку пива.

Этот день был необычайно красив и располагал к лени. Командир и зам ушли на катере на флагманский корабль на подведение итогов, а старпом по доброте душевной не

любил напрягать ни себя, ни других. И корабль накрыло маревом всеобщего благодушия.

Вот и долгожданная команда по кораблю: «Команде обедать!».

Офицеры дружно собираются в кают-компании. Ведь голод не тетка. Входит старпом и царственным жестом приглашает к столу. Слышна веселая перебранка, стучат вилки и зубы, мечутся вестовые.

Все как всегда!

Как вдруг открывается дверь… и входит армейский подполковник. Входит молча. Ни «Здравия желаю», ни «Приятного аппетита» Вроде бы в столовую зашел.

Опять же молча, проходит до середины кают-компании, слегка задерживается, что-то соображая, а потом, минуя свободные места замполита и особиста, садится на место командира корабля. Воцаряется жутчайшая тишина.

Ведь место командира свято!

Даже командующий, даже главком, эти отпрыски Ушакова и Нахимова, никогда не занимают командирское кресло. Оно, как царский трон, принадлежит только одному.

И если бы в данный момент вдруг наступила ночь, то это не вызвало бы такого всеобщего внутреннего возмущения.

— Ничего себе! — выражает недоумение командир артиллерийской боевой части, только доступным, флотским, лаконичным языком.

И тут старпом, этот святой человек, поворачивается ко мне, выдвигает вперед свою могучую челюсть и, брызжа от этого мне в лицо флотским борщом (дал Бог соседа!), говорит сакраментальную фразу, от которой мои редкие волосы зашевелились:

— Доктор, кто это?

— А я откуда знаю? — от возмущения спазм сжал мою глотку.

— Ну, это же ваш…, — и он многозначительно глядит на мои красные просветы на погонах.

Я поперхнулся, глаза покрылись влагой, лицо покраснело, как при апоплексическом ударе. Слов для возмущения не находилось.

Тут раздались три звонка — на борт прибыл командир корабля.

Шевченко Григорий Николаевич слыл человеком прогрессивных взглядов. В нем не было гонора самодура и напыщенного павлина. Он ценил исполнительных, был строг к нерадивыми, при этом сам всегда оставался мудрым и человечным руководителем. За что мы все его уважали.

Быстрым шагом он входит в кают-компанию.

Традиционное: «Приятного аппетита!».

Все наши взоры устремлены на командира.

Что будет дальше? Жутко интересно. Неординарная ситуация всегда привлекает к себе внимание.

Наконец, его глаза округляются. Он резко останавливается, шея и лицо багровеют.

Ни слова не говоря, разворачивается и на выходе бросает старпому, — После обеда зайдите ко мне!

Нам это, что валидол сердечнику!

Все понимают, что старпома будут дрючить. Не все-то нас. Понимает это и он сам.

Тем временем подполковник с аппетитом поел и молча ушел. Главное, что ему никто не задал ни одного вопроса.

Проведенное расследование показало, что никто: ни дежурный по кораблю, ни дежурный по низам, ни вахтенный у трапа — не видели, как эта сухопутная сволочь попала на боевой корабль и как его покинула. Видно специальные подразделения проводили свое учение, которое прошло с оценкой «отлично»!

Естественно, вся вахта была снята с дежурства, а по кораблю пошла череда оргмероприятий.

А марево всеобщего благодушия унесло легким бризом.

ПЯТЬ КОПЕЕК

Тринадцатое число каждого месяца для моряка было днем Военно-морского флота. Именно этот день им выдавалось денежное содержание за текущий месяц, другими, доступными словами — выплачивали заработную плату. Первое, и самое главное, что должен сделать офицер или мичман — положить заначку в сейф и заплатить партийные взносы. Без высокого звания коммунист на флоте, да и во всех Вооруженных силах в целом, о больших должностях и звездах можно и не мечтать. Для этого, собственно говоря, и вступали в партию. Редко кто это делал по сильному убеждению. А какой моряк не мечтает стать адмиралом? Мичману намного проще. Его потолок — старший мичман. Он его может достичь и без партийного билета.

Секретарь партийной организации штаба, капитан третьего ранга Васильев, флагманский специалист радиотехнической службы, восемь месяцев до пенсии, скрупулезно принимал взносы, бережно складывал деньги в коробочку, предварительно тщательно пересчитав их, записывал сумму в ведомость и делал отметку об оплате в партийном билете, ставя штамп «Уплачено».

После того, как последний коммунист, выполнив свой партийный долг перед партией, покинул кабинет, Васильев подсчитал итог в ведомости и сверил его с имеемой суммой в коробочке. Вдруг глаза его округлились, лицо покрылось красными пятнами, а на лбу выступили капельки пота. Он снова и снова просуммировал цифры и пересчитал кассу. Его щеки покрыла мертвенная бледность. А процедура повторялась снова и снова.

— Коля, у тебя что-то не сходится, — поинтересовался сосед по кабинету, помощник начальника штаба, капитан третьего ранга Перевертайло, до пенсии четыре месяца.

— Не хватает пять копеек.

— Ерунда какая. Это же не пять рублей! Ты не мог ошибиться в подсчетах?

— Не мог, — твердо утверждает Васильев.

— Ошибаются все. Даже великие.

— А я не мог, — упрямо констатирует парторг, — и все же пять копеек пропали, — он нервно закуривает.

— Ты считаешь, что я их взял?

— Я ничего не считаю. Но повторяю для тех, у кого нет мозгов, — я ошибиться не мог. Пропали деньги! Партийные!!!

— Но я их тоже не брал! — орет в ответ Перевертайло, — Если у тебя мозги на месте, ты должен это понять!

— Представь себе, что и я тоже!

— Значит тогда я? — надрываясь, вопит помощник начальника штаба, тоже покрываясь красными пятнами, — Ты считаешь меня вором? Вот тебе, — он роется в карманах, — десять копеек! Подавись!! — и бросает монету на стол Васильеву.

— Мне не нужны твои вонючие деньги, — и монета уже летит на стол Перевертайло.

— Нет уж, вы возьмите, товарищ капитан третьего ранга. Иначе я вам дам по морде.

В ход пошли бранные слова. И старшие офицеры штаба, флагманские специалисты, коммунисты, одному до пенсии восемь месяцев, а другому и того меньше, в неистовой злобе бросились друг на друга с кулаками.

На шум вбежали офицеры. Их разняли.

На флоте начальство долго не думает. Обоим объявили по строгому выговору, рассадили по разным кабинетам, а в конце года тринадцатую заработную плату урезали на пятьдесят процентов.

Как пополнилась партийная касса на пять копеек неизвестно. Но коммунисты, старшие офицеры, флагманские специалисты Васильев и Переревертайло, без семи минут пенсионеры больше не общались друг с другом до конца своих дней.

НЕУДАЧНАЯ ШУТКА

Матрос Витя Люська, радиометрист штурманский, был мал, худ, подвижен, сообразителен и, самое главное, имел в голове мозги. Он один из первых сдал экзамен на допуск к самостоятельному обслуживанию своего заведования. А таких на флоте любят, ценят и уважают.

И все у него как будто бы хорошо… Но вот фамилия, прямо скажем, не мужская. И никто: ни в детском саду, ни в школе, ни, тем более, на корабле, его по имени не звал. Люська, как не крути, Люська и есть.

Служба его не обременяла. Через год на его погонах появилась одна лычка, через полтора — две, потом три, а домой уходил с одной широкой, — главным корабельным старшиной. Но это все потом. Сейчас он молодой матрос, без прав, лишь с одними обязанностями.

По команде «Отбой» моряки аккуратно складывают на баночку (табурет) в строгой последовательности свое рабочее платье, тельняшку и форменный воротничок. Носки, постиранные в обязательном порядке, вешают на перекладину, а прогары (рабочие ботинки), чистые и надраенные до блеска, ставят у рундука.

Когда Люська засыпал, дневальный по кубрику, а это входило в его негласное правило, клал поверх его воротничка огромного размера женские трусы, а на них, не менее огромный бюстгальтер. Перед подъемом все это убиралось и пряталось. Так повторялось изо дня в день. Люська об этом ничего не знал. А всем было весело. На службе веселого мало, а тут такой случай!

Как-то старшему помощнику не спалось и чтобы чем-то себя занять, он решил обойти жилые помещения, посмотреть порядок, да и вообще чем занимается личный состав после отбоя.

Очередь дошла до кубрика радиотехнической службы. Спустившись по трапу и выслушав доклад дневального,

старпом пошел по помещению. Дойдя до койки, где спал Люська он встал как вкопанный.

— Что это? — он поднял бюстгальтер крюком, без которого не ходил по кораблю, выворачивая им шхеры моряков. Чем еще можно залезть в укромные места, где матросы прячут все что угодно?

— Нижнее белье матроса Люськи, — дневальный, уже прослуживший полтора года и мог свободно общаться с высоким начальством, обнажил в улыбке зубы.

— И он это снимает на ночь? — поддержал старпом шутку.

— Так точно!

— А дежурная служба ходит всю ночь от всего этого в возбужденном состоянии?

— Поначалу да. Но уже привыкли.

— Сейчас все это соберешь и отнесешь ко мне в каюту.

— Вас это тоже заинтересовало?! — хмыкнул дневальный.

— Один наряд вне очереди, — нежно, почти по-отечески произнес старший помощник, не поворачивая головы.

— За что? — возмущенно спросил дневальный.

— Три наряда вне очереди, — теперь в голосе старпома звучали нотки раздражения.

— Есть три наряда, — обиженно выдавил матрос.

— Вот это уже по-военному. А за то, товарищ матрос, что позволяете себе непристойно шутить с командованием корабля и панибратски с ним себя вести. Понятно? Исполнять! — и старпом пошел дальше по кораблю.

На утреннее построение старший помощник вышел в перчатках, неся в руках женское белье. Экипаж на это ответил дружным раскатистым хохотом.

— Отставить смех! После подъема флага команде построиться на юте. Говорить буду. Возможно, долго. И, несомненно, матом. Отдельные, могут прямо сейчас начинать завидовать мертвым.

— Время вышло, товарищ капитан-лейтенант, — прервал старпома дежурный по кораблю.

— Командуйте!

— На флаг и гюйс, смирно! — торжественно выкрикнул дежурный, — Флаг и гюйс поднять! — взоры личного состава устремились на трепещущийся на ветру флаг, — Вольно! Команде построиться на юте!

Когда экипаж построился на юте, и наступила тишина, старпом начал свою повествовательную речь в очень спокойной форме, что не предвещало ничего хорошего.

— Обходя сегодня ночью корабль, я обнаружил, что в радиотехнической службе служат одни извращенцы, более того, — голос его с каждым словом креп, — фетишисты, во главе с их начальниками! Так, начальник РТС? Или вы, как всегда, не в курсе, как и ваши старшины команд? — Старпом даже не кричал, он уже визжал, — Святыми стали?! Я для вас поищу иконописца! Пусть намалюет. Вот только кто на ваши рожи молиться будет, не знаю. Что, в кубрик к народу боимся спускаться?! Вот, полюбуйтесь, — он швырнул в сторону начальника РТС трусы и бюстгальтер, — на баночке матроса Люськи поверх формы лежало все это. А дневальные в возбужденном состоянии несут свое тяжкое бремя, подрывая здоровье. У них либо яйца лопнут, либо сердце раньше времени остановится от переизбытка чувств. Я правильно говорю, доктор, или нет? — видно в мозгу у него зрел план по привлечению начмеда. — Что такое? Что случилось, товарищ начальник радиотехнической службы? Противно это в ручки брать? А после ресторана чужих баб не противно по подъездам мацать и лазить к ним в трусы? Тогда не понимаю вас. Теперь слушайте меня товарищ, с позволения сказать офицер, и запоминайте: с вечерним докладом представить мне список всего подчиненного вам и в тоже время распущенного личного состава. Потрудитесь в него включить себя и ваших доблестных помощников мичманов. Теперь

в вашем подразделении не будет Ивановых, Сидоровых, Залищуков, Осмоловских и прочих, только Машки, Люськи, Маринки, Ленки и так далее. Над этим я поработаю. Ясно? Не слышу?

— Так точно, — выдавливает из себя начальник РТС.

— Помощнику по снабжению, — старпому явно нравилась собственная фантазия, — выяснить в ближайшем магазине стоимость вот такого женского белья, — он тычет пальцем, — и вместе с баталером вещевым обмерить личный состав РТС. Я подчеркиваю, весь. И все это тоже представить мне на докладе. Финансисту, — старший помощник нашел глазами маленького кряжистого мичмана, — составить ведомость и по ней вычесть из заработной платы всех этих недоумков стоимость так полюбившегося ими женского белья. А вы, помощник, на эти деньги все это закупите и раздадите под роспись. Что-то не вижу нашего неунывающего начмеда. Устал, наверное, сильно и не слышал команды «Большой сбор». Дежурный, пошли кого-нибудь, пусть разбудят его и принесут сюда.

— Почему обязательно спит? — возмущается доктор, — Чтобы быть на виду, непременно надо вставать напротив вас?

— Этим вы окажите мне большую честь. А теперь слушайте меня и повинуйтесь. Вам надлежит до вечера осмотреть вышеуказанный личный состав, оценить их психическое состояние и сексуальную ориентацию. И сделать это фактически, а не заняться отпиской. Все это зафиксировать в медицинских книжках, которые принести мне в каюту. А вечером мы с вами сядем и посмотрим вашу работу.

— У меня сегодня сходная смена, — лепечет доктор, понимая задним местом, что берега ему не видеть как собственного затылка.

— Вы меня иногда поражаете, товарищ старший лейтенант. У меня к вам сразу же возникнет масса вопросов. Сложных вопросов. На них отечественная медицина пока

не знает ответов. Поэтому наша дискуссия может затянуться до утра. Прошу сейчас всех обратить внимание на физиономию нашего Эскулапа. Сколько в ней недовольства и ненависти ко мне, — экипаж наконец взрывается долго сдерживаемым веселым смехом, — Отставить смех. Человеку и так больно. Кроме всего прочего он сегодня не будет отдыхать после обеда. Смирно!!! — заорал старпом как оглашенный, — За злостные упущения в службе, распущенность и отсутствие контроля над распорядком дня объявляю от имени командира корабля радиотехнической службе десять суток организационного периода!! План оргпериода, начальник РТС, мне на стол! А я со своей стороны постараюсь со всеми Ирками, Верками, Наташками и Ларисками в светлое и темное время суток заняться страстной любовью с извращением. Именно такая моя страсть заставит вас полюбить воинскую службу, как мать родную! Вольно!!! Доктор, тебе крупно повезло, — старпому доставляло удовольствие злить начмеда, — Ты только сегодня на берег не пойдешь, а твой кореш десять дней будет загорать на корабле. Разойдись!!!

Корабль снова накрывает мощная волна смеха.

Но одни смеялись потому, что было весело, а другие от безысходности.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

У мичмана Попова день рождения случился на боевой службе в Эгейском море. Корабль, находясь в точке якорной стоянки, воинственно покачивался на убаюкивающей волне.

Утром командование после подъема Военно-морского флага торжественно поздравило юбиляра, вручив ему тра-

диционную грамоту, и пожелало здоровья, счастья, успехов в боевой и политической подготовке. Сорок лет хоть и не полвека, но все равно дата круглая. Командир, находясь в приподнятом настроении, пошутил, как ему это казалось, что разрешает Попову по такому случаю выпить за свое здоровье сто грамм, но не более.

Шутка юбиляром была воспринята, как руководство к действию. И решили мичмана, как полагается отпраздновать это событие после отбоя. Готовились целый день и очень основательно. К вечеру вестовой от всех этих жарок, парок, нарезаний, накрываний просто валился с ног от усталости. Стол сервировали добротно: наловили и нажарили рыбу, потушили картошку, принесли из кладовой консервов, селедку и разносолов. Яичница из двадцати яиц, пожаренная на сале, аппетитно украшала центр стола.

Каждый, а чествовать себя Попов пригласил пять человек, принес по бутылке водки. Юбиляр же ко всему этому поставил на стол еще и литр «шила». И торжество началось.

К большому удивлению к двум часам ночи закуска закончилась, а выпивки еще было очень много. Разбудили вестового, который и так был замучен этим праздником души. Он глядел через плотную пелену табачного дыма на пьяных мичманов красными от недосыпания глазами.

— У тебя пожрать еще что-нибудь есть? — гнусаво произнес юбиляр.

— Нет у меня ничего. И вообще я хочу спать. Сколько раз можно меня будить?

— Матрос, очень много текста. Сделай нам по бутерброду и иди, спи. На это у тебя есть три минуты. Время пошло. Ты разве понять не можешь, какой сегодня день. Нашему другу сорок лет, — мичман Стародуб пьяно взглянул на вестового, — Иди сынок и сделай все, о чем тебя просят.

Матрос вышел, зло хлопнув дверью. Со слипающимися глазами начал резать хлеб. Вдруг его взгляд остановился на банке с надписью «Гуталин», стоящей в углу на палубе.

Не задумываясь, он поднял ее, открыл и стал с остервенением намазывать его на хлеб. Затем покрыл его маслом, посолил и на подносе внес все в ненавистную каюту.

— Все, больше ничего нет. Еще раз разбудите, я доложу о вашей пьянке старпому, — он развернулся и направился к выходу.

— А что это ты положил черное?

— Паштет из черной икры, — не задумываясь ответил моряк, — На завтрак хотел подать… Ешьте уже.

— Молодец! Хвалю! — оторвал от стола голову мичман Соловей, — Отпуск тебе надо дать за хорошую службу.

— От вас дождешься, — буркнул вестовой и закрыл дверь.

Утро для всей пятерки выдалось хмурым. Разламывалась голова, слегка подташнивало, а во рту будто бы оправилась стая птиц. А из легких выдыхалось что- то противное и до боли знакомое.

Друзья после подъема флага собрались в каюте, чтобы поправить здоровье, благо алкоголя осталось более полутора литров.

— У меня во рту какой-то омерзительный привкус гуталина, — пожаловался вчерашний юбиляр.

— И у меня, — мотнул головой Молотов, старшина команды радиометристов БИП.

— И у меня, — сразу подтвердили все.

— Я его даже выдыхаю, — присоединился к разговору мичман Соловей.

— Мы тоже, — хором засвидетельствовали все.

— Пища была великолепной. Это какую-то гадость бросают в технический спирт. Голову на отсечение даю. Травят нас. Но деваться некуда. Разливай уже, Вася. Здоровье поправлять надо.

О съеденных ночью бутербродах так никто и не вспомнил. А если бы и вспомнили,.. деваться некуда. Поезд ушел.

САМОРОДКИ

Осведомитель донес: «Во второе машинное отделение машинно-котельной группы электромеханической боевой части (БЧ-5) занесли четыре бутылки водки».

Представитель особого отдела со злорадной улыбкой будто бы он только что раскрыл и ликвидировал деятельность шпионской организации на заводе, производящем крылатые ракеты, направился к заместителю командира корабля по политической части. Вот, мол, товарищ заместитель, мы работаем, а вы тут витаете в облаках, строите коммунизм в отдельно взятой каюте.

Замполит, собрав на лбу в складки все идеи классиков марксизма-ленинизма, немедленно вызывает к себе старшего помощника и очень доходчиво объясняет ему, кто на корабле хозяин и разъясняет важность партийно-политической работы.

Старпом, у которого дел на корабле больше, чем у пуделя блох, бросает все и вызывает командира БЧ-5. В задушевной беседе он, мимолетно вспоминая родителей и прародителей по матери и по отцу, пытается ломом и кувалдой пробить черепную коробку главного механика корабля, без которого последний превратился бы в железную болванку.

Механик, глубоко осознав все сказанное старпомом, проводит экстренное совещание со своими офицерами и мичманами, на котором захлебываясь слюной от восторга приводит выдержки из цитат старшего помощника, замполита и древнегреческого драматурга Софокла.

С мокрыми от избытка чувств спинами и штанами, оскалом затравленного зверя и гордостью за свое высокое происхождение офицеры и мичманы бросаются во вторую машину, и начинается поиск. Переворачивается все. Выворачиваются все щели, шхеры. Но… результат нулевой. Водка не обнаруживается нигде, ни в машинах, ни в кубрике,

ни на других боевых постах огромной БЧ-5. Воспитательная работа как сверху, так и снизу тоже ничего не дает.

Водка сама по себе зло, а на корабле зло вдвойне. Она, если разгуляется, может наделать ой как много беды!

А было все так.

Осведомитель не ошибся, настучав, что пронесли два литра водки. Но и те, кто принес, не теряли время даром. Голь, как известно, на выдумку хитра. Спрятать нужно так, чтобы потом сам нашел с трудом, не только начальники. Моряки снимают плафоны со светильников, выливают в них спиртное и прикручивают на место. Чтобы избежать короткого замыкания, с выключателя, от греха подальше, снимают «барашек». Ну, кто может додуматься заглянуть еще и в плафон? Поэтому наш народ и имеет Левшу, братьев Черепановых, Циолковского, Яблочкова и многих других, кто своей необузданной фантазией заставил говорить о себе весь мир!

Когда возникшая суета на корабле утихла, плафоны аккуратно сняли, все тихо выпили, а «барашек» вернули на его родное место.

БИНОКЛЬ

День Военно-морского флота — это апогей и апофеоз всех славных, героических дел моряков.

Севастополь в этот день прекрасен!

Женщины — цветы и спутницы потомков Корнилова, Ушакова и Нахимова благоухают в нарядах. Дети, будущие славные продолжатели дел Беллинсгаузена, Литке и Крузенштерна своим беспокойством не дают матерям показаться во всей своей красе, а показать-то есть что, да и посмотреть тоже.

Ну а мужчины, ради кого придуман этот праздник, все на кораблях.

Корабли же выстроены на рейде бухты. Экипажи в белоснежной форме, которая одевается всего лишь один раз в год, именно в этот праздник. Издали моряки выглядят торжественно и, поистине, празднично. Все ждут командующего Черноморским флотом, который выступит с пламенной речью с флагманского корабля. После этого на катере обойдёт этот величественный строй, поздравит экипажи, которые ответят троекратным: «Ура», пойдет на трибуну, и праздник начнется. Ну, для кого праздник, а для кого и продолжение флотских будней.

Эсминец «Благородный» стоял в этот день у Минной стенки. Места, видно из-за старости, ему в строю красавцев-кораблей не нашлось. Геройство красавцев в строю, настоящий же воин красив на просторах мирового океана.

И мы все тоже стоим по левому борту в белой форме. Ждем-с. Только чего?

Я уже старший лейтенант, и у меня изредка появляется право голоса. Но это пока что как атавизм.

Практически у всех наших офицеров и мичманов, как собственно и на всех кораблях, белые полуботинки переделаны из черных. Просто они покрашены белой краской. Нам в них не ходить, а издали не видно. Сойдёт!

Стоим как истуканы.

Нам с этого места праздника не видно, а там, перед трибуной плывут, стреляют, взрывают. То есть война полным ходом.

Командир с замом ушли на ГПП. Мы паримся на солнце и попарно спускаемся вниз для поднятия настроения. И жизнь после этого вроде бы как-то и налаживаться начинает, как вдруг среди этого, мягко выражаясь, веселья ко мне подходит вестовой.

— Товарищ старший лейтенант! Вас командир на ГКП вызывает.

Иду.

Командир уже сучит ногами, ждет появления лейтенанта, хоть и старшего.

— Так, доктор, сейчас пойдете на трибуну командующего и отнесете бинокль.

От такого предложения я просто обомлел.

— И кому я его отдам?

— Капитану II ранга Блинову, помощнику командира дивизии. Знаете такого? Но смотрите, если он у вас пропадёт, заплатите 180 рублей.

Радостная перспектива, нечего сказать!

— Товарищ командир, а почему я? — вспомнил я о своем праве на голос, — Я никого не знаю. Пусть Пушкин сходит…

Вызывают Пушкина.

— Товарищ командир! Я через сорок минут на вахту заступаю, — причина веская.

— Все, доктор, собирайтесь.

Чувствую, назад дороги нет. Начинаю уповать на крашеные ботинки, которые уже в трещинах, да и вообще на неуставной вид, а патрулей сегодня больше, чем капель в море…

— Доктор, не пререкайтесь. Шагом марш!

Вид у меня очень даже удручающий. И без зеркала знаю, что похож на пугало: уставная фуражка, мешковатый костюм, длинные, почти до колен, черные семейные трусы, которые просвечиваются через брюки, и крашеные, все в трещинах, ботинки. Огородное пугало рядом со мной отдыхает. И это при моей-то огромной любви к себе! Такого низкого падения в собственных глазах я больше не испытывал никогда. Но делать нечего. Надо выполнять приказание.

Подтягиваю до сосков трусы и иду как на каторгу. Наверное, многие отвели душу, глядя на такого защитника. Патрули просто как волкодавы набрасываются на меня. Но! В руках я держу волшебный бинокль. Я несу его командующему! Он ждёт!!! И меня отпускают.

Иду твердо к трибуне. Народу — океан. Трусы уже сползли ниже колен, но не до них сейчас. Скорее бы уж дойти. Струйки пота стекают в крашеные ботинки, отчего краска стала отслаиваться сильнее.

Прохожу через кордоны оцепления, ведь в моих руках волшебный бинокль.

Ну вот и долгожданная трибуна. Снова охрана. Тычу и ей бинокль.

Я уже на трибуне. И вижу, как спотыкаясь о чужие ноги и мацая женские талии, ко мне летит Блинов.

— Принес бинокль? Давай его сюда!

— Нет, Вы мне напишите расписку, что его взяли, а потом берите, — мысль о возможной его утрате и 180 рублях делала меня сильным, бесстрашным, твердым и решительным.

— Никакой записки я писать не буду. Тебе сказано принести его мне, так что давай.

— А если он пропадет, Вы будете платить или я?

Его мозг что-то соображает. Мысли морщинами покрывают усталое лицо. Ему явно хочется сказать в мой адрес что-то нецензурное. Но мешают гости. Он уничтожающе на меня смотрит и, ничего не говоря, уходит. А я весь праздник простоял с волшебным биноклем на трибуне. А что не постоять? Такой шары больше никогда не будет.

Когда праздник закончился, я с облегчением вернул этот драгоценный груз командиру. Обед уже прошел. Мне пришлось доедать объедки с праздничного стола.

Когда гражданскому праздник, военному всегда пытка.

БОЕВОЙ ЛИСТОК

Одним из видов партийно-политической работы является наглядная агитация.

Здесь тоже десятки всяких прибамбасов: и стенгазеты, и плакаты, и лозунги, и боевые листки, и еще что-то, о чем никто не слышал вообще.

Это один из способов угнетения и закабаления заместителями по политической части командиров боевых частей.

Ведь что для зама главное, — разобщить офицеров, поссорить их, разбить на удельные княжества, то есть принцип: «Разделяй и властвуй» для них является обязательным атрибутом в их профессиональной карьере.

Чем лучше этот принцип работает, тем быстрее зам движется по служебной лестнице.

Боевой листок.

Для тех, кто далек от флота, как я от космоса, хочу объяснить, что он представляет собой лист бумаги в четверть газетного листка, сверху которого написано: «Боевой листок» и нарисованы силуэты солдата, летчика, моряка и что-то типа танка, самолета и корабля.

Вроде бы не солгал.

В начале учебного года в группах и командах избираются, я еще раз подчеркиваю, избираются редакторы Боевых листков. Они закрепляются приказом по кораблю.

Чувствуете, как серьезно?

Редакторы… Приказом…

И вот — цирк начинается. Точнее, не уезжая, продолжает гастролировать.

Контроль за всем этим возлагается, естественно, на командира боевой части.

Ну не зам же и его сателлит, секретарь комсомольской организации, будут это делать?

Они проверят и накажут нерадивых.

Естественно, что редактор — это молодой моряк. Не будет же «годок» писать всякую ерунду. Он письма на родину пишет уже с трудом. А тут какой-то «Боевой листок»…

В службах и командах это обычно представитель многонациональной Средней Азии, плохо владеющий не только русским, но и своим языком.

Как часто надо было выпускать этот Боевой листок, я, честно, что-то подзабыл, но раз в месяц — точно, плюс к великим праздникам и по случаю выполнения кораблем боевых задач и, естественно, к началу нового учебного года и завершению старого.

То есть, грубо, в год получалось таких листков должно быть не менее двадцати.

Моряку этот листок, по большому счету, и не нужен. Творческие дарования на флоте и в армии не служат. Они к восемнадцати годам становятся калеками, и добрые дяди из военкоматов их признают не годными к выполнению почетной обязанности каждого гражданина СССР. Кому юродивый нужен? С ним все маяться будут. Пусть уж на гражданке поживет маленько, да сам и помрет.

Но это тело вдруг на вольных хлебах резко поправляется, а имея на руках «волчий билет», уже никак не может попасть в армию. И от этого очень сильно «страдает» всю жизнь, расшатывая свою, и без того расшатанную, нервную систему.

И так, цепь событий от идеи к творческому завершению идет по следующему сценарию.

Заместитель вызывает к себе первого комсомольца.

Он его слегка дрючит. Но это носит, в первую очередь, воспитательный характер.

Вы видели, как кошка дрессирует своих котят?

К первой мыши она никого не подпускает. Рычит и бьет нахальных детей по морде. Затем с аппетитом все съедает сама.

Вторую отдает котенку и следит, как он себя с ней поведет. Если плохо, то тот снова получает тумака и лишается деликатеса.

Вот так, приблизительно, и здесь.

Решая какие-то важные для корабля проблемы, (не важных проблем у политработников нет), зам морщит череп и задает комсомольскому вожаку очень актуальный вопрос, звучащий для него так же неожиданно, как гром среди ясного неба.

— А что у нас с Боевыми листками?

Это удар ниже пояса.

Комсомолец краснеет и пишет «умную» мысль в блокнот.

Вызывается комсомольский актив. Это уже моряки повзрослее, поопытнее.

С ними секретарь комсомольской организации не жует сопли. Он на коне! Он лидер!

— И последнее, — резюмирует секретарь, — завтра в кубриках должны висеть Боевые листки. Тема: «Мой корабль — мой дом».

Ропот в народе не находит отклика.

Актив расходится по кубрикам. Везде разговор приблизительно одинаков.

— Душара, блин, сюда иди! Завтра чтобы висел Боевой листок. Вот тема, — и он сует редактору бумажку.

Редактор лепечет, что ему еще красить в трюме, стирать рабочее платье, заступать на вахту, делать приборку и еще тысячу чего-то, что положено делать молодому матросу.

— Меня это… — и активист доходчиво, с помощью флотского сленга, объясняет очумевшему моряку, как это все его не колышет.

В придачу редактору дается агитатор, который тоже выбран коллективом и утвержден приказом, и который слабо представляет что, кого и когда он должен агитировать.

И вот, два замученных службой моряка, абсолютно не представляющих себе, как корабль может быть домом, в творческих муках рожают небылицу. Фантазия не выходит дальше переборки кубрика.

Но к пяти утра листок все же висит на переборке.

Час, оставшийся для сна, пролетает секундой. Сон настолько глубок, что команда: «Подъем!» творческой молодежью не слышна.

Никого абсолютно не интересует этот Боевой листок. О нем уже и забыли. А редактор и агитатор получают свой заслуженный подзатыльник.

Хуже всех, естественно, представителю среднеазиатской пустыни. Он далек от понимания не только, что такое корабль, но и слабо представляет, что такое дом.

Мысль, не пробив черепной коробки, сразу гаснет, и голова гулко падает на листок, лежащий на столе.

Слюна, вытекающая изо рта, чертит свои фантазии на бумаге.

Утром комсомольский активист сильно гневается, а сын пустыни ищет пятый угол и начинает завидовать мертвым.

Часов в десять секретарь комсомольской организации корабля обходит кубрики. Цель — наличие Боевых листков. Именно наличие, а не содержание, потому что этот бред, вообще, никто и никогда не читает. Главное, чтобы стояла сегодняшняя дата.

И вот — кубрик № 3. Кубрик службы снабжения.

Боевого листка нет!

Сразу к замполиту!

По кораблю звучит команда: «Помощнику командира корабля по снабжению прибыть в каюту заместителя командира корабля по политической части».

Помощник, ничего не подозревая, входит в каюту зама.

Сорок минут ему объясняют, что такое Советская власть и что теперь с ней будет после того, как в его подразделении даже конь не валялся.

С разорванным очком помощник несется в рубку дежурного.

— Службе снабжения построиться, шкафут, правый борт! — несется по кораблю.

Пятьдесят семь минут помощник, вспоминая русскую мать и тыча виртуальным членом во все виртуальные дырки личного состава, объясняет до хрипоты своему многонациональному личному составу сложившуюся взрывоопасную обстановку на земном шаре.

Ополоумевший от всего этого и осознавший всю нестабильность политической обстановки личный состав с криками «Банзай!», проводит разъяснительную работу с редактором, агитатором и активом в целом.

Актив, понимая, что если через тридцать минут не будет Боевого листка, разразится третья мировая война, диктует брату по оружию о доме и о корабле

Через час пошли доклады.

Всё и все успокоились.

Земля осталась на орбите.

Политработа временно прекращается. Но не прерывается.

ЛЮБИМЕЦ ПРЕССЫ

Не могу пожаловаться на то, что за период своей многолетней службы я был обделен вниманием прессы.

Впервые, в далекие семидесятые, обо мне заговорила газета Военно-медицинской академии «Военный врач», в которой мой сокурсник, будущий хирург Шура Уточкин, обличал слушателя третьего курса Финогеева в разгильдяйстве, нерадивом отношении к учебе и службе, называл позором курса и намекал на то, что верной ли

дорогой идет товарищ, если вообще это слово для него уместно.

Затем пресса обо мне ненадолго забыла.

Вторая статья появилась в газете Черноморского флота «Флаг Родины»».

Выходя ежедневно, эта газета отражала боевую и политическую деятельность разбросанного многочисленного флота. Представляю, как трудно написать что-то новое, когда события с закономерной последовательностью идут, повторяя друг друга из года в год, из десятилетия в десятилетие. Это в масштабах страны за день можно наковырять событий для газеты, и то, если постараться. А тут… корреспондентам явно не позавидуешь. Тут фантасты не работали. Фантазию вместе с яйцами тут же вырывали в политическом управлении.

И вот, весь флот узнает, что на эскадренном миноносце «Благородный» служит прекрасный офицер, старший лейтенант медицинской службы Финогеев. Он честен, принципиален, является примером для остальных, ведет за собой, секретарь партийной организации, лучший начальник медицинской службы и имеет все положительные эпитеты, характеризующие порядочного человека. (Эх, Шура! Как ты, будущий заместитель начальника кафедры и учитель, не увидел в оступившемся товарище верного партийца — ленинца? А принцип: «Столкни в пропасть оступившегося, ибо он мешает твоему пути», сработал у тебя четко. Каждый идет своей дорогой. У одного она усыпана костями товарищей, другой же издирает ноги об острые камни. И каждый считает свой путь верным).

Все знают, что в каждой газете печатают фотографии. Печатали их и во «Флаге Родины». А фотографами там были два дедка: Григорьев и Никишов. Оба низенького росточка. Только первый был худ и жилист, а второй толст и меланхоличен. Где они учились фотографировать, кто были их педагоги — этого, наверное, уже не знает никто.

Но жертвы, смотрящие на тебя с газетных полос, мало походили на оригинал. Они все напоминали каких-то монстров.

Как этих людей можно было умудриться так напугать или застращать, чтобы нормальное человеческое лицо превратилось на фотографии в нечто непередаваемое, неописуемое?

Вот и мое благородное лицо смотрело со страницы газеты на бедного читателя очень удручающе. Оно выражало скорбь и грусть, было темным, как у людей, страдающих бронзовой болезнью. Глаза молили о пощаде, а как-то неестественно согнутая шея говорила о болезни непослушных школьников — явно выраженном сколиозе и даже лордозе, с которым даже в те далекие времена в армию, я не говорю о флоте, и близко не подпускали. Если бы это мое фото поместили случайно среди узников Дахау или Освенцима, никто бы не заподозрил подделки. То же выражающее безысходность лицо.

С той поры я стал чаще мелькать на страницах газет и даже как-то попал в «Красную Звезду».

Подходил очередной праздник медицинского работника.

Изъеденный годами службы «перезревающий» капитан захотел вдруг снова увидеть себя среди высоко несущих…, но… все молчали. А под лежащего капитана слава не течет.

Тут флагманский врач, Саня Димицкий, уходит в отпуск и меня назначают его замещать.

Канители не много, но есть.

А праздник стремительно приближается.

И решил я вверенной мне властью поощрить лучшего начмеда в бригаде. Думать долго не пришлось. Лучшим по всем показателям, естественно, был признан начальник медицинской службы СКР «Беззаветный» (я тогда уже служил на нем) капитан Финогеев.

С чистой совестью набираю телефон редакции.

— Здравствуйте! Вас беспокоит исполняющий обязанности флагманского врача бригады противолодочных кораблей капитан (фамилия произносится неразборчиво). Мы бы хотели через нашу любимую газету отметить лучшего корабельного врача.

— Как хорошо, что вы позвонили. Нам как раз нужен материал и мы собирались звонить начальнику медицинской службы флота. Так куда направить корреспондента?

— На СКР «Беззаветный». Он сейчас стоит на Минной стенке. А завтра корабль уходит в море, — для большей убедительности говорю я.

— Хорошо. Ждите.

Через тридцать минут (от редакции до Минки ползти две минуты) в амбулаторию корабля постучали, и вошел плотный, улыбающийся мужчина с фотоаппаратом.

— Фотокорреспондент Никишов. Вы, — он коверкая по складам прочитал мою фамилию. — Буду вас снимать для газеты. Вас предупредили?

— Никак нет, — я сделал удивленные глаза.

— Это ваш подчиненный? — указал он на стоящего рядом моряка.

— Да. Санитар, матрос Козырев. Отличник боевой и политической подготовки, — хотя до отличника Козыреву, что пешком до Полтавы.

— Очень хорошо. Сделаем этюдик. Оденьте-ка халаты и поставьте какую-нибудь аппаратуру на стол.

В нем начинал закипать мастер. Из слезящихся, округлых глаз капал бенгальский огонь.

Я достал дыхательный аппарат. Он без нужды много лет лежал под кушеткой.

— Замечательно. А теперь встаньте, — он показал как, — Возьмите прибор в руки. Один смотрит сюда, другой туда.

Мы истуканами уставились в пустоту.

— Отлично. Легонько улыбнулись. Снимаю.

При слове «снимаю» человек, по — моему, сразу глупеет.

Воскресный номер я ждал с нетерпением. Но когда увидел фотографию, образ непреклонного защитника социалистических завоеваний, умер, даже не родившись. Два хирувимоподобных существа, тупо глядевших в светлое будущее, держали в руках что-то дынеобразное, и по идиотски улыбались. Нет, конечно, как идиот улыбался Козырев. Я же походил на Иуду Искариота, только что получившего тридцать серебряников!

Настроение испортилось. Но праздник не отменялся.

Жизнь шла своим чередом. Были новые статьи и новые фотографии. Но все они были уже схожи с оригиналом.

ФАРТ

Последние дни социализма и горбачевской перестройки обернулись катастрофой для многонационального советского народа. Некогда богатейшая страна в одночасье превратилась в нищую. Магазины опустели, народ начал пухнуть с голода и вышел на улицу. Здесь-то и произошло прозрение: надо разделяться. І тоді ми заживемо, як пани. На салі будемо спати і салом укриватися.

Но самое интересное было впереди. Теперь каждый мог говорить всё, что думает. А думали все о многом. Говорили, говорили, много говорили — а денег-то, как оказалось, за это не платят. И хлеба за слово не купишь. И сала тоже. Но и его на всех не хватило. Всё покатилось вниз с бешеной скоростью. Проговорили промышленность, проболтали и сельское хозяйство, аж поля бурьяном поросли. Зато открылись границы, откуда мощным потоком по-

текли товары. Стали образовываться огромные вещевые рынки, где купить можно было буквально все: от гвоздя до ордена Ленина, от китайской рубашки до турецкого ковра, от польской косметики до американских джинсов. А если сильно подсуетиться, то и пистолет с глушителем или автомат Калашникова можно приобрести для хозяйственных нужд. Нужды и запросы у каждого разные.

Лидером всех прогрессивных начинаний является славный город Одесса, где на седьмом километре и возник такой рынок. Народ мощным потоком ринулся туда. Одни ехали, чтобы одеть и обуть себя и свою семью, другие, так называемые предприниматели, скупали все это оптом и продавали уже с огромной наценкой на местах. Так начинали строить в стране капитализм, так строим его и сейчас.

Марина Польских, жена флагманского артиллериста, получив в конце года от мужа заработную плату и тринадцатый оклад, решила приодеть себя. Приодеть, конечно, очень громко сказано, — купить хорошие, добротные и, главное, модные итальянские сапоги, как у Валентины Михайловны, пару кофточек, платье и, если останутся деньги, прицениться к дубленке, а если повезет, еще чего-нибудь. Размер «чего-нибудь» не уточнялся.

В Николаеве все это тоже было, но стоило огромных денег. Вот и решила она съездить в Одессу. И не так далеко, и не очень накладно.

В пять часов утра маршрутка, специально забронированная группой покупателей и предпринимателей, отошла от гостиницы «Украина».

Марина с широко распахнутыми глазами влетела на рынок. Он встретил ее гулом стано-прокатного цеха. Хотелось везде побывать, хотелось все потрогать и многое, естественно, купить.

Почти у самого входа стоял парень. У его ног на картоне красовались те самые сапоги, о которых она так долго

мечтала, из-за которых не спала ночи и о которых думала даже во время супружеской близости.

— Продаете? — наивно спросила она, слегка покраснев, — И в какую цену?

— Давайте сначала будем мерить, а уж потом говорить за цену, — улыбаясь, ответил продавец с явно выраженным одесским акцентом.

— Марина, прижав сумку локтем, сняла поношенную обувь и начала примерять первый сапог. Сумка постоянно выскальзывала из-под руки и падала на землю.

— Женщина, не мучьте обувь. Вам ее еще носить. Да поставьте вы уже вашу сумку! А чтобы ее не затоптали потными ногами, давайте я ее немного подержу. Так для всех будет приличней, — парень явно бравировал одесским сленгом.

Марина с облегчением отдала сумку юноше. Дело пошло куда быстрее. Новые, мягкие, отражающие зимнее солнце сапожки, нежно ласкали кожу. Ноги в них просто отдыхали. Сердце билось от восторга.

Слегка потопав ножками и покрутив носочками, она со счастливой улыбкой подняла глаза, — Беру. Так сколько вы за них…? — Молодого человека рядом не было. Она покрутила головой, ища своего продавца. Кругом сновали толпы людей, но юноши с ее сумкой среди них не было. Догадка, что ее обворовали, загнала секунду назад трепещущее от радости сердце в новые сапоги. По лбу и спине покатились противные капельки холодного пота, мертвецкая бледность покрыла лицо. Чтобы не упасть, Марина облокотилась о контейнер. И было из-за чего. В сумке лежала просто астрономическая сумма. Слезы ручьем потекли из глаз. Но делать было уже нечего. Чрезмерная доверчивость и торговый азарт явно подвели ее. Дальнейшее пребывание на рынке потеряло всякий смысл. Переобувшись, она сложила уже не радовавшие сапоги в полиэтиленовый пакет, купленный тут же на карманные

деньги, и, пошатываясь, побрела на стоянку, где ждало маршрутное такси, села в него и три с лишнем часа ждала своих счастливых попутчиков.

На обратном пути ее все жалели, утешали, но от этого становилось еще горче.

В квартиру она звонить не стала, открыла дверь своим ключом. Войдя в прихожую, Марина положила пакет на пол, устало разделась.

— Приехала, путешественница? — донесся из зала голос мужа, — И что ты там, интересно, купила? Рынок, наверное, после твоего визита опустел? — послышался его злорадный смех.

— Купила, — прошептала она.

— На какие шиши?

— Вот люди, — с досадой подумала Марина, — донесли уже. Не успела войти, а дома уже обо всем знают. Как же быстро разносится плохая весть, — На такие вот.., — прошипела она зло, — И кто же тебе, интересно, успел все рассказать?

— А тут и рассказывать ничего не надо, — супруг потягиваясь, вошел в коридор, — Все надо делать с умом и не спеша. Не понимаю, неделю готовиться к поездке, и в результате забыть деньги на столе. Неужели нельзя все заранее сложить, упаковать…

— Я забыла деньги? — прокричала она, — Где они?

— Где положила, там и лежат. На кухне, на столе.

Марина стремглав бросилась на кухню. На столе, завернутая в газету и перетянутая резиночной лежала увесистая пачка. Она прижала ее к груди и залилась веселым смехом.

— Что такое? — муж собрал на лбу складки, — Когда деньги вызывают бурную радость, надо насторожиться. А не признак ли это сумасшествия?

И тут Марина со счастливо блестящими глазами, достала сапоги мечты и во всех подробностях рассказала о

своих приключениях. По этому поводу даже выпили по рюмочке.

Подруги по работе позавидовали. А чего не позавидовать? И деньги целы, и сапоги моднючие имеет. Сказали, что теперь в Одессе всегда сумки будут отдавать продавцам. Вдруг тоже повезет!

И СМЕШНО И ГРЕШНО

Умерла бабушка. Старенькая была, потому и померла. Бог детей ей не дал, поэтому завещала она свой дом в приморском городе племянникам, которым перевалило далеко за пятьдесят. Наследники то ли от радости, что привалило такое счастье, то ли от невосполнимого горя крепко запили.

Старушки, подруги покойной, помыли усопшую, обрядили в давно приготовленное платье, посидели у гроба, как водится, поплакали.

Наступил час похорон. Все вышли на улицу к подъехавшему катафалку, оставив с покойницей только родственников. Племянники, недолго скорбя, начали спускать гроб вниз (домик был хоть и частный, но двухэтажный), но это у них никак не получалось, он все время застревал в лестничном проеме.

— Тема, — дал дельный совет один брат другому, — давай бабку оставим здесь, вынесем сначала эту домовину, а уж потом вернемся за ней.

На том и порешили.

С потом, матом и жутким хрустом лестничных перил гроб через полчаса показался на улице. Затолкав его в катафалк, мокрые и уставшие наследники, в пьяном угаре напрочь забыв о бабушке, сами тоже взобрались

туда. Процессия двинулась к последнему пристанищу покойной.

Наступила минута прощания. Сняли крышку. Немногочисленные провожающие в ужасе вскрикнули. Тела в гробу не было.

— Щас мы бабулю привезем, — успокаивающе подняли руки братья, — а вы здесь ждите. Никому не расходиться, — они запрыгнули в отъезжающий катафалк. На нем и вернулись в город.

Ехать назад шофер категорически отказался. У него было еще три заказа.

— Веня, ты давай лови такси, а я ее сейчас сюда принесу, — скомандовал Тимофей.

Вытащив бабку на улицу и поддерживая ее с двух сторон, они трясли поднятыми руками, останавливая машины. Вскоре возле них остановилось такси. Водитель, молодой парень, на пассажиров даже не взглянул. Он с удовольствием курил, отбивая рукой такт модной песне Валерия Леонтьева.

Братья, с трудом согнув ноги у несчастной, затащили бабку на заднее сидение и уложили тело себе на колени.

— На кладбище, — скомандовали они, доставая предварительно взятую бутылку и тоже закуривая.

Машина, набирая скорость, покатила по указанному маршруту. Наконец, впереди, показались кладбищенские кресты.

— Что за запах в салоне? — шофер повернул голову и подозрительно оглядел пассажиров.

— Бабка у нас умерла, — как бы между прочим произнес один из племянников, обнажив в улыбке щербатые зубы.

— Что? — прохрипел шофер, быстро бледнея, и тело его стало медленно клониться в сторону пассажирского кресла, поворачивая за собой руль. Машина съехала с трассы и, притормаживая на кочках, врезалась в стоящий на обочине тополь.

— Твою дивизию.., — простонал Вениамин, — Что делать будем?

— Что делать, что делать? — раздраженно произнес Тимофей, — Бабку понесли. Там люди ждут!

— А с этим что? — указал Веня головой на шофера.

— Оклемается и без нас. Мы не виноваты, что он такой хлипкий оказался?

Вытащив тело покойной женщины из машины, они трусцой побежали через кусты в сторону вырытой могилы.

Наскоро похоронив несчастную, все возвратились в город на попутном автобусе. А на обочине все еще стояло такси, крепко упершись бампером в ствол дерева. И около него никого не было видно.

«САТУРН»

— Следующий! — послышалась команда из-за двери, и очередной допризывник развязно вошел в кабинет хирурга.

— Здрасьте! — панибратски поприветствовал он, пристально глядя на конопатую медсестру, и встал как вкопанный у двери, привалившись к косяку.

— Что встал как истукан? Подходи к столу, не стесняйся. Фамилия? — хирург, отдавший в свое время флоту лучшие свои годы и много видевший на своем жизненном пути, был слегка ошарашен происходящим.

— Челенский! А что? — он подтянул сползшие трусы.

— Карту давай и ложись на кушетку. Жалобы есть?

— Есть.

— И какие?

— В армию не хочу идти.

— И все? — удивился хирург.

— И все!

— Не густо.

— Вот и я о том же.

— А на здоровье жалуешься?

— На здоровье не жалуюсь, — заулыбался Челенский, обнажив кариозные зубы.

— Уже хорошо. Спусти трусы и согни в коленях ноги.

Когда команда была исполнена, доктор от умиления ахнул. Такого он точно еще не видел.

— Едри ее в дышло, — простонал он, покатываясь со смеху, — Вот это резьба..! (на флоте татуировки называли резьбой по дубу).

Доктор, сам обладая природным юмором, умел ценить его и в других.

— Люся, а ну иди сюда. На эту диковинку стоит взглянуть, — позвал он конопатую медсестру, — А то проживешь свой век, а такого чуда никогда и не увидишь. И внукам нечего будет рассказать. Иди, иди, не стесняйся. Тут кроме резьбы больше не на что смотреть.

Сестра робко подошла к кушетке. Под пупком у допризывника огромными буквами было написано: «Сатурн». А над лобком «Клен!.

— Плохо, что нет войны. Этот парень явно просится на агитплакат. Супостат увидел бы такое и сразу сдался. Это я тебе точно говорю, Люсьен. Можешь даже потрогать героя. Я разрешаю.

— И я разрешаю. Трогай, рыжая. Я это дело люблю, — заржал Челенский.

Медсестра покраснела.

— Трогай, трогай, я дозволяю, — и он расставил ноги еще шире.

А теперь, говорун, — хирург снова заразительно рассмеялся, — просвети нас сирых, что все это обозначает. Может и мне на старости лет захочется такое наколоть где-нибудь у себя. Люся, тебе хочется иметь эдакое у себя на теле? — доктор уже начал икать от хохота.

Медицинская сестра покраснела еще больше.

— Погоди, друг, дай я сам вначале покумекаю. Ты с галлюциногенами не дружишь? Может под их влиянием ты проникся мечтой о космосе и решил претворить в жизнь великие идеи Циолковского, а на Марсе рассадить сады и воткнуть там где-то свой клен? Не тянет тебя после портвейна или, скажем, конопли в космические галактики, а? Может мы с Люсей потом гордиться будем, что трогали своими грязными руками будущего покорителя Пятого океана. Ты про такой слышал? Хотя, друг, вижу по твоему лицу, что я перегружаю твой мозг, задавая слишком сложные вопросы. Извини. Просто вырвалось случайно. Бывает так, скажешь, не подумавши, а потом клянешь себя за это всю жизнь. Как тебя зовут, человек?

— Вася.

— Вася, это звучит гордо! — доктор поднял вверх указательный палец, — А слышал ты, Вася, песню, что на Марсе будут яблони цвести? По-моему я опять тебе задаю слишком сложные вопросы. Но почему Сатурн и клен? Хочется послушать твою версию. Давай, Вася, колись! Только как на исповеди. Правду, и только правду. А мы послушаем.

— «Сатурн», доктор, расшифровывается так: «Слышишь, а тебя уже разлюбить невозможно».

— А «Клен»? — хирург отвернулся, подавливая очередной приступ смеха.

— «Клен» — это «Клянусь любить ее навеки».

— Как, повтори, — он упал на стол и просто рыдал, — я хочу запомнить.

Челенский был в восторге от собственной значимости, — Клянусь любить ее навеки, — повторил он.

— Люсьен, я советую завести тебе с этим парнем переписку, — хирург вытер катящиеся слезы, — Ты ему письмо. Он тебе два. Потом любовь. Следом за ней пойдут дети. Такие же талантливые, как их отец. Вася, любез-

ный ты мой, тебе просто необходимо на флоте послужить. Пусть замполиты порадуются привалившему им счастью. Не все же им в вечной горести и печали пребывать. Люсенька, а ты не желаешь себе такое же наколоть? Соприкасаясь телами ваша обоюдная страсть будет необузданной, — он снова залился клокочущем смехом.

— Она мне не нравится, — резюмировал Челенский.

— Кто, Люся? Вот как? Почему? — удивился доктор, — А кому же ты посвятил эти великие слова?

— Сначала Ленке, а потом Марише.

— Это твои подруги?

— Были. Я с ними расстался.

— Что так? Трусы не натягивай. Встань на колени и раздвинь ягодицы. Они-то себе что-то написали на теле?

— Нет.

— Это почему? Значит, они тебя не любили. Одевайся. На флоте, Вася, не останавливайся на достигнутом. Места у тебя на теле ой как много! Работы — непочатый край. Иди уже! Дерзай! В жизни всегда есть место подвигу! Порадовал ты меня сегодня. Давно я так не веселился. И позови следующего.

ПЕРВОАПРЕЛЬСКАЯ ТРЕВОГА 1

Крейсер «Дзержинский» с экипажем свыше семисот человек и штабом бригады на борту, был на боевой службе в Средиземное море.

Боевая служба потому и называется боевая, что корабль в любой момент готов отразить нападение противника и самому нанести ответный удар. Если смолчал или зазевался, — можно смело с высоко поднятой головой уходить в морскую пучину, становясь кормом для рыб.

И чтобы такого никогда не случилось, проводятся занятия, тренировки, ученья днем и ночью, в шторм и штиль, на которых, полученные знания по эксплуатации боевой техники шлифуются и доводятся до автоматизма. Боевой пост обязан работать слаженно и на уровне безусловного рефлекса. От всего этого зависит твоя жизнь и жизнь всего экипажа.

В этот раз плановое учение крейсер проводил ночью первого апреля. Конечно, практикуется и на флоте в этот день пошутить, но все эти шутки не поднимаются выше казарменного юмора.

Экипаж по тревоге быстро занимает место на своих боевых постах. Работы хватает всем. Одни слушают море, другие отслеживают воздушную обстановку, третьи отрабатывают маневренность… По команде с ГКП артиллеристы наводят орудия на условные цели… Короче весь экипаж стоит в позе стирающей белье женщины. Офицеры штаба не мешают корабельному начальству в проведении таких мероприятий.

Когда страсти и нервы были у всех напряжены до предела, по громкоговорящей связи раздался голос замполита крейсера, капитана первого ранга Ивана Бойко, прозванного в народе Отто Скорцени за огромный шрам на щеке. Одна половина его лица постоянно улыбалась, а вторая была всегда сурова, как у двуликого Ануса. Ой, простите, конечно же, Януса. Без участия корабельных политработников ни одно мероприятие не может закончиться положительно, будь то стрельбы или помывка личного состава, большая приборка или поиск подводной лодки. Даже Солнце без них никогда не поднимается. И не заходит.

— Товарищи матросы и старшины, мичманы и офицеры! Сегодня крейсер «Дзержинский» выполняет задачи боевой службы в дальней морской зоне, на просторах Средиземного моря, — раздался по громкоговорящей связи пересыщенный металлом голос заместителя команди-

ра корабля по политической части, — Именно сейчас мы должны показать всю свою собранность и умение по выполнению поставленных боевых задач! В то время, как мы с вами проводим ученье по отработке и взаимодействию экипажа корабля в сложных ночных условиях, войска НАТО вероломно напали на западные границы нашей необъятной Родины. Наши войска ведут кровопролитные бои. Безвинно гибнут матери, жены и дети…

На корабле наступила гробовая тишина. Именно сейчас каждый понял свою значимость. Значимость себя как защитника, как воина. И зубы стиснуты… И скулы выперты…

Заместитель командира бригады по политической части капитан первого ранга Семилитко, с обильно текущим по лицу потом, в трусах и босиком вбежал на ГКП. Следом за ним, сипло дыша, неслись офицеры штаба бригады.

— УСЛОВНО! — закончил замполит свою пламенную речь, вытирая платком лицо, оставаясь довольным проведенной партийно-политической работой.

— Что тут у вас происходит?! Какие военные действия?! Командир!!! Дайте отбой тревоги! И вместе со своим идеологическим работником ко мне в каюту!!! — заревел начальник штаба, — Я там вам устрою первоапрельский вечер смеха и юмора! Вы тут совсем… — и понеслась над водной гладью непереводимая игра слов. Хотя надо отметить, политические работники в обиходе бранных слов не употребляли. Здесь же имел место далеко не ординарный случай.

Что было в каюте, неизвестно, но час, не меньше, выгибались переборки, а море утихло, и надолго установился штиль.

Наверное, крепкими напитками и хорошей закуской, инцидент был улажен. И по приходу в главную базу крейсер по итогам боевой службы получил хорошую оценку.

Не выносить же сор из избы. Себе потом только хуже сделаешь.

ПЕРВОАПРЕЛЬСКАЯ ТРЕВОГА 2

Первого апреля в половине пятого утра на командном пункте бригады раздался звонок. Дежурный по бригаде, капитан третьего ранга Гавловский, два месяца назад переведенный с Тихоокеанского флота на должность флагманского специалиста по противовоздушной обороне и первый раз, самостоятельно, заступивший на вахту, поднял трубку.

— Дежурный по бригаде, капитан третьего ранга Гавловский, — представился он, — Слушаю вас.

— Товарищ капитан третьего ранга, — загудело в телефоне, — на крейсере «Дзержинский» у себя в каюте обнаружен мертвым заместитель командира корабля по политической части капитан первого ранга Бойко, — и далее послышались гудки.

Ситуация, честно говоря, не рядовая. И окажись в ней любой из нас, точно бы растерялся. Такого ни в одной инструкции, ни в одних наставлениях нет. Не предусмотрено! Смерть в бою?!.. Да!!! Но в каюте?.. И что делать?

Ему бы позвонить дежурному ко кораблю… Проверить все детально… Но ошарашенный такой новостью он потерял всю логику оперативного мышления.

Первое, что пришло в голову, доложить заместителю командира бригада по политической части капитану первого ранга Семилетко, как никак, а он замполиту непосредственный начальник. Кому еще? Командир бригады в отпуске. Начальник штаба на ученье в море.

Семилетко от полученной информации глухо ойкнул, велел прислать за ним машину и тихо положил трубку, не задавая больше никаких вопросов.

В шесть утра политотдел дивизии кишел от работников идеологического фронта. Скорбная весть разнеслась быстро.

На повестке дня стояло три вопроса: кто будет докладывать Члену Военного совета, на кого возложить при-

скорбную миссию по сообщению вдове о кончине ее мужа и кого назначить председателем похоронной комиссии. Связаться с кораблем ни у кого не возникло даже мысли.

С траурной речью выступил начальник политического отдела дивизии. Председателем он безоговорочно назначил себя, к жене сходит, ибо по телефону такую вещь сообщать нельзя, дивизионный комсомолец с доктором с одного из кораблей, укомплектованного сумкой неотложной помощи, ну а доклад в штаб флота сделает… капитан первого ранга Семилетко. Как ни как, а свою голову в пасть льву никто класть не хотел.

— Член Военного совета вице-адмирал Медведев Павел Николаевич не отличался добрым нравом. Его боялись. Даже очень! Адмирал отличался своенравностью и злопамятностью Его, упаси Господь, гнев мог поставить крест на карьерном росте любого военнослужащего, невзирая на звание и должность.

На службу Павел Николаевич приходил очень рано. Первый коммунист флота Черноморского должен знать все первым! А как иначе?! Без руководства партии никто не имел права даже пукнуть, не говоря о более серьезных делах.

Дрожащей рукой Семилетко набрал номер штаба флота. Остальные присутствующие застыли в немой гоголевской сцене.

— Товарищ вице-адмирал,.. — Семилетко начал блеять о неординарном происшествии, случившемся на крейсере «Дзержинский», безвременной кончине замполита, о тех мероприятиях, которые они готовы провести, и уже проводятся!, по случаю предстоящих похорон боевого товарища…

Неодобрительно крякнув (политработники, особенно высокого ранга, матом не ругались, ибо такого деяния Программа и Устав КПСС им не рекомендовали делать) Медведев с позиции последних Пленумов ЦК КПСС на-

чал о нерадивом отношении к службе капитана первого! ранга Семилетко, его безответственном отношении к исполнению к своим служебным обязанностям, приведшим к такому плачевному результату. И надо разобраться, на месте ли находится данный офицер!

На брюках Семилетко стало быстро растекаться большое зловонное пятно. И все уразумели, что впереди грядут большие перемены.

А время стремительно приближалось к семи. На Минную стенку из города стали приходить со сходной смены офицеры и мичманы. И сразу шокирующая новость передавалась из уст в уста! Причал гудел как воскресный рынок. И вдруг, в одночасье, наступила мертвая тишина. Через КПП прошел Бойко. Его улыбающаяся часть лица дарила радость и счастье, вторая твердо обещала, что радость коротка, а счастье недолговечно. Он не торопясь направлялся в сторону политотдела. Расчищенную перед собой дорогу он воспринимал как заслуженное уважение.

Начпо первый заметил в окно воскресшего.

— Семилетко, у вас с головой все в порядке? И вообще в вашей бригаде служба какая-то несется? Или вы с начальниками решили поиграть в первое апреля? Начинайте постепенно сами завидовать мертвым и готовьтесь к проверке подчиненных вам кораблей штабом дивизии. Телефонограмму за подписью комдива получите сегодня.

— Пятно на брюках Семилетко резко стало увеличиваться.

Дверь открылась, и в кабинет вошел Бойко.

— Здравия желаю. У всех тужурки белые! — весело засмеялся он.

Дивизионный комсомолец попятился и, налетев на стул, упал на пол. Семилетко по стенке сполз на пол. Соприкосновение с полом отразилось громким чваканьем.

— А что произошло? — удивился Бойко, — Ни на ком лица нет.

— Семилетко тебя похоронил, — грустно произнес дивизионный политработник, — Уже и Медведеву доложил. Придется, уважаемый, вам еще раз позвонить Члену Военного совета, — начпо дивизии склонился над сидящим начпо бригады, — и сказать, что вы так пошутили., мол, с первым апреля вас товарищ вице-адмирал. Я, лично, в этом вашем шоу участвовать не намерен и прикрывать вас не собираюсь! Сам заварил, сам и расхлебывай! Всем разойтись по своим кораблям!

Наверное, адмиралу шутка не очень понравилась. Семилетко получил партийный выговор. Капитана третьего ранга Гавловского отстранили от дежурства, и он сдавал по-новому зачет на допуск. А еще ему на год задержали воинское звание. А кто звонил, — разбирались долго и все, но… никого так и не нашли.

БАЛЛАДА О ТРЕТЬЕМ ФАКУЛЬТЕТЕ

Ленинград. Военно-медицинская ордена Ленина Краснознаменная академия имени С. М. Кирова. Именно здесь куют врачебные кадры для всех видов Вооруженных сил. Именно здесь юношам, талия которых перетянута шесть лет ремнем, прививают не только профессиональные навыки, но и пытаются вбить в их светлые головы строевую выправку, любовь к всевозможным Уставам, порядки и прочие премудрости, которые свойственны только военным. Одни это быстро усваивают и все делают так, как им велят. Именно у них нога поднимается выше пояса, именно их выбритый затылок отражает лицо начальника и солнечные зайчики, именно они смотрят на грудь четвертого человека и только у них ботинки и сапоги сверкают как у кота… глаза. При виде их у помощников коменданта гар-

низона слезы выступают из глаз, ибо не за что задержать эдакого бравого представителя медицинской службы. А как хочется!

Но есть довольно большая категория слушателей, которым все это претит. На них тоже любо-дорого посмотреть. Они в меру не стрижены, форма не висит мешком, а подогнана и ушита, усы ниже губ, височки чуть короче длины уха, а брючки расклешены… Они не любят чинопочитания. Им отдать честь, как и ее принять не доставляет никакого удовольствия. С помощником коменданта они встречаются, улыбаясь друг другу, как близкие родственники, зная, что им есть о чем поговорить. Они, подобно мазохистам, получают удовольствие от постоянных нарушений этой самой воинской службы и заработанных за это наказаний. Без них, этих потомков гусаров, Вооруженные силы существовать не могут. Тогда бы армия, авиация и флот превратились в сборище оловянных солдатиков, беспрестанно отдающих честь друг другу.

Конечно, такие индивидуумы есть в каждом военном училище, но подобного количества как в ВМА имени Кирова, нигде больше нет, и никогда не будет.

Это повествование я посвящаю своим друзьям-однокашникам с факультета подготовки врачей для авиационной и космической медицины 1971–1977 годов обучения. Это был курс разгильдяев, вольнодумцев и единомышленников, безрассудно любящих свободу и независимость.

Вы уж, мои хорошие, извините, если немного привру. Рассказать и не приукрасить, все равно, что в баню сходить и не помыться. А если фамилию исковеркаю, действующих лиц поменяю местами или хронологию перепутаю, — за давностью лет что угодно можно перепутать. За это можно и простить.

Начальником этого курса был подполковник Новодворский Ярослав Брониславович или, как любовно называли его слушатели, ЯБН. Он не являлся героем, о ко-

торых пишут романы. Но,.. он был начальником этого курса, а это значит, без него это повествование обойтись не может.

Славный боевой путь Новодворского не был усыпан алмазами. В лучшем случае под его ногами хрустел гравий.

Отучившись четыре года в Минском медицинском институте, Ярослав понял, что к Олимпу ведет совершенно другая дорога, и он твердо решил прошвырнуться по пыльным армейским дорогам. После окончания военной кафедры саратовского мединститута, а в последующем командного факультета в академии, его поносило по гарнизонам пока судьба не склонила пред ним голову и он, опершись на твердое плечо товарища, не стал начальником курса третьего факультета, факультета подготовки врачей для авиационной и космической медицины в Военно-медицинской академии.

Человек с рождения и до конца жизни несет свои наклонности. ЯБН их не имел вообще. Все, что он мог, — это есть, пить и нести военную ересь. Но надо отдать должное, со слушателями он не был жесток, а изобрел и вел свою политику, свою тактику. Он играл с ними, как отец играет с детьми, направляя заигравшихся в свое русло.

Истина, преподнесенная через шутку, доходит и откладывается быстрее, нежели ее презентовать через крик, кровь и адреналин. Сложно изобразить умного, еще сложнее казаться простаком. Наверное, пройдя через горнило военной машины, он наработал стереотип недалекого человека, чтобы выжить в этом аду и хаосе. А потом привык. Так жить проще! Веселый и беспечный человек дольше живет. С дурака какой спрос?! И все слушатели, приняв его игру за истину, копировали своего начальника как попугаи. Играли в него без него. Это было весело. Это всех сближало и роднило. Все подражали Новодворскому и все стремились его превзойти. А будь он зол?.. Желчь съела бы и его и его воспитанников.

Большинство выпускников пронесло эту игру через всю свою жизнь, став поистине великими людьми. Людьми с большой буквы. Одним из таких есть Игорь Борисович Ушаков, академик всех возможных и невозможных академий, светило мировой космической медицины! Бесчисленное множество стало профессорами, доцентами, докторами и кандидатами наук. Но эти взрослые люди, встречаясь между собой, снова становятся детьми. Детьми озорными, шаловливыми и непослушными! До сих пор копирующими своего начальника.

Начинал Новодворский свою речь обычно с долгого и протяжного «А-а-а-а-а» и тогда весь строй тоже гнусно тянул «А-а-а-а-а» или «Та-а-а-ак». И все тоже тянули «Та-а-а-ак». Кому это больше нравилось не известно. Но, кажется, каждый получал свое наслаждение и удовольствие. А на его: «Очевидно», слушатель Зуев, о котором мы поговорим немного ниже, обязательно добавлял: «Невероятно»

Я расскажу об обитателях этого факультета в виде маленьких новелл, прекрасно понимая, что интересны они будут в основном тем, кто в них участвовал. Но уверен, что понравятся и всем остальным читателям, ибо жизнь, подсмотренная через замочную скважину, всегда вызывает нездоровый интерес.

Субботник

Когда — то давно, для наведения порядка и чистоты в городах, населенных пунктах и на предприятиях проводились коммунистические субботники. Люди с ведрами, тряпками, вениками, граблями мыли, чистили, убирали, красили, приводя свои рабочие места и окружающую территорию в надлежащий вид. После всего этого вокруг становилось светлее и радостнее.

Сейчас этого нет. Теперь мы ходим, спотыкаясь о бутылки, коробки и полиэтиленовые пакеты, вязнем в том, что породили сами.

Начальники на субботниках являлись наблюдателями, вдохновителями и контролерами. Но и это надо. Нет третьего глаза, нет работы, нет качества.

Академия, как плоть от плоти и полноправный представитель великого народа, принимала самое непосредственное участие в субботнике. Плохо делать нельзя. Это чревато остаться без увольнения в город, а кому хочется сидеть в казарме, или, упаси Господи, загреметь в наряд вне очереди. Поэтому все старались работать на совесть.

Новодворский пришел в казарму часов в девять, когда работа по наведению порядка в комнатах велась полным ходом. Орала музыка. И чем она громче, тем легче и качественней молодым людям работается. Еще они в ней выражают свой протест в ущемлении их прав и достоинств, а так же ищут конфликт с начальством. Не надо им мешать в этом. Не всегда ищущий находит.

Встретил начальника дежурный по курсу сержант Андрей Дармаем, худой, высокий бурят.

— Та-а-а-ак, Дармаев, пойдемте, посмотрим, где у вас конь не валялся. Вы еще слышите меня средним ухом?

— Так точно, товарищ полковник. Все работают. Матрасы выбили, белье в стирку сдали, свежее получили. Сейчас наводится порядок в комнатах.

— Гладко только на льду бывает, товарищ Дармаев. И у вас на дежурстве. А-а-а-а… — он зашел в туалет. На подоконнике сидел Зуев и курил, — Товарищ Зуев, третью пачку открыли?.. По утрам не тревожит сухой кашель?

— А-а-а-а… Я только зашел, товарищ полковник справить нужду. — Зуев сделал кислую физиономию и скрючился вопросительным знаком, — Перерыв в работе нельзя сделать? — его голова при этом задвигалась вперед и

назад, а руки описывали кренделя, — Человек имеет право на труд и на отдых.

— Вы Зуев, имеете только одно право, — на труд. Дармаев, с организацией вами субботника на курсе мне все ясно. Пойдемте, посмотрим, что делается на территории. Зуев, — он обернулся, — вы верите в эксгибиционизм? Можете не отвечать…

— Да, да, конечно, — Зуев обнажил зубы хищника и затряс головой.

Новодворский с Дармаевым спустились во двор казарма. ЯБН поднял голову. На четвертом этаже стоя на подоконнике и уцепившись за раму, слушатель Крыгин, капая слюной из открытого рта, пытался достать до угла окна.

— Та-а-ак… Товарищ Кригин, — Новодворский всегда в разговоре произносил «и» вместо «ы», — не вижу в вас комсомольского задора. Почему у вас стекло до сих пор не блистает северным сиянием, о котором скучает Дармаев?

— А-а-а-а… Я же могу упасть, товарищ полковник. А внизу камни.

— Да… Камни… Но не везде.

Товарищ Дармаев, продолжайте разваливать дисциплину на курсе. Я приду перед обедом. Будет плохо, уборку продолжим до вечерний проверки. Вы помните, что сказал Зуев?

— Он много чего говорит.

— Сейчас он глаголил истину. Человек имеет право на отдых! Но вам об этом думать пока рано.

...и о высоком

Первый курс. Наверное, он самый сложный из всего периода обучения. Молодые люди встают на военные, пусть и медицинские, рельсы. Новая жизнь без радости и мамкиной заботы. Новые предметы, где без усидчивости

не обойтись. И всё это в красивейшем, овеянном боевой и трудовой славой, городе-герое Ленинграде. Большая часть в нем впервые. И поэтому так хочется посмотреть на него одним глазком.

Воскресенье. Все подстрижены, побриты и поглажены. Сегодня сам начальник курса ведет преуспевающих в учебе слушателей на экскурсию в город.

Слушатели, в количестве восемнадцати человек, шумно высыпали из метро на Невском проспекте, проспекте, о котором знают во всех уголках необъятной Родины.

Перейдя на противоположную сторону, все оказались в парке, что против Казанского собора. Здесь возвышались два памятника героям Отечественной войны! 1812 года: Кутузову и Барклаю-де-Толли.

— Та-а-ак! — затянул Новодворский.

— Та-а-ак! — акнули слушатели.

— Зуев, вы у нас оканчивали Суворовское училище и должны, как никто другой, знать, кто изображен на этих памятниках. А-а-а-а, — он махнул рукой, — ничего вы, Зуев, в жизни не знаете, кроме двух достопримечательностей, — велосипедного и часового заводов, что у вас в Пензе. Кто у нас тут ленинградец? — он оглядел слушателей, — О, Опара, шапку поправьте, а то кариес будет. Скажите всем, кто тут стоит перед нами?

— Это Барклай, — показал Опара рукой, — А слева де-Толли.

— Та-а-ак, Опара, отлично. Вижу, что кроме пирожковых, вы очень неплохо разбираетесь в монументальной живописи. Запомнили Зуев? Догадываюсь, что эти фамилии вы слышите впервые. Привыкайте.

— Да я…

— Потом, Зуев, потом будете дискутировать, в казарме. А сейчас пойдем дальше.

...и о высоком-2

Витя Худобин влетел на этаж весь в мыле.

— Та-а-ак… Товарищ Худобин, вы опоздали из увольнения на десять минут, — Новодворский ходил по холлу, встречая увольняемых, — За это время не одна баллистическая ракета долетит до нас из Америки. А вас нет рядом с нами! Вы не могли оторваться от подъюбочного пространства или переводили старушек через дорогу? Где вас носило в такую оттепель? Даже дневальный Зуев, готовился в ужасе пустить пену перед припадком. И это все из-за вашего опоздания.

— А-а-а-а… Чего у вас на языке обязательно Зуев?

— Мы не слышим детский лепет дневального и думаем, как правдиво ответить на мой лаконичный вопрос.

— Я в театре был, товарищ полковник.

— И что вы там делали? Пиво в буфете пили или в гримерку за переодевающимися актрисами подглядывали? Зуев по театрам не ходит. У него два друга-моряка с четвертого факультета. Так они больше по женским общагам экскурсии проводят. Удовольствия, — полные трусы.

— А что, общение с особями противоположного пола запрещено Уставом?

— Я его не слышу, Худобин. А тебя послушаю с удовольствием!

— Я смотрел «Лебединое озеро». Вот билет. Долго троллейбуса не было.

— Товарищ Худобин, я на своем веку столько пересмотрел лебединых озер, что вам и не снилось. А лебедей в них видел 2–3, не больше. Идите, оправьтесь и ложитесь спать с мытыми ногами. А мне еще надо доложить на факультет, что у меня из увольнения все прибыли.

Коля Пелогейкин

Сержант Пелогейкин… Сочная, самобытная и колоритная личность. Буквально, второе лицо после Новодворского по своей индивидуальности. Он идет своим специфическим, одному ему данным путем. Он высок, плечист, здоров и неимоверно силен. У него своё видение мира и своя трансформация его наружу.

Пелогейкина тоже копируют, что предаёт его характеру и манерам еще большую значимость.

Говорит Коля густым наигранным басом, выпятив вперед нижнюю челюсть, почти не размыкая рта и не шевеля губами. При этом мимика на лице всегда отсутствует. Понять, что он сказал, впервые слышащий его человек просто не может.

— Чермякин, отчего я на ночь наблюдаю на вашем не совсем военном лице недовольство? В чем оно выражается? Или вы хотите испортить мне сон? — гудит Пелогейкин, проводя вечернюю проверку.

— Товарищ сержант, — доносится гнусный, хриплый и противный голос Зуева, шило в заднице которого, не дает ему долго находиться в спокойном состоянии, — а он родился с таким лицом.

— Да? Будем тренировать. Зуев, если после роспуска строя я не закурю хорошую сигарету, то не Чермякин для бодрости духа и поднятия настроения, а вы будете до нулей часов драить туалет. Время пошло. Разойдись!

— Две секунды, товарищ сержант, — по коридору слышится удаляющийся топот сапог.

Диалог

Построение подходило к своему завершающему дебилизму, когда в коридоре показалась заспанная физиономия Зуева.

— Товарищ полковник, — захрипел гадким голосом Зуев, — разрешите встать в строй!

— А-а-а-а… Зуев? Где вы были? Очевидно…

— И невероятно, товарищ полковник. Вы хотите, чтобы я сказал правду прилюдно? — его голова заходила на шарнирах, — И вам не будет неприятно это слышать? Лично я стесняюсь.

Строй начинает истерически хохотать. Все знают, что диалог Зуева и Новодворского всегда кончается чем-то интересным.

— Та-а-ак… Вы решили поиграть со мной, как Шарик с Жучкой? Все хотят услышать вашу искреннюю ложь.

— Та-а-к… Слушайте. Мы будущие врачи и нам ничего не должно быть противно. Гуманность нашей профессии заключается в том…

— А-а-а-а… Зуев…

— Я был в туалете. У меня диарея. Для тех, кто плохо учится или забыл, — у меня понос. Я и сейчас хочу. Разрешите, товарищ полковник, выйти в туалет. Не могу терпеть!

— Очевидно, — тянет слова Новодворский, и его голова тоже начинает делать поступательные движения, — прежде чем отпустить вас по нужде, я должен вас наказать. Равняйсь! Смирно! Слушателю…

— А-а-а-а… И невероятно… — слушатель по стенке сползает на пол. Все бросаются к нему. Строй рассыпался как горох.

— Та-а-ак! Что там он еще придумал?

— Ему плохо, — гудит Пелогейкин, — мы отнесем его в комнату.

— Не надо в комнату, отнесите меня в туалет.

И снова дикий хохот сотрясает казарму. Новодворский беспомощно машет рукой и уходит.

Кровопийца

Буквально на каждом построении из года в год, все шесть лет обучения, слушатель Зуев своим противным хриплым голосом задавал начальнику курса, свои каверзные вопросы. Новодворский от них шалел, дергался, краснел, давление скачками пульсировало в висках. Но ответов на эти вопросы он не знал.

Построение заканчивалось. Перед роспуском строя начальник обязан спросить у своих подчиненных: «Вопросы есть?» Он прекрасно знал, что после этого у него начнутся проблемы. Но по-другому поступить никак было нельзя. Устав!..

— Товарищ полковник, слушатель Зуев, разрешите вопрос? — мерзким голосом шакала Табаки из мультфильма «Маугли», хрипел слушатель.

В строю слышался смех.

— Что у вас опять, Зуев? — обреченно спрашивал Новодворский.

— Товарищ полковник, вы не знаете слов песни: «Огней так много золотых на улицах Саратова. Парней так много холостых, а я люблю женатого…»

— Нет. Не знаю. Вас берут солистом в ансамбль песни и пляски Краснознаменного Ленинградского округа?

— С танцами у меня проблема. В сапогах мешает… Просто наш седьмой взвод решил подарить вам эту песню ко дню рождения. В вашей жизни Саратов сыграл далеко не последнюю роль. Он, можно сказать, дал вам путевку в жизнь и…

Общий смех заглушает его слова.

— Зуев, — пунцовая голова начальника ходит взад-вперед, — с вашим голосом только в туалете кричать: «Занято!»

— А я петь не буду, товарищ полковник. Я буду дирижировать.

Строй от хохота уже стоит на коленях.

— Вольно! — кричит Новодворский, — Разойдись!

Биолог

Преподаватель кафедры биологии подслеповато приблизил журнал к глазам. Группа слушателей третьего факультета сделала свой первый шаг к вершине медицинского Олимпа, — На этот, далеко не сложный вопрос, нам ответит слушатель Скотинник.

— Скаженник, товарищ полковник.

— Извините… Скажите нам, товарищ Скаженник, каких рыб вы знаете?

Вася закатил к потолку глаза, — Кра-бы…

— Довольно Ско… Скаженник. Ваши знания достаточно глубоки… Садитесь.

С первого занятия и по сегодняшний день Вася так и остался для всех Скотинником.

Кровопийца-2

Если Зуев своими каждодневными, каверзными вопросами сосал кровь из тела Новодворского как комар, то Шапиро пил ее пивными кружками творя гадости. Открыто и со злорадством. А иногда даже низко, подло и жестоко. О негодяях и подонках не пишу. Но они есть. И к великому сожалению будут. Если такая нелюдь и вызывает смех, то он, скорее всего, сквозь слезы.

— Таких бы шашкой по голове. И чтоб покатилась… — любил приговаривать Новодворский.

Именно по голове. И только шашкой. И, обязательно, чтоб покатилась.

Политическая экономия

Политическая экономия изучалась и физиками, и лириками. Кроме профессионала вряд ли сейчас кто- то сможет детально рассказать об этом предмете. Но он был. Без него специалист высшего образования не мог построить светлого будущего.

У восьмого взвода был семинар. Но накануне вечером ему предшествовала грандиозная пьянка по случаю дня рождения сержанта Дармаева. Готовиться времени абсолютно не было. Все пришли злые и хмурые, проклиная Дармаева, водку, весь мир и сегодняшний день в частности.

В каждом коллективе есть человек, который может заткнуть любую дырку. Таким во взводе был Андрей Агапов, по кличке Агапыч. Он мог часами, не останавливаясь вести беседу на любую тему переливая из пустого в порожнее.

— Агапыч, — зашикали на него все, — выручай. Погорим все. После занятий три кружки пива за наш счет.

Преподаватель, старый седой полковник, которому политэкономия была нужна как средство зарабатывания денег, тоже сидел безразличный ко всему, ёжась от холода в классе.

— Та-а-ак… Приступим-с. А ответит нам, — он приблизил к глазам журнал, — слушатель…

— Агапыч, — зажужжал взвод…

— Разрешите, товарищ полковник, слушатель Агапов.

— Пожалуйста. Слушаем вас.

И Агапова понесло. Он говорил с позиции марксизма-ленинизма о производственных отношениях людей и экономических законах, прибавочной стоимости, неизбежном крушении капитализма и построении коммунизма, об исторической миссии пролетариата в этой революционной борьбе…

Преподаватель взглянул на часы.

— Давайте сделаем перерыв на пятнадцать минут, и продолжим эту интересную и очень актуальную тему.

После перерыва преподаватель был явно чем-то озабочен и украдкой поглядывал на часы.

— Кто продолжит?

— Товарищ полковник, слушатель Агапов. Разрешите мне. Я все-таки хочу закончить свое выступление выводами и новыми положениями в политической экономике, сделанными последними съездами и Пленумами ЦК КПСС.

— Может это сделает другой…

— Товарищ полковник, разрешите все-таки мне. Хочется подвести черту…

— Хорошо, Агапов, подводите…

И еще сорок минут Агапов делал выводы о безусловной и бесспорной победе коммунистической идеологии над капиталистической.

Полковник встал, прошелся по классу, — Да-а-а,… — он многозначительно помолчал, уперся руками в стол, — Агапов — вы демагог! А это человек, способный убедить женщину в том, что мягкий член лучше, чем твердый! Закончить занятия! До свидания. Экзамен можете не сдавать. Подойдете, я вам пятерку поставлю. Надо же… Полтора часа не закрывая рта… Поздно родились. В вас погиб римский трибун.

Строевое собрание

Строевое собранье, посвященное первой стажировке в войсках, подошло к кону. Всем было предельно ясно, что воинская служба не культпоход в пивной бар и не нельзя на ней считать галок и ворон.

— Вопросы ко мне есть? — спросил начальник курса, поднимаясь.

— Товарищ полковник, слушатель Зуев, разрешите вопрос.

От этого гнусного, хриплого и гнусавого голоса к горлу Новодворского подступала тошнота. Но начальник не может сказать «Нет».

— Слушаю вас, Зуев!

— Товарищ полковник, вы не могли бы в двух словах охарактеризовать концепцию фараона Аменхотепа III при воздвижении Мемнонских исполинов?

— В двух словах, Зуев, не могу. Закончить собрание! Разойдись!

И снова у всех веселое настроение.

А может и не у всех!

Огневая подготовка

Новодворский приказал построиться курсу у столовой.

А-а-а-а, — начал он свою пламенную речь.

А-а-а-а, — завыли слушатели.

— Завтра занятий не будет.

— Товарищ полковник, слушатель Зуев, разрешите вопрос!

— Не время нам, товарищ Зуев, задавать сейчас вопросы. Завтра, после завтрака, к столовой подойдут автобусы. Поедем в Красное Село на стрельбище. Посмотрим на вашу огневую подготовку.

Курс одобрительно загудел.

— Очевидно…

— Невероятно, — вновь послышался хриплый голос Зуева.

— Пять суток вам, Зуев!

— Товарищ полковник, никак нет. Четвертые сутки…

— Что четвертые?.. Не понял.

— Пылают станицы…

От смеха многие уже стояли на коленях.

— Зуев!

— Я, товарищ полковник!

— Вы, как социально опасный элемент, стрелять будите холостыми патронами. Ваш приятель Шапиро — из рогатки. Дармаев! Сержант Дармаев! Вижу вам очень весело. Вы будите стрелять из национального вида оружия. Из лука Разойдись!

Курс накрыла новая волна истерического смеха.

Парад

Каждый год седьмого ноября, в день Октябрьской социалистической революции, на Дворцовой площади проходил военный парад и демонстрация трудящихся. Слушатели военно-морского факультета стояли в оцеплении, а две коробки с общевойскового факультета и факультета авиационной и космической медицины шли в едином строю перед высокими руководителями Ленинграда и Ленинградской области.

Прежде чем выпустить слушателей «в люди», с ними ежедневно проводились тренировки. Строевые начальники прикладывали невероятные усилия, тратили здоровье и нервы, чтобы, вначале научить, а потом заставить будущих медицинских светил четкому строевому шагу. А это далеко не просто!

В этот раз коробкой летчиков назначили руководить Новодворского. Тут-то все и началось. Выяснилось, что строевым приемам надо начинать обучать именно его. При команде: «Шагом марш!» у подполковника происходила полная разбалансировка. Его левая нога шла вместе с левой рукой. Все это выглядело комично. Но не для строевых офицеров. Вначале они его корили, затем орали, а уж после этого, поняв бессмысленность дальнейшего руководства Новодворским колонной, во всю мощь простуженных и прокуренных легких, по «матюгальнику» послали его так далеко, что у ко-

ренных ленинградцев, прошедших блокаду, голод и холод, нервная дрожь пробежала по позвоночнику.

Это Ярослава Брониславовича расстроило мало. Ведя слушателей с площади в казарму он вдруг ни с того, ни с сего, изрек:

— А-а-а-а… Дармаев, это вам не Улан-Удэ, где сел на верблюда и поехал.

— Товарищ полковник, (в обычной жизни подполковнику всегда говорят полковник) у нас в Бурятии верблюдов нет.

— Вот и я об этом. А должны быть! Не всё же на собаках ездить! Пора и к цивилизации приближаться!

— Товарищ полковник, слушатель Зуев, разрешите вопрос.

— Зуев, вы окончили Суворовское училище и должны, как никто другой, знать, что в строю разговоры запрещены. Шире шаг!

Сессия

Летняя сессия была тяжелой. Плюс еще изнывающая жара, не свойственная Ленинграду. Слушатели зубрят анатомическое строение человека разумного, обливаясь потом. Дневальным стоит слушатель Шапиро. Он ходит в холе и демонстративно свистит. Это раздражает и мешает сосредоточиться.

— Шапиро, заткнись, ты мешаешь, — слышно то из одной, то из другой комнаты.

Но свист не прекращается.

Шапиро! — орет на весь курс гнусавым голосом Зуев, — ты попробуй свиснуть в член. Там тоже дырка.

Веселый, дружный смех снимает напряжение.

Как ни странно, но свист прекратился. Видно таким способом свистеть у Шапиро не получалось.

Исполнительность

Колонна второго курса третьего факультета возвращалась с обеда в казарму. Сказать, что это были люди военные, просто нельзя. Потому что так военные не ходят. И никогда не ходили. Так даже гражданские не ходят. Пленные тоже. Эта была куча расхлестанных, идущих не в ногу молодых людей, гудящих от разговора и смеха, как рой мух в выгребной яме. Скорее они походили на стадо, чем на защитников Отечества. Хотя и в стаде тоже есть порядок.

Комендантом казармы был генерал-майор Семенов, начальник четвертого факультета, факультета подготовки врачей для военно-морского флота. Он стоял на прилегающем к казарме стадионе и что-то объяснял начальникам курсов.

— Чьи это? — произнес тихо он, остолбенев от увиденного.

— Не мои, — дружно ответили начальники курсов, включая и подполковника Новодворского.

— А ну, все подойдите ко мне! — закричал во всё горло генерал проходящим «военным».

И в одну секунду никого не стало. Все разбежались в разные стороны.

Повозмущавшись отсутствием порядка и дисциплины на курсах, Семенов продолжил свою прерванную беседу с воспитателями и вдохновителями.

Минут через двадцать слушателя Крюкова осенила нездоровая мысль. Святая заповедь: «Подальше от начальства…» даже не возникла в его «светлой» голове, — А зачем генерал нас звал?

Размышляя о сущности бытия, он оделся и вышел на улицу. Генерал Семенов продолжал что-то изрекать, вероятно, умное, потому как все начальники усердно записывали его приказания себе в блокноты.

Крюков, перейдя на строевой шаг и приложив правую руку к головному убору, четко подошел к высокому начальнику, — Товарищ генерал! Слушатель Крюков по вашему приказанию прибыл!

Семенов опешил. Он уже и забыл по старости лет о тех разгильдяях, — Я вас не вызывал, товарищ слушатель.

— Как же не вызывали? Мы шли, а вы сказали всем подойти к вам.

— Это те, которые были растерзаны и разбежались?

— Так точно!

— Кто ваш начальник курса? — спокойно спросил Семенов.

— Подполковник Новодворский!

— Хорошо. Идите. Сейчас вы мне уже не нужны.

Что было дальше, слышали только небеса. Но Новодворского отдрючили так, что у того даже появились фантомные боли в области давно отвалившегося хвоста.

ЯБН влетел на этаж весь в пене и еще чем-то липком.

— Дежурный!!! — завопил он не своим голосом, — стройте курс!

Извергая слюну, адреналин и прочие экскременты, Новодворский ждал долго не приходящего оргазма. В конце концов, тот наступил и он обмяк.

— Товарищ Пелогейкин, сдать дежурство сержанту Дармаеву. Вечером заступить по новой!! Крюков!!! — вновь заголосил он, — вы не мудак!! Вы мудилищее!!! Зуев, у вас ко мне вопросы есть?! Что-то сегодня вы молчаливы. Не заболели? Если с одним все ясно, то с вами…

— Товарищ полковник, слушатель Зуев, вопросов к вам не имею.

— И на том спасибо. Разойдись!

Дорогие друзья! Это повествование, длиною в шесть лет, можно продолжать и продолжать. Еще не сказано

про обрезанную шинель, прибитый сапог, буфетчицу Наташу, делавшую из мальчиков мужчин, женитьбы и разводы, про водку и пиво, про пиво с водкой, про битые и разбитые лица, самовольные отлучки… Всего и не перечислишь… Тогда бы конца у этой книги не было никогда.

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ ЗНАНИЙ

Представители всех родов войск, но с едиными эмблемами на погонах, большая часть из которых в ближайшее завтра будет расставаться со службой и Вооруженными силами, уходя на гражданку, собрались на кафедре нервных болезней Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова для изучения иглорефлексотерапии — предмета, на который сами китайцы тратят десятки лет. Наши эскулапы осваивают их методики за три месяца, достигая в методах чжень-цзю терапии невероятных успехов.

Восточные концепции ИНЬ и ЯН, меридианы и их точки акупунктуры, топография этих точек, методика и техника иглоукалывания, прижигания и все остальное, что связано с этим предметом, мощным потоком входят в наши прокуренные мозги. Только от одних названий точек: Цзянь-вай-шу, Ян-лин-цюань, Хуань-тяо, Шэнь-тин, а их свыше тысячи, голова увеличивается на полтора размера, а если еще прибавить их анатомические расположения, глубину проникновения и показания, то разрыв в черепной коробке неминуем.

Вместе со мной учебу проходил майор Василюк. На вид ему можно было дать лет восемьдесят. Да и двигался он как-то по-стариковски, а ведь было ему всего сорок шесть. Имя он имел тоже какое-то не современное — Лукьян Сер-

геевич. Но зато обладал феноменальной памятью. Все эти китайского происхождения точки запоминал с лету.

Наконец, теория позади и нам раздали больных.

Необходимо составить рецептуру, согласовать ее с преподавателем и приступать к самостоятельному лечению. Тут уже игла вводится не в яблоко, и не в стопку листов бумаги, а в тело больного.

Василюку достался дед лет шестидесяти с радикулитом. Он бережно уложил пациента на кушетку и приступил к процедуре введения игл. В кабинке за шторами раздался стон больного, который перерастал в истерический крик, взывающий о помощи. Такие стоны, должно быть, раздавались только в застенках гестапо.

В класс вошел преподаватель:

— Что там происходит? — задал он вполне резонный для данной ситуации вопрос.

— Это Лукьян Сергеевич больного пытается вылечить, — ответил я на правах старшего группы.

— А почему он кричит?

— Вы кого имеете в виду, больного или Василюка?

— А что, они там оба кричат?

— Я думаю да. И оба от радости. Один от счастья быть вылеченным, а другой от глубокого проникновения в концепцию Инь-Ян и У Син.

— Вы сами хоть туда заглядывали?

— Я не хотел мешать их всеобщему ликованию.

— Что-то радости в их возгласах я слышу мало. Там никто никого не пытает?

В это время из-за шторы вышел красный, мокрый и смущенный Лукьян Сергеевич.

— Василюк, что вы там делали? — преподаватель уставился на будущего рефлексотерапевта.

Группа корчилась в конвульсиях от смеха.

— Я иголки ставил.

— А почему больной кричал?

— Он не хотел, а я его убеждал.

— Ну и как, убедили?

— Да.

— Он жив?

— Так точно.

— Хорошо. Садитесь на место. Смех прекращаем и продолжаем занятие.

Через двадцать минут Василюк поднял руку.

— Что вы хотели спросить, что-то непонятно? — преподаватель озабоченно привстал.

— Мне по времени нужно иголки вынимать.

— Иголки? Кому? — он явно забыл о лежащем за шторкой больном, — Ах, да. Идите. А мы сделаем перерыв. Финогеев, проследите, чтобы все остались живы.

Он встал и вышел, а вся группа, давя друг друга, кинулась к кабинке перенимать передовой опыт.

Но извлечение прошло без звука.

Путь к Олимпу не бывает устлан коврами и усыпан розами. Он всегда труден и тернист.

И нельзя по нему пройти, ни разу не споткнувшись.

ПРЕВРАТНОСТИ ОТДЫХА

В доме отдыха «Дивноморское», что в Геленджике отдыхала семья танкиста. Танкист, старший лейтенант, море и лето — это что-то ортодоксальное. Но… из песни слова не выбросишь.

Их было трое: он, его жена и их четырехлетняя дочь. Его звали Ваня, ее Люда. Почти как Тристан и Изольда, а для современного читателя, как Ромео и Джульетта.

Они были удивительно похожи друг на друга, как Ленин и партия, как близнецы и братья, как яблоки на сне-

гу. Оба невысокого роста, крепкого телосложения и слегка кривоноги.

Дочь уродилась точной копией одного из них, только кого, понять было невозможно. Хотя анатомически она была ближе к матери.

Их отдых был до безумия однообразен.

Утро, и легкий шум.

Это они собирались на завтрак. Потом переодевались и шли к морю. Их путь за здоровьем невозможно было ни с чем сравнить. Зрелище завораживало. Я с умилением смотрел на эту процессию с лоджии. Шли они гуськом. Шли, не спеша. Впереди, командиром, голый по пояс и в шортах, с фотоаппаратом на животе, гордо, слегка нахмурившись, шел Ваня. За ним строго в ногу на расстоянии полутора метров, с торбой в одной руке и подстилкой для загара в другой, шла Люда, а сзади семенила их «сиамская» дочь.

Так было до обеда. После обеда непродолжительный отдых и снова пляж.

Что они делали после ужина, сказать трудно.

Вечером в их комнате было более шумно, чем утром. Это они укладывали дочь спать, которая упорно не хотела этого делать. Затем на минуту все стихало, и раздавался душераздирающий скрип раздолбаной отдыхающими кровати. Этот скрип напоминал стон треснувшей в бурю корабельной мачты перед ее полным переломом. Минут через пятнадцать скрип прекращался, чтобы возобновиться снова через полчаса.

Наконец, и это стихало.

А потом снова наступало утро.

Так было изо дня в день.

Однажды знакомый наловил для меня рапанов и научил как сделать из них сувениры. Я их сварил и вышел на лоджию, чтобы выбить из раковин внутренности. Занимаясь этим делом, я не заметил, как из-за перегородки

вылезла Людина голова и человеческим голосом спросила, — А что это Вы, Саша, делаете?

— Рапанов сварил.

— Зачем?

— Есть буду, — пошутил я.

Голова исчезла.

Через двое суток за стенкой наступила какая-то странная тишина. Не наблюдалось движения в сторону моря, не было уже привычного шума и душераздирающего скрипа. Но слабые признаки жизни все-таки иногда угадывались.

— Люда! Куда вы пропали? Что-то вас не видно, — крикнул я через лоджию.

— Ваня заболел.

— Что случилось?

— Он отравился рапанами, теперь не может никуда ходить. У него желудочный грипп.

Я смеялся до колик в животе. Потом сходил в магазин, принес бутылку водки и заставил хворого танкиста выпить стакан этого зелья с солью. Да и сам причастился.

Спустя сутки дружная семья была в строю. Отдых продолжился.

ЖЕРТВЫ ЧРЕВОУГОДИЯ

Каникулы заканчивались, и семья стала собираться в путь, домой на юг, где их ждал отец, красавец-моряк. Северная столица, родина матери и сыновей, утомляла своей многоголосой суетой. Дети как дети. Им усталость неведома. Но мать измучилась страшно. Ежедневные экскурсии, загородные прогулки, походы к многочисленным родственникам, вымотали ее до предела. Перед отъездом поднялось артериальное давление, а с ним и нервозность.

Раздражало все: от мухи, влетевшей в форточку, до веселого смеха детей и даже льющейся из крана воды.

Женщины — особи абсолютно противоположные мужчинам. И не только полом, но и большими молочными железами. Они считают себя венцом природы, ярким цветком жизни и вообще суперсовершенством. Пусть считают. Должны же они еще что-то считать, кроме денег. Для них жизнь без проблем не бывает. Если этих самых проблем нет, то ими они создаются мгновенно. Без них женщина чувствует себя неуютно, не в своей тарелке. Только на флоте трудности создаются для того, чтобы их с достоинством преодолевать. Женщина же их создает сама для других. Это ее кредо, норма жизни. Но дело сейчас не об этом.

Вечером все было готово к отъезду. Вещи и гостинцы упакованы в чемодан, продукты в дорогу закуплены. Утром рано бабушка приготовила три цыпленка- табака, нажарила пирожков с яблоками и капустой, сварила два десятка яиц и потушила казан картошки с мясом. Дала в придачу три банки тушенки и массу дорогих консервов.

Плотно пообедав, семья на такси двинулась на Витебский вокзал. До отправления поезда Ленинград — Николаев было еще полтора часа, но в вагон уже пускали, и семья быстро расположилась в купе. Мать взяла у проводницы белье, застелила себе постель и легла болеть дальше. Дети, четырнадцатилетний Валерий и девятилетний Алексей, на мгновение умолкли. Затишье продолжалось недолго. Через пару минут старший толкнул младшего локтем в бок.

— Мам, может мы уже перекусим? — состроив наивное лицо, спросил Алеша.

Курицы явно не давали детям покоя. За свою короткую жизнь они привыкли к кочевой жизни, к частым переездам. Отец много и подолгу ходил в молодости по морям и океанам, и тогда семья перебиралась на жительство в Ле-

нинград. Поэтому поесть в поезде, да еще и курицу, было их любимым занятием.

— Вы два часа назад ели. Лопнуть хотите что ли? Потерпите. Нам ехать почти двое суток. Давайте сейчас все съедим, а завтра будем сосать палец. Так хотите?

— Потом не захотим. Помнишь, пять лет назад, экономили, экономили, и в результате все пропало. Выкинули. Пусть пропадает и сейчас. На улице, между прочим, лето. Пища гниет моментально. Давай и это все выбросим. А что, не жалко, — продолжал нести свою гнилую философию Алексей, — Все куплено на бабушкины деньги. Не из своего же кармана…

— Делайте, что хотите. Вон сумка. Доставайте, ешьте, пейте, только меня не трогайте, — мать повернулась к стенке и продолжала углубляться в свое болезненное состояние, понимая, что сострадания ни в чьем лице не получит.

Почуяв слабину, дети быстро достали по курице, хлеб, соль, кетчуп и два пакета молока. Пир начался. Уничтожив все вышеперечисленное, Валерий повернулся к матери, — Мам, а ты курицу будешь есть?

— Нет.

— Совсем не будешь?

— Совсем.

Последнее слово для детей было магическим.

— Давай, мы и ее тогда съедим? Правда, жарко. Пропасть может. Выкинуть придется, — резюмировал он на правах старшего, имея за плечами определенный жизненный опыт.

— Делайте, что считаете нужным, только меня не трогайте, — трагично произнесла мать, пока еще не понимая, что сама вынесла пище приговор.

Разделив цыпленка не по-братски, а поровну, они доели и его.

— Может, Леха, чайку попьем с пирожками?

— Я что-то ничего не хочу больше.

— Ты хочешь, чтобы и пирожки пропали? А если они до завтра доживут, то станут черствыми, что в рот не возьмешь. И есть их будет невозможно.

Выпили чай. Алексей осилил половину пирожка. Валера съел свой и доел за братом. Благость и истома разлились по их молодым, растущим телам, и они полезли на свои верхние полки. Валерий открыл книгу и углубился в чтение, а Алексей, презирая всеми фибрами своей души печатное слово, лег на живот и тупо уставился на мелькающий пейзаж. Но совсем скоро глаза у обоих сомкнулись, и они забылись в сладком сне под монотонный стук вагонных колес. Мать вскоре тоже удалилась в царство снов.

Разбудил детей стук ложечки о стакан. За окном было темно. Свесив голову, они увидели пьющую чай мать.

— Мам, как ты себя чувствуешь? — поинтересовался Старший сын.

— Немного лучше. Но голова еще немного гудит.

— А ты что, ужинаешь? Чего нас не позвала? Мы тебе компанию составим. Лешк, спускайся. Хватит дрыхнуть. Впереди еще целая ночь.

— Вы еще есть будете? Куда в вас все вмещается? Животы еще не болят?

— Но поужинать-то надо. Давай, Леша, картошечки поедим и по банке консервы откроем. Ты какую будешь, сардину в масле или щуку в томате?

— Да я и есть-то не хочу. Может, только чаю попьем?

— Бабушка для кого старалась, для нас или для мусорника? Так что садись и не спорь. А ты, мам, с нами будешь есть?

— Нет. Я уже попила чай с печеньем. Не хочется. Жарко. И вам не советую наедаться на ночь. Нам еще ехать и ехать. На завтра оставьте. От переедания животы могут разболеться.

— Не волнуйся. Все будет хорошо. Если уже поела, ложись. Мы тут сами справимся.

— Потом со стола все уберите. В дороге могут кого-то подселить. Чтоб чистота в купе была. И на ночь не забудьте помыться. Не шумите. Я укладываюсь спать. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, мам, — ответили разумные дети.

Перечислять все съеденное и его количество бессмысленно. Одно можно сказать, что много.

Наступила ночь. Северное полушарие страны погрузилось в сон.

— Мам, мам, меня чего-то тошнит, — раздался среди ночи голос Алексея.

— Надо было есть больше! Спускайся вниз и иди в туалет, — сердито зашептала мать, предчувствуя сердцем, что сна в ближайшее время не предвидится.

Спуститься Леша не успел. За него это сделали картошка, консервы и прочие продукта, съеденные накануне.

Мать подскочила с койки как ужаленная. Она схватила бедного Алексея и стащила с полки.

— Марш в туалет! Говорила, что этим закончится. Нет, они жрут и жрут! Как с голодного края. Теперь вы уляжетесь, а мне тут все мыть.

Тошнотворный запах заполнил купе. Она открыла дверь. Свежий ветер из тамбура стал разносить его по вагону.

— Мам, что случилось? — поинтересовался проснувшейся Валерий.

— Лешке плохо.

— Сейчас я спущусь и помогу тебе.

Он спрыгнул вниз. Нога попала на что-то липкое, половик заскользил по полу и со всего маху Валера рухнул на пол. Трусы мгновенно стали мокрые. Мертвенная бледность и противная испарина покрыли лицо. Он выпустил из себя такую мощную струю, которая накрыла мать от шеи до ног.

Теперь дети, опережая собственный визг, носились из купе в туалет и обратно, оставляя и в коридоре следы преступления. Дальше больше: их начало хлестать со всех дырок. А мать, снявши ночную рубашку, голая по пояс, стирала ею с себя желудочное содержимое продолжателей рода. Потом, скомкав ее в комок, вышвырнула в окно. Помывшись и переодевшись, она уже глазами зрителя обозрела окружающую обстановку. Глаза округлились. Мозг сковал ужас.

Жуткий запах витал по всему вагону. Из служебного помещения вышла заспанная проводница.

— Что тут происходит? — срывающимся голосом прокричала она. Женщины тихо разговаривают только в период предстоящего спаривания. Во все остальное время их голосовые связки натянуты как кожа на барабане. Тишина их угнетает.

— Понажираются…

— Женщина, пожалуйста, потише, — прошептала мать, тоже не любившая разговаривать тихо, — вы сейчас разбудите весь вагон. Понимаете, дети переели, и им сделалось плохо. Я сейчас все уберу. Дайте мне только ведро с тряпкой и швабру.

— Все найдете в служебном туалете, — и проводница нервно захлопнула свое купе.

К утру дети, вычистив свои желудки и кишечник, белые, как простынь после стирки, лежали на своих полках и тихо постанывали.

Мать, наводившая всю ночь чистоту в вагоне, мертвецки спала.

Следующие день и половину ночи рацион резко сократился до чая. И все больше без сахара. Да и говорить было не о чем. Точнее не хотелось.

Далеко за полночь поезд прибыл к месту своего назначения в город Николаев, где семью встречал счастливый отец. Бледные дети и страдающая очередной голов-

ной болью мать радости от этой встречи почему-то не испытывали.

Тайна чревоугодия еще долго оставалась тайной. Спустя годы гриф секретности был снят.

КРЕСТИНЫ

— 1 —

К флагманскому механику теща приехала. Три года ни слуху, ни духу. И вдруг, как снег на голову: «Встречайте, мама».

Главное, — сын два года назад родился, — она открыточку прислала: «Поздравляю». Ты деньги давай на пеленки-распашонки или нянчить приезжай… Так нет. Разорилась только на открытку. И вот — на тебе! Радость общения.

Степанов тещу не любил. Да и она не баловала его своим вниманием. И сложилось это как-то сразу, еще при знакомстве с будущей женой. Не могут же однополюсные электроды приблизиться друг к другу. Так и они не могли найти общего языка.

За всю свою семейную жизнь Василий так и не смог назвать тещу мамой. Язык не поворачивался. Раза три выдавливал из себя какое-то нечленораздельное мычание, но, в основном, обходился словом «Вы».

По молодости, когда она наведывалась чаще, он был либо на боевой службе, либо брал отпуск и уезжал к себе на родину в Курскую область, где в тиши родного дома удил рыбу, купался, загорал или ходил за грибами. За десять лет супружеской жизни их пути пересекались дважды. Но и эти встречи были так коротки, что поч-

ти не оставляли шрамов на его ранимом сердце. Правда тогда и жизнь была другая, корабельная. Она управляла тобой, а не ты ей. То выходы в море, то слежения, то оргпериоды, то еще что-то. А можно и просто не пойти домой, сославшись на занятость службой, когда психическая атмосфера не способствовала душевному отдыху. Или вообще, прийти домой так поздно, а уйти так рано, что и не успеваешь встретиться с «родным» человеком.

Теперь уже все по-другому. Теперь оседлая жизнь. И поздние возвращения становятся непонятными всем окружающим.

Ужинать сели поздно. Жена каждому положила в тарелки плов, ее и мамы любимое блюдо. Василий этот шедевр кулинарного искусства терпеть не мог. Так называемый плов, был так далек от настоящего плова, как Луна отстояла от Земли. Просто в рис пихали всякую гадость, обзывали его хорошим именем и подавали на стол.

— Ешьте. Должно быть вкусно.

Но «должно быть» и «вкусно», — две большие разницы.

Степанов задумчиво ковырял вилкой ненавистное блюдо.

— Ты чего не ешь? — спросила жена.

— Что-то не хочется. На службе хорошо поел. Ужин вкусный был.

— Вас что, там еще и кормят? — язвительно спросила теща, крупная, почти квадратная женщина, с резкими чертами лица и явно выраженными черными усиками на верхней губе от переизбытка в организме мужских гормонов. Она приближалась к своему полувековому юбилею.

— Да, кормят. И очень даже хорошо, — не глядя на нее, буркнул Василий.

— И чем же, если это не военная тайна?

— Мне что, перечислить все меню? — зло спросил он, посмотрев ей в глаза.

— Ну, хватит вам, — жена решила растопить обстановку, — Их, правда, хорошо кормят. Женщины там молодцы. Готовят замечательно.

— Ишь ты! — шевельнула усами теща, показав между зубами раздвоенный змеиный язык.

— Вася, — жена выступала в роли ингибитора, подавляя вспышки то с одной, то с другой стороны, — мама приехала, налей нам по рюмочке за приезд.

— А может ему жалко на тещу водку тратить, — опять зашипела она.

— Ну, хватит уже, мама! В честь чего тебя распирает? — дочь стала сердиться.

Василий, молча, достал из серванта бутылку, поставил рюмки и так же молча, разлил в них кристально-чистую жидкость.

— С приездом, поднял он рюмку и, не чокаясь, выпил.

— У вас в доме не чокаются? Смотрю, он уже как заправский алкоголик пьет. Лишь бы повод был, — снова выдохнула из себя теща смрадный яд.

— Мама, не правда, Вася пьет редко. Можно сказать, совсем не пьет.

— Зато метко, — передразнила ее мать, — А что ты его так защищаешь?

— А почему, по-твоему, я должна обижать мужа?

— Муж и жена — одна сатана, — теща выпила, тоже не чокаясь.

После второй рюмки, теща, немного подобрев, подняла неожиданно упавшие вожжи и приступила к главному.

— Василий, ты о чем-нибудь думаешь или у тебя только служба в голове?

Степанов непонимающе взглянул на раскрасневшееся лицо «мамы».

— Вашего старшего, Юрочку, я крестила, когда ты был в море, Люсеньку — ты в отпуске нежился. Почему, Сереженька, у вас нехристем растет? У него отец есть или

он только фуражку носит? Да честь всем отдает! А ты что сидишь, как на именинах? — посмотрела она на дочь, — Или ты все это одобряешь?

— Окрестим еще, мама.

— Окрестим… Я за вас уже все сделала. Это надо мне было за тысячу верст ехать, чтобы за вас, обалдуев, все решать. В воскресенье в десять утра придет домой батюшка. Уж подготовьтесь, будьте любезны, — она встала и, одернув прилипшее к жирным ногам платье, подошла к плите и включила чайник.

Василий сидел, красный как рак, тупо ковыряясь вилкой в тарелке.

— Тебе что-то не понравилось, отец семейства? — снова накинулась она на зятя. — Нарожать нарожали, а думать приходится другим.

— Вы что сюда, лаяться приехали? — Степанов стукнул кулаком по столу.

— Ты на меня голос не повышай! Ишь, научился там у себя матросами командовать! Я тебе не матрос! Уж не вздумал ли ты меня выгнать? Вот тебе, — она протянула в сторону Василия вытянутую руку с огромным кукишем, — И не к тебе я приехала, а к внукам и дочери. Понятно!? Смотрю и дочь мне не рада! Настроил как ее против матери.

— Мама, ну чего ты кипятишься? В воскресенье все приготовим и окрестим Сережу. Давайте еще по рюмочке выпьем.

— Я не буду, — Василий встал, — Спасибо. Пойду, телевизор посмотрю.

— А чай с тортом? — Жена попыталась его удержать.

— Ты же знаешь, я торт не люблю.

— Он больше меня не любит, чем торт, — бросила ему в спину теща.

— 2 —

По телевизору шла программа «Время».

Новости голова Василия не воспринимала. Мысли вращались вокруг предстоящего крещения. Если честно, то он этого мероприятия побаивался. Да и было из-за чего. На службе его ценили. Месяц назад назначили на высокую должность, получил капитана третьего ранга, заместитель секретаря партийной организации штаба и политотдела. И вдруг это крещение! С этой тещей точно попадешь в какую-нибудь задницу. Если узнает начальство, особенно политотдельское, а скрыть такое, практически, невозможно, то можно и выговор по партийной линии схлопотать, или того хуже — вылетишь из партии. А из партии выгонят, то и должности лишат. Тут все одно за другим потянется.

— Что же делать, — думал он напряженно.

А делать что-то нужно обязательно!

— 3 —

Ночью Степанов спал плохо, ворочался с боку на бок и, наконец, под утро, забылся в кошмарном сне. Снились ему часть, начальник политотдела, ругающийся командир бригады, партийное собрание, где его исключают из партии, какой-то корабль на котором он служит снова командиром БЧ-5 и где старпомом его теща, плачущая жена и еще какая-то дребедень.

— Вася, Вася, проснись, — тормошила его жена, — ты кричишь во сне. И вообще, не давал мне спать. Возился, как жук навозный. Что случилось? Не заболел?

— Все нормально. Ерунда какая-то снилась. Который час?

Жена включила ночник.

— Без двадцати пять. Спи.

— Нет, буду вставать. Мне сегодня на службе пораньше надо быть. А ты поспи еще, — поцеловал Василий жену.

Из соседней комнаты слышался богатырский храп тещи, от которого печально дребезжали стекла.

Василий наскоро умылся, попил чаю и пошел в часть.

— Что делать? Что?

Всю дорогу он искал выход из создавшейся ситуации. От этих мыслей даже разболелась голова.

— 4 —

Комбриг пришел в штаб тоже почему-то рано. Может тоже теща приехала или другие какие проблемы выгнали из дома.

— Разрешите, товарищ комбриг, — Степанов решил не ждать утреннего доклада.

— А тебе чего не спится, механик? Или дома поругался?

— Нет. Все в порядке.

— Может дома не ночевал? Смотри, будь аккуратным, а то начпо повесит тебя за яйца на всеобщее обозрение за аморальное поведение. Он это дело любит. Хотя у самого рыло в пуху.

— Все в порядке, товарищ комбриг. Ночевал дома.

— Ну, смотри… Вопросы ко мне есть? Да ты садись, не стой истуканом.

— Мне надо съездить в техническое управление. — Зачем? — удивился комбриг.

— Решить вопрос по ЗИПу для новостроящихся кораблей.

— Но этот вопрос решаем и по телефону. Через полтора часа подойдешь ко мне, созвонимся с твоим начальством и все проблемы уладим.

У Степанова похолодело в груди.

— Я еще хотел порешать вопрос по списанию технического имущества, зайти в проектный отдел и договориться о получении нового водолазного снаряжения для учебно-тренировочного судна, — плел механик все, что приходило в голову.

Комбриг задумался, закурил сигарету.

— Хорошо, езжай. Когда планируешь убыть?

— В четверг. В пятницу и субботу займусь делами, а в воскресенье ночью вернусь назад. В понедельник на службу.

— Хорошо! — подытожил комбриг, — Хотя стоп, — его рука потянулась к телефону. Сердце Степанова вновь ушло в пятки. — Дежурный, срочно найдите мне командира береговой базы. Пусть зайдет ко мне.

Через минуту в кабинет вошел командир береговой базы.

— Юрий Дмитриевич, у тебя, когда планируется машина идти в Севастополь? Мне механика туда нужно отправить, — комбриг не любил тянуть кота за хвост.

— Завтра, товарищ комбриг, в четыре ноль-ноль КАМАЗ идет за продовольствием.

— Очень хорошо. Механика моего возьмешь.

— Только в кабине ему придется вдвоем с мичманом ехать. Удобства не гарантирую.

— Устраивает тебя, Василий Николаевич, такой вариант? Или поездом поедешь?

— Машиной, товарищ комбриг.

— Решено. Оформляй все документы и мне на подпись. Только смотри не проспи.

— Не просплю, товарищ комбриг, — улыбнулся Степанов.

— 5 —

Теща проснулась поздно.

— Где твой благоверный? На службу ушел? Что-то я не слышала, как он собирался.

— Ты всегда крепко спишь, мама.

— А вам, что завидно?

— Да никто тебе не завидует, спи себе на здоровье.

— Ну как живешь, рассказывай.

— Нормально живем. Вася теперь в штабе служит заместителем у командира бригады. Звание получил. Квартиру вот четырехкомнатную дали. Зарплата хорошая, грех жаловаться. Дети, сама видишь, растут. У тебя-то как?

— Как у меня… Приехала бы посмотрела. Три года у матери не была. Он каждый год разъезжает. К своей мамочке мотается. А ты свой дом совсем забыла, о матери даже не вспоминаешь. Не нужна тебе мать, — она вытерла рукавом сухие глаза, — Сдохну, и на похороны не приедешь.

— Ну что ты такое говоришь, мама. Письма пишу, звоню. Ты к нам приехала, — дочь обняла и поцеловала мать, — вот и хорошо. А мне когда?.. Дети. Школа. Садик. Сережа родился. Все на моих руках. Вася сутками на службе. Что ты на него так озлобилась, он хороший. Меня и детей любит. Деньги все до копеечки домой приносит. В доме помогает. Весь ремонт своими руками сделал. Не переживай, — улыбнулась Лена, — ребята подрастут, все как нагрянем к тебе! Небось, не выгонишь нас. Успеем еще надоесть, не переживай, — дочь еще раз поцеловала мать, — Садись к столу, завтракать будем. Потом на рынок надо будет сходить. Хоть овощей и фруктов у нас вдоволь наешься. Там-то они дорогие.

— 6 —

Василий пришел домой в хорошем настроении и возбужденный.

— Ленусь, я завтра утром в Севастополь уезжаю, комбриг посылает. Не хочу, а надо.

— Как же так? — всплеснула руками Елена, — И на сколько?

— В воскресенье ночью вернусь.

— Мы же в воскресенье Сережу крестим. Ты что забыл? — жена была далека от всех этих политотделов, партийных билетов и всего того, что касается ратной службы, — Может отпросишься. Поедешь в другое время, а?

— Лена, ты соображаешь, о чем говоришь? Как все это ты себе представляешь?! Целый командир бригады отдает приказание, а я не могу, у меня крестины. Ты в своем уме?

— Не кипятись. Мама расстроится. Она уже обо всем договорилась, — жена тяжело вздохнула.

— Кстати, а где она? Что-то в доме подозрительно тихо.

— Не ёрничай! Почему вы так друг друга не любите? Не понимаю. Она с соседкой в кино пошла. Говорят хороший фильм. Забыла, как называется. Билеты днем купили. Две серии. Придет поздно. Надо и нам сходить. Вот приедешь из Севастополя, и сходим. Сто лет уже не была в кино. Мама с детьми посидит. Хорошо, Вась?

— Хорошо. Давай-ка соберем меня в дорогу. Завтра будет поздно. Да, собственно говоря, что там брать, — пару рубашек, трусы и носки. Помыться, побриться и перекусить в дороге. Сегодня спать пораньше лягу. В четыре часа выезд. Подъем в половине третьего.

— А чего так рано-то?

— Рано? Ехать часов десять.

— С этой твоей поездкой все насмарку. Сереженьку крестить без тебя будем. Мама-то как расстроится.

— Да пошла она, твоя мама. Не успела приехать, а уже достала, — он провел ребром ладони по шее, — Когда она назад собирается?

— С месячишко проживет. А может и больше. Я же спрашивать не буду.

— Месяц!.. Чокнуться можно.

— Не чокнешься. Ничего с тобой не случится. А ты точно едешь в Севастополь? — что-то заподозрив, спросила супруга.

— А ты считаешь, что шучу? Я человек военный. Пора бы к этому привыкнуть. Какие-то вы все глупые, женщины.

— Кто это, все?

— И ты в частности.

— Почему ты меня оскорбляешь? На каком основании?

— Ну ладно, хватит, — Василий поцеловал жену, — Что нам теперь из-за этого, ругаться?

— 7 —

Спать Василий лег рано. Сквозь сон он слышал повышенный, недовольный голос тещи, но это его только убаюкивало. Повернувшись на бок, он улыбнулся, накрыл голову одеялом и крепко уснул. Молодой организм брал свое.

Во сколько легла жена, он не знал, но почувствовал, как она обняла его и крепко поцеловала в плечо. Просыпаться не хотелось.

Будильник зазвенел так громко, что казалось, он разбудит весь квартал. Василий вскочил как ошпаренный.

— Тише, Василек, тише, — жена нажала на кнопку и зажгла ночник, — не спеши. Я его завела на сорок минут раньше. — Она нежно прижалась к нему. Ее губы трепетно и страстно приникли к его губам, а руки заскользили вдоль тела.

Через полтора часа машина, скрепя рессорами, увозила все дальше и дальше капитана третьего ранга Степанова от родного порога. Настроение было великолепное. Этой поездкой он убивал сразу несколько зайцев. Но главным «зайцем» было, конечно, его отсутствие на крещении.

Все хорошо! Все замечательно!

— 8 —

Севастополь жил, как всегда, многогранной жизнью, — ратной, трудовой и праздной, у отдыхающих.

Первым делом Степанов помчался в техническое управление. Как не странно, там все, с кем он хотел встретиться, были на месте, даже командир школы водолазов. За каких-то неполные два часа, он решил столько вопросов, на которые, порой, уходили не один месяц.

Довольный собой, он позвонил комбригу.

— Товарищ комбриг, капитан третьего ранга Степанов, докладываю о проделанной работе: по ЗИПу накладные у начальника подписал. Пятнадцатого октября к нам пойдет танкер. Он все и доставит. Акты технического состояния и накладные на списание имущества тоже подписаны. Готовы его от нас принять. По транспорту, который повезет это имущество в Севастополь, буду решать на месте по приезду. Завтра иду в школу водолазов. Заявка и накладные на водолазное имущество тоже подписаны и у меня на руках. Буду решать, чтобы его к нам переправили также с этим танкером. Проектную документацию привезти не смогу. Ее для нас скопируют и переправят с почтой. В воскресенье ночью возвращаюсь назад.

— Ну, механик, ты молодец, — было слышно, как комбриг закуривает, — Не ожидал от тебя такой прыти. Обра-

довал! За проявленный героизм к поезду пришлю за тобой машину. В понедельник на службу разрешаю не выходить. Не возражаешь?

— Никак нет, не возражаю. Спасибо.

— Сильно там не хулигань. А то я вас всех знаю. Когда вожжи падают, лошади несут.

— Да нет, товарищ комбриг, я женат.

— В мальчика со мной не играй. Каждый женатый, хотя бы на полчаса, мечтает побыть холостым. Все. Конец связи.

В трубке послышались гудки.

Легко вздохнув полной грудью, Степанов пошел в гостиницу. Чувство выполненного долга возвышало его в собственных глазах.

Вечером с друзьями он шел в ресторан. Человек рожден для общения. Без него он черствеет и становится никому не нужным. И молодость вспомнить не мешает.

— 9 —

С убытием Степанова в командировку, жизнь в доме не прекратилась, а, наоборот, резко активизировалась. Теща, как Фигаро, была везде и во всех лицах. Магазин и кухня, рынок и соседи, — все крутилось вокруг нее.

Квартира, словно действующий вулкан, периодически сотрясалась выбросами тещиного адреналина. Пик активности наступил на вечер субботы. В кухне, как исчадие ада, все кипело, пеклось, жарилось и варилось. Точки температуры и терпения доходили до критической. Дочь от усталости валилась с ног, но подставленное вовремя плечо матери удерживало ее на ногах. Дети были предоставлены сами себе. Юра целый день, как неприкаянный, шатался по улице. Люся все время путалась под ногами, за что часто получала по заднице и ее ставили в угол. Но стоять она там определенно не хотела и продолжала всем

мешать. Виновник торжества, не понимая важности всего происходящего, целый день орал в манеже.

— Вижу своими собственными глазами, как ты хорошо живешь. Кто бы сказал, не поверила. Муженек вильнул хвостом и укатил развлекаться на юг. А ты, женушка, горбаться! Его это все не касается. Он у нас умеет только детей делать. Ты, доченька, ему ноги пошире расставляй! Глядишь и четвертого родите. Дурное дело не хитрое. Спасибо мать у тебя есть. Ноги ей целовать должна и кланяться до земли, — этот бесконечный разговор продолжался с раннего утра и до позднего вечера.

Лена ждала ночи, как мученик смерти. Ее тело, еще не коснувшись койки, мгновенно засыпало до утра. А утром продолжалось тоже самое. Снова беготня, снова нервотрепка.

— 10 —

Какофония ресторана всегда настраивает на свой, расслабляющий и веселый лад. Ни прокуренный воздух, ни заляпанные жирными пятнами бывших пиров скатерти, ни вечно недовольные чем-то официантки не могут испортить настроение тех, кто пришел сюда снять стресс, да и просто повеселиться. А вкусная, пусть и жесткая, отбивная, сорокоградусная жидкость и хриплая музыка делают этот вечер просто сказочным.

Ресторан «Нептун» встретил друзей до боли знакомым многоголосьем. Заказав стандарт: салаты, отбивную с картошкой фри, две бутылки водки, чтобы лишний раз не беспокоить официантку, и бутылку воды, механики повели свою непринужденную, механическую беседу.

Надо отметить, отступив от главной темы или в продолжение начатой, как кому будет удобно, что все представители механической службы на флоте, абсолютно

одинаковы. Дружат они, обычно, только между собой. На кораблях и в штабах держатся обособленно. Толи это специфика механической службы так на них влияет, а она у них действительно очень тяжелая, — на их плечах держится вся деятельность корабля, толи эта постоянная загруженность и огромная ответственность делает их не от мира сего. А может и то, что они никогда не станут ни командирами, ни старпомами, ни другими крупными военными начальниками и это их угнетает… Трудно сказать. Но ведь есть же помощники по снабжению или доктора, которые тоже не становятся командирами. Правда они к этому и не стремятся. Первые и так слишком хорошо живут за счет государства, а вторые имеют ту специальность, которая востребована всегда и везде.

Друзья говорили службе, о семьях и снова о службе. Василий о крестинах, естественно умолчал. Эта тема для всех была закрыта

Алкоголь, музыка и просто хорошее настроение делали свое дело. Горячая молодая кровь, застоявшаяся энергия начали выплескиваться в танцах. Уже познакомились и с женщинами, ищущими удовлетворение в ресторанных знакомствах. Хотя для механиков это тоже нонсенс. Они пугаются порой, даже собственной тени, боясь себя скомпрометировать. Но… и на старуху бывает проруха.

Вечер подошел к концу. Вновь образовавшиеся пары медленно брели к остановке. Дамы разводили своих кавалеров по домам. Но… женщины даже не подозревали, что встретили представителей порядочной флотской профессии.

Механики отошли в сторонку обсудить сложившуюся ситуацию.

— Вы как хотите, — сказал командир БЧ-5 крейсера, — а мне надо домой. Жена будет волноваться. Завтра еще на службу. Первая машина что-то барахлит, разбирать ее будем.

— Мне бы тоже надо домой, — замялся второй, — А, — он махнул рукой, — будь что будет. Поехали к девочкам.

Василий тоже был не настроен к продолжению веселья, но возвращаться в пустую неуютную гостиницу не хотелось.

— Девочки, у нас появилась потеря. Мише надо срочно домой. Ребенок болеет.

— В ресторане сидеть, у него ребенок здоров, а сейчас резко заболел. Пусть катится, — заявила обиженная дама, лишенная ночного удовольствия, и, не прощаясь, застучала каблучками по мостовой.

— А вам, мальчики, домой не пора? — спросила их жгучая брюнетка.

— Нет, нет, мы свободны, — категорично заявил неожиданно осмелевший Василий.

— Тогда поехали. Вон и такси свободное идет, — женщина выбежала на дорогу с поднятой рукой.

— 11 —

Василий проснулся поздно. Яркое южное солнце с неистовой силой било в зашторенные окна, пытаясь их порвать. Рядом с ним лежала миловидная крашеная блондинка. Ее белоснежные груди спелыми персиками тянулись к пололку. Она было сказочно мила. Нет. Она была безумно красива. Именно красива.

Василий не мог похвастаться своими любовными победами. Они все умещались на его одной руке. Но таких женщин у него никогда не было и, наверное, никогда больше не будет. В этом Вася был уверен на все сто восемьдесят процентов. Он не блистал красотой, не отличался талантами и не был сказочно богат. Только одно ему в ней не нравилось, — имя. Ее звали Марина, как и тещу. Эта теща и здесь не давала ему покоя.

Василий повернулся на бок и нежно, даже как-то боязливо, обнял ее и прижал к себе. Ее длинные ресницы слегка дрогнули.

— Ты уже проснулся, Коленька? — она тоже прижалась к нему и поцеловала.

— Почему Коленька? — не сразу понял Василий. — Ах, да. По старой конспиративной привычке он вчера представился ей Николаем. — Ему стало стыдно и перед ней, и перед собой, — Дожил до возраста Христа, а все в мальчика играет.

— Ты о чем задумался, Коля? Тебе надо уже идти? — грустно спросила она.

— Нет, — не очень уверенно ответил Василий.

— Ой, как замечательно, — искренне обрадовалась Марина, — Мы с тобой сейчас позавтракаем и пойдем куда-нибудь. Хочешь на пляж, хочешь… Да куда хочешь можно. Можем просто погулять. А давай съездим на Сапун-гору. Я никогда там не была. Даже стыдно. Пять лет живу в Севастополе и все некогда. А ты был?

— Тоже не был.

— Короче решай, я вся в твоей власти, — она крепко его обняла и страстно поцеловала.

Василий задохнулся от такой нежности. Он как коршун набросился на свою жертву и покрыл ее жаркими поцелуями.

— 12 —

Они сидели на скамейке в тени платана, тесно прижавшись друг к другу, и смотрели с высоты Сапун-горы на долину, густо засаженную виноградниками. От всего услышанного и увиденного в музее говорить не хотелось. Легкий холодок до сих пор еще бежал по спине. Сколько жизней забрала эта война, сколько горя и лишений при-

шлось испытать советскому народу. Даже трудно представить, какими огромными, просто нечеловеческими усилиями был завоеван мир на этой земле. Как не просто, как тяжело далась эта, да разве только эта, гора нашим воинам. От всего этого становится страшно.

Они долго молчали, каждый думая об одно и том же.

— Мариночка, может, посидим в кафе? Что-то так грустно на душе. Я никак не могу прийти в себя. Страшно представить, что такое может когда-то повториться.

Марина, молча, кивнула головой.

На летней площадке кафе было тихо и уютно. Легкий осенний ветерок теребил листву деревьев, шепча ей что-то веселое, и нежно играл белокурыми волосами Марины.

Василий заказал бутылку хорошего красного вина, шашлык, мороженое и кофе. На удивление шашлык оказался мягким, сочным и безумно вкусным. Василий даже не заметил, как его съел.

— Коленька, закажи себе еще. Вижу, как ты проголодался. Мне бы утром тебя надо было хорошо покормить. Кофе и бутерброды для мужчины не еда.

Сопротивляться Василий не стал.

Настроение поднималось. Василий закурил.

— Мариночка, расскажи мне о себе. Ты такая красивая и почему-то одна. Так быть не должно. И еще, ты уж меня ради Бога извини, но я тебе вчера солгал, меня зовут не Коля, а Вася. Вырвалось как-то непроизвольно. Прости, пожалуйста.

— Мне имя Василий больно слышать. Я не люблю его. Оно напоминает мне о покойном муже. Его тоже так звали. Для меня же ты так и останешься Коленькой. Останешься навсегда. Давай с тобой выпьем. За тебя, — она подняла бокал, — Ты хороший человек.

Они выпили.

— Шесть лет назад я вышла замуж за военного летчика. Муж был старше меня на двенадцать лет, — такой

убежденный и закоренелый холостяк. Это произошло в Вологде. Через год его перевели начальником штаба в Севастополь. Дали квартиру. Жили мы очень хорошо. Одно плохо, Бог не дал нам детишек. А у тебя дети есть?

Василий мотнул головой.

— Много?

— Трое.

— Молодец! Дай им Господи здоровья и счастья, — она задумалась, — А три года назад муж погиб. Не вышло шасси. При аварийной посадке самолет загорелся. Весь экипаж сгорел заживо, — по ее щекам покатились слезы. Она быстро достала платочек, — Извини, я не люблю об этом вспоминать. Поэтому имя Василий для меня звучит больно. С тех пор я одна. Нет, ты только не подумай, что я пошла по рукам, — заговорила она быстро. — Нет и еще раз нет. Просто вчера подруги, вместе работаем в больнице, уговорили пойти в ресторан. Обе они разведены и любят это дело. Я предпочитаю быть одна. Конечно, я не аскет и не монашенка. Очень люблю жизнь. Но… она почему-то не складывается. Мужчины хотят только одно. А мне нужна семья, дети. Ты — другое дело. Ты надежен. С тобой спокойно. Но…, но… Кстати, Коленька, а который час?

— Без четверти четыре.

— Все, мой хороший, мне пора. Сегодня в восемнадцать я заступаю дежурить по отделению в больнице. Очень прошу, не провожай меня. Мне слишком хорошо с тобой и я боюсь привыкнуть. Ни тебе, ни мне это не нужно. Пожалуйста, не ищи меня, не делай мне больно. Хорошо? — Марина встала и поцеловала Василия, — Закажи себе чего-нибудь. Посиди, отдохни. Ну, пока, милый, я побежала. Спасибо тебе.

Она быстро повернулась и, не прощаясь, побежала к стоящему на остановке такси.

Василий закурил. На душе было муторно.

От благодушного настроения не осталось и следа. Подошел официант.

— Что-то еще заказывать будете, а то мы скоро будем закрываться.

— Принесите двести грамм коньяка, лимон и пару конфет.

— Хорошо, — понимающе кивнул официант.

— 13 —

Начавшийся в воскресенье утром дождик, прибив пыль, быстро закончился. Неистовым щебетом встретили птицы выглянувшее солнышко.

У Степановых все проснулись рано. Начинался новый, завершающий виток подготовки к крестинам. Все, что было напечено и сварено, ставилось на стол. В изобилии купленные крепкие напитки, стояли в окружении этих яств.

Буквально весь дом гудел, как растревоженный осиный рой.

— Что у нас сегодня творится? — спрашивали друг у друга соседи.

— Степановы, из семнадцатой квартиры, сына крестят.

— А почему так шумно?

— Теща к ним приехала. Из нее энергия так и прет.

Скоро об этом мероприятии знал, буквально весь город.

Первым в доме не выдержал десятилетний Юрий. Ему эта домашняя суета надоела с самого начала.

— Я пойду, погуляю, — подошел он к матери.

— Это куда гулять? Через два часа Сереженьку крестить будем. Дома посиди. Улица от тебя не убежит, — бабушка строго взглянула на внука, — Батюшка вот-вот придет.

— Не хочу я сидеть. Мне это не интересно, — заупрямился внук. — Я что, попа никогда не видел?

— Юра, так надо. Все родственники должны быть на месте, — ласково сказала мать.

— Ну, папы же нет. Значит и мне можно не присутствовать.

— Ты погляди на него, — закричала бабушка, — какой он грамотный. Весь в отца выродился. Такой же упрямый.

— Что тебе плохого папа сделал? Что ты его постоянно ругаешь? Вот он приедет, я ему все про тебя расскажу.

— Посмотри на него какой защитник выискался! Так я и испугалась твоего папеньку. Какая упрямая порода. Пусть убирается с глаз. Видеть его не хочу. Можешь меня бабушкой теперь не называть.

— И не буду называть, — Юрий насупил брови.

— Юра, почему ты с бабушкой так себя ведешь? Сколько она тебе подарков привезла. Так нельзя, бессовестный! Извинись перед ней немедленно, — мать уже не знала, на чьей стороне быть.

— Не буду. И подарки мне не нужны. Почему она о папе всегда плохо говорит? Ей можно, а мы молчать должны? Если у нас все плохо, чего она тогда сюда приезжает?

— Юра! Замолчи, наконец! Одевайся и иди гулять на улицу, — закричала мать, — Чтобы я до обеда тебя в доме не видела. Понял?

— Видишь, дочка, яблоко от яблони не далеко падает. Вылитый папаша.

— Мама, ну что тебе Вася сделал плохого? Что ты к нему привязалась?

— О, как вы все тут против меня спелись. Значит я плохая, а он хороший? Так получается?

— Успокойся мама. Все хорошие, все. Нервы у тебя совсем расшатались. Давай мы тебя в больницу положим. Полежишь, подлечишься.

— В психушку меня решила засунуть, доченька? Дурочку из меня сделать хочешь? Не выйдет у вас ничего…

В дверь требовательно позвонили.

— Ой, — всплеснула руками теща, — это же батюшка пришел. А мы еще не готовы, — и она побежала открывать дверь.

В квартиру вошел, в потертых джинсах и легкой футболке, молодой мужчина с аккуратной бородкой и очень длинными волосами. В руках он держал увесистый «дипломат».

— Вам что здесь нужно? — теща встала грудью в дверях.

— Я, священнослужитель. Отец Борис. Крестины у вас?

— У нас, — недоверчиво ответила она.

— Тогда разрешите мне пройти. Я переоденусь и приступим.

Теща пулей влетела в зал.

— Лена, батюшка пришел. Переодевай Сережку скорей. — Она впопыхах налетела на Люсю и вместе с ней свалилась на пол.

Девочка залилась веселым смехом.

— Ты опять здесь? Нигде от тебя покоя нет. А ну, марш в коридор!

Схватив за шиворот, трясущуюся от смеха девчонку, она выставила ее из комнаты и плотно захлопнула дверь.

Люся попыталась открыть, но та ей не поддавалась. Она внимательно посмотрела на уже переодевшегося священника.

— Товарищ Бог! Помогите мне, пожалуйста, открыть дверь, — глаза Люси умоляюще смотрели на батюшку.

Сравнение с Богом для батюшки было так неожиданно, что он искренне покраснел.

— Девочка, я не Бог.

— А кто же вы? — удивилась Люся. Закрытая дверь отодвинулась на второй план.

— Я священнослужитель. Пришел крестить твого братика. У тебя же есть братик?

— А где Бог? –не унималась Люся.

— Бог на небе. А я его служитель не земле.

Она задумалась.

— Значит, вы на Земле главный?

— Не главный, но и не последний. Пошли крестить твого братика, — батюшка облегченно вздохнул. Он безумно обрадовался, что череда вопросов на этом заканчивалась. Обманывать, особенно ребенка, грех, а правду она еще не поймет. Маленькая совсем.

— 14 —

Спал Василий плохо. Гостиничная кровать ужасающе скрипела, подушка была до того жесткой, что разболелась даже шея. Лишь под утро он забылся тяжелым сном.

Позавтракав в буфете, он поехал в школу водолазов. Но и там все решилось очень быстро.

Делать было абсолютно нечего. Он бесцельно брел по Севастополю. До отхода поезда оставалось десять с лишним часов. Их требовалось как-то потратить. Степанов зашел в кинотеатр, но ушел с половины сеанса, побродил по рынку, постоял у памятника погибшим кораблям. Часовая стрелка стояла на месте. Сердце хотело другого. Оно рвалось к Марине.

Пересилив себя, Василий сел в троллейбус. Медленно, словно с путами на ногах, шел к ее дому. На седьмой этаж поднимался пешком. Очень долго стоял у двери. Наконец решившись, позвонил. Звонок прозвенел жалобно и просящее. Дверь открылась сразу, будто за ней ждали.

— Все-таки пришел, — Марина стояла в халатике в золотистых лучах солнца, — А я ждала тебя! Где ты так долго был?

Они бросились друг к другу и слились в долгом, страстном поцелуе.

— 15 —

Наш народ славен и силен своими традициями. Но одну мы незыблемо чтим и четко соблюдаем. После каждого завершенного мероприятия, будь-то радость или горе, встреча или проводы, — отмечать это дело за столом. И так ведется исстари. И менять это никто не собирается.

Стол ломился от яств. Крещение, как повод отошло на второй план. Гости, а их было без малого семнадцать человек, шумно обсуждали текущие проблемы, не забывая, естественно и про виновника торжества. После очередного произнесенного тоста каждый, вначале, чокался с батюшкой, потом, непременно, с тещей Степанова, затем со всеми остальными.

Теща и за столом была лидером. По левую руку от нее сидел отец Борис, по правую — сосед с третьего этажа, молодящийся вдовец Кирилл Кондратьевич. Ее соловьиные трели, нежный голос и душевное обаяние покорили всех присутствующий. Степанову искренне завидовали. И это не скрывали.

Первым за столом начал вырубаться батюшка. Еще не закаленный в больших застольях молодой организм, вдруг начал давать перебои. И здесь теща проявила такт и бдительность, не дав упасть лицу культового работника прямо в салат. Нагрузив огромную сумку провиантом и рассчитавшись с ним по двойному тарифу за работу, гости аккуратно погрузили священнослужителя в машину, дав таксисту сверху десять рублей, чтобы тот довез его не только до дома, а и передал в белые рученьки матушки. После чего компания продолжила застолье.

Теперь теща всецело посвятила себя Кириллу Кондратьевичу, сердце которого к концу вечера окончательно растаяло и в нем зарождалось уже забытое чувство, называемое любовью.

Расходились поздно.

— Марина Михайловна, — пророкотал старый дамский угодник, — мне бы очень хотелось, чтобы мы сейчас с вами спустились ко мне. Я развожу рыбок и одна, безумно дорогая пара, вчера дала потомство. Моя квартира в аквариумном освещении выглядит просто фантастически. Вы не возражаете?

— Я просто обожаю рыбок. Это моя слабость, — солгала теща, — У вас в доме чай имеется?

— Безусловно. Предпочитаю индийский. Для вас, Марина Михайловна, я не только чай, но и звезду с неба готов достать.

— Кирилл Кондратьевич, у нас одинаковые с вами вкусы. Вы меня начинаете пугать.

Кирилл Кондратьевич поощрено улыбнулся.

— У меня для вас есть еще один сюрприз. Но это внизу.

— Обожаю сюрпризы, — истерически захохотала теща, — Сейчас возьмем к чаю тортик и пойдем к вам. Леночка, я иду к Кириллу Кондратьевичу, — прокричала она дочери от двери, — Ключи я взяла. Меня не ищи.

Оставив дочери две горы грязной посуды, она хлопнула дверью.

Елена, уставшая за эти дни, как строитель египетской пирамиды, равнодушно взглянула на весь этот хаос. Но деваться не куда. Надо все мыть и убирать. Через полтора часа муж приедет. Не встречать же его таким беспорядком? Переодевшись, она приступила к наведению порядка. Помощников рядом не оказалось.

— 16 —

До отхода поезда оставалось семь минут, когда Василий и Марина влетели на вокзал. Оставленные в гостинице вещи отняли у них целых сорок драгоценных минут.

Они, мокрые от быстрого бега и часто дыша, встали у вагона.

— Коленька, я очень благодарна тебе за встречу. Ты очень хороший. Молчи, — она прикрыла пальцем ему рот, — говорить буду только я. Иначе я буду плакать. Ты разве этого хочешь?

Василий помотал головой.

— Тогда слушай и молчи. Мне вчера сделали предложение. Я выхожу замуж и уезжаю отсюда. Нет, нет, ничего не спрашивай. Так надо. Не могу же я всю жизнь быть одной. В этом ты прав.

— Пассажиры, заходим в вагон, через минуту отправляемся, — раздался как приговор голос проводницы.

— Прощай, Коленька! Не знаю как ты, а я буду помнить тебя всю свою жизнь. Молчи, молчи. Все знаю. — Она крепко поцеловала его в губы. — Будь счастлив, мой родной! Хорошей тебе дороги.

— И ты, — только и мог вымолвить Степанов охрипшим голосом.

Поезд тронулся, Василий вскочил в вагон.

Она шла, в сторону вокзала, не оборачиваясь. По ее щекам текли слезы.

— 17 —

Василий всю дорогу от Севастополя до Николаева жил событиями, происшедшими с ним в течение двух суток. На душе скребли кошки. Было жалко и себя, и Марину. Жутко хотелось, чтобы у нее в жизни сложилось все хорошо.

— А правду она сказала, что выходит замуж или только для того, чтобы мы больше не встречались? — этот вопрос, как червь, точил его всю дорогу, — А с другой стороны, он же не бросит семью. Пусть она тоже будет счастлива!

Поезд подошел к станции около полуночи. Степанова, как и обещал комбриг, ждала машина.

Подъехав к дому, он взглянул на окна. На кухне горел свет.

— Неужели гуляют?

Лифт как всегда не работал. Обливаясь потом и задыхаясь, Василий поднялся на свой этаж. Чтобы не будить детей, дверь открыл своим ключом. Из кухни вышла бледная и измученная жена.

— Привет, — он ласково поцеловал супругу, — как тут у вас?

— Все хорошо, Вася. Сереженьку окрестили. Сейчас домою посуду, и пойдем спать. Тебе воду согреть? Ополоснешься? Я так устала, ели на ногах стою.

— Согрей. А что в доме так необычно тихо? Где твоя мама? Что-то не слышно богатырского храпа.

Жена на минуту замолчала.

— Она… у Кирилла Кондратьевича. Ну, тот мужик с третьего этажа, что рыбок разводит.

У Василия брови поползли наверх.

— И что она там делает?

— Пошли рыбок смотреть.

— Рыбок? В первом часу ночи? Интересная мысль.

— Нет, они ушли еще в десять вечера.

— И до сих пор смотрят?

— Не придирайся к словам. Я не знаю, что они там делают.

— Зато я знаю.

Он разделся, тщательно смыл с себя севастопольское прошлое и лег.

Засыпая, он почувствовал, как пришла жена. Обняв его, она сразу засопела.

— Пусть поспит. Устала, бедненькая. И я тоже, — проваливаясь в глубокий сон, подумал Василий.

— 18 —

Около десяти часов утра в замочной скважине заскрипел ключ. Теща, бодрая и веселая, вошла в дом.

— Ты уже встала, Леночка, а я думала, что еще спишь? Вижу, управилась. Молодец! Кто это там у тебя плещется в ванной?

— Вася.

— Вася? Он что, не на службе? Выгнали? — она зло улыбнулась.

— За хорошее выполнение задания, комбриг поощрил его однодневным отпуском. Вот так!

— Отпуском… Поощрил.., — было видно, что теща не слушает.

— Это хорошо. Это просто здорово! Я что, собственно говоря, пришла. Ключ отдать и вещи забрать. Мы с Кириллом Кондратьевичем едим отдыхать в Крым, к морю, на его машине. Не все твоему мужу по югам мотаться. Я права, зятек? — бросила она в сторону ванны.

Ванна ответила гробовым молчанием.

— Собирать мне, в общем-то, и нечего. Все до сих пор лежит в чемодане. Как чувствовала, не распаковывала его. Благодарности в этом доме я не заслужила. Поэтому и расставаться будем легко. Так, дочь?

— Делай, мама, что хочешь. Я уже устала от всего этого.

— И на том, доченька, спасибо, — она поклонилась в пояс, — Сколько для вас не старайся, сколько не корячься, — мил не будешь! Правильно мне соседка говорит: «Жить нужно для себя. Детям ни в чем никогда не угодишь». Помоги мне снести чемодан вниз. Кирилл Кондратьевич еще хочет тебя попросить последить за рыбками. Инструктаж тебе кое-какой дать хочет. А дети где?

— Спят.

— Пусть поспят. Поцелуй их. Скажи, что бабушка на море поехала купаться. Кажется, все сказала. До свидания, дочка. Для остальных мое отсутствие вызовет только радость.

— 19 —

В пятницу в кабинет Степанова вошел рассыльный.

— Товарищ капитан третьего ранга, вас начальник политотдела вызывает.

Василий поднялся на второй этаж.

— Товарищ капитан первого ранга, капитан третьего ранга Степанов по вашему приказанию прибыл.

— Степанов, — начпо, офицеров штаба по именам и отчествам, не знал, да и знать не хотел, не его уровень, — вы что, в воскресенье крестили ребенка? Как вы могли? Вы же коммунист! — начал начпо без всякой подготовки, — Вас атеистическая программа партии не касается? Или вы уже не дорожите ни должностью, ни членством в КПСС?

Холодный пот выступил на лбу механика.

— Товарищ капитан первого ранга, я в это время был в командировке в Севастополе. Это теща приехала и все сделала без моего ведома. Я даже не знал об этом.

— О вашей командировке я тоже ничего не знаю. Вы что, решили меня обмануть? Кто вас послал?

— Командир бригады.

— С какой целью вы ездили в Севастополь?

Василий во всех подробностях стал рассказывать о целях и задачах, связанных с его поездкой в главную базу флота.

Начпо слушал очень невнимательно. Он, периодически, куда-то звонил, что-то писал, кого-то вызывал.

— Хорошо Степанов, идите. Я лично разберусь в этом вопросе. Но свою семью надо воспитывать. Каждый член

нашего государства должен знать, чем живет наша партия, над чем она работает, и претворять в жизнь решения всех Пленумов ЦК КПСС. Вам это ясно? А у вас, видно, не все в порядке дома. Не ошиблись ли мы, взяв вас служить в штаб? Идите и думайте.

Степанов вышел пошатываясь. Рубашка прилипала к телу.

— Ну, теща, сука, удружила. Хорошо, что с командировкой все удачно получилось. А то бы точно влип. Выгнали, как пить дать.

Он зашел к комбригу.

— Что, наложил в штаны, — рассмеялся комбриг, — Не дрейфь. Все обойдется. Служить тебе долго и еще не одно крещение придется принимать. А про все это забудь. У них работа такая. Интересную мысль тебе подсказал начпо. С сегодняшнего дня и начинай внедрять в семью все решения партии. О результатах потом доложишь коммунистам на партийном собрании.

Комбриг от собственной шутки залился долгим, лающим смехом.

— Иди, Вася, повеселил ты меня сегодня, — вытирая платком слезы, он рукой показал на дверь.

— 20 —

Через три месяца Степанов вновь поехал в Севастополь, но уже на сборы руководящего состава электромеханической службы. Память о Марине занозой торчала в сердце. Вечером он пошел к ней домой. Дверь открыла незнакомая женщина.

— Простите, мне нужна Марина.

— Здесь, молодой человек, такие не живут. Вы, наверное, адресом ошиблись.

— Но три месяца назад она здесь жила.

— Может быть, и жила, не знаю. Мы сюда въехали две надели назад. Квартира была пустой. Извините, помочь ничем не могу, — дверь закрылась.

Светлое пятно жизни потемнело, а кровоточащая рана так и осталась на всю жизнь.

УЗНИК

— 1 —

В свои двадцать восемь лет Коля-штурман еще напоминал гадкого утенка.

Его черные, с гитлеровской челкой волосы, всегда торчали в разные стороны. Выпирающие вперед скулы и пухлые щеки, от изобилия выпитых дешевых алкогольных напитков походили на переспелую вишню. Густые усы скрывали утопленную во внутрь нижнюю челюсть. Колина грудь, без каких-либо намеков не талию, плавно переходила в ягодицы, а иксобразные, до безумия вонючие ноги, завершали весь этот сложный, генетический ансамбль. Поэтому внешне Николай выглядел несчастным человеком. Казанская сирота рядом с ним отдыхала.

Женщины, скорее всего его не любили, а отдавались из жалости, позволяя с собой делать все и, даже, больше.

А от жалости до любви всего один шаг.

Понять женскую душу сложно, а правильнее сказать, невозможно.

За забором причала, где швартовались военные корабли, стоял маленький магазинчик. Своим ассортиментом он удовлетворял всех. И пиво можно попить, и сигареты купить. Сладостей хочешь, — пожалуйста. Одеколон за-

кончился, — бери, не жалко. Мыло, зубная паста, бритвы, авторучки, — все в изобилии. Носки порвались? Не проблема. Молоко? Пей — не хочу. Колбаска — всегда свежая. Печенье — самое вкусное. Словом, не магазинчик, а кладезь. И главное, всегда открыт.

Заведовала им Лариса — женщина чуть более сорока лет, маленькая, полненькая и не очень красивая. Принца на своем жизненном пути она не нашла, довольствуясь редкой, чаще грубой, мужской любовью.

Штурман заходил в магазин часто. В основном сигарет дешевеньких купить. Правда, иногда, на утаенные от жены деньги, позволял себе выпить бутылочку пива.

Здесь-то на него Лариса и обратила внимание. Сам Николай инициативы никогда не проявлял. Выбирали всегда его, а не он.

Мужчины заблуждаются, называя себя творцами природы, завоевателями. Они — тупые исполнители женских желаний и воли.

Жалко ей его стало или мать заговорила в ней, трудно сказать, но в истории Военно-морского флота началась зарождаться новая внебрачная любовь.

Штурман, не ведая таких слов и чувств, потянулся к Ларисе, как росток к солнцу.

К прекрасному привыкают быстро.

От подарочных пачек сигарет и бутылочек пива, они скоро пришли к легким рукопожатием и невинным поцелуям.

Здесь-то подпруга и лопнула.

Когда у лошади это происходит, она несет. И остановить ее невозможно. Встанет сама, когда выдохнется.

Теперь магазинчик был часто закрыт на технический перерыв, а шторки на окнах плотно задернуты.

В это время влюбленные уединялись за прилавком, где предусмотрительная Лариса хранила матрас, подушку и комплект чистого белья.

Штурман стал матереть. В нем появилась солидность, голос окреп, наметилась упущенная природой осанка. Изредка он стал даже покрикивать на свою рабыню. И она не противилась этому. Николай почувствовал себя хозяином, властелином и уже не походил на сироту в третьем поколении. Но природная скорбь, как след от оспы, все же осталась.

Лариса, всецело отдавшись страсти, расцвела и заметно похорошела. Слияние женской и материнской любви сотворили с ней чудо. Быть от кого-то зависимой ей явно нравилось.

Курил теперь Николай уже не дешевые «Лайку» и «Новость», а «Стюардессу» за тридцать пять или «БТ» за пятьдесят копеек, что считалось в то время, большим шиком. Брился он теперь только иностранными лезвиями, а душился дорогим одеколоном.

Все, как у белых людей.

— 2 —

Была обычная рабочая суббота. На корабле началась «Большая приборка» с выносом на стенку постельных принадлежностей, мытьем жилых и служебных помещений.

В это время на офицеров мало кто обращает внимание. И они занимаются чем-то своим.

Десять минут десятого штурман подошел к вахтенному у трапа.

— Я в магазин за сигаретами.

— Старший помощник знает?

— Я туда и назад. Тебе мороженое принесу.

— Другой разговор, товарищ старший лейтенант. Только не задерживайтесь, а то меня старпом с вахты снимет.

Николай деловой иксобразной походкой поспешил к магазину.

— Ой, Николай Васильевич, вы как рано сегодня, — зарделась Лариса и глянула на двух посетителей. — Что вам ребята? Давайте быстренько! Мне отчет надо сделать. Я ненадолго закроюсь.

— Коленька, милый мой, — она закрыла дверь и задернула шторку, — я так соскучилась. У тебя есть полчаса? Пойдем, мой хороший, пойдем. — Она тянула его за прилавок. — Как я тебя, Коленька, люблю! Только о тебе и думаю каждую секунду. Радость ты моя! Счастье запоздалое, — шептала она.

Любовь взрослой женщины сродни безумию. Она мозгом понимает, что такое счастье мимолетно, оно похоже на мираж, но сердце и душа верят в его безбрежность, глубину и чистоту красок. Безрассудство превалирует над разумом.

Дыхание Николая и Ларисы становилось шумным. Лишь только их полуобнаженные тела слились в едином порыве, как в дверь громко постучали.

— Лариса, ты здесь? Открой!

— Елки, — зашевелилась Лариса, выбираясь из-под Николая и целуя возлюбленного, — Начальник пришел. Он сюда не зайдет, не бойся. Чего ему по субботам дома не сидится? Иду, иду, Василий Борисович, — прокричала она.

Встав и одернув юбку, Лариса открыла дверь.

— Ты чего закрыта?

— Решила, Василий Борисович, приборку в магазине сделать. А то за день натаскают столько грязи, — не магазин, а свинарник.

— Это ты молодец! Собирайся, начальник Военторга в десять проводит совещание со всеми работниками.

Лариса обомлела.

— Василий Борисович, что-то я себя плоховато чувствую. Жутко болит голова. Давление, наверное, и живот сильно крутит. Может, без меня обойдетесь? А я вам подарочек подготовила, — она зашла за прилавок. На полу лежал пунцовый Коля. Лариса успокаивающе подняла ла-

донь. — Вот, Василий Борисович, армянский коньячок. Пьешь, и пить хочется.

— Спасибо, конечно. Но,… ехать надо. И не канючь. Мне еще в две точки заехать надо. По дороге таблеток купишь. А в управлении туалет есть, — он весело засмеялся.

— Да по какому поводу собирают-то, — нервничала Лариса.

— Жалобы на вас пишут.

— Кто? — Лариса даже присела.

— Покупатели.

— А что я такого сделала?

— Ты, как раз, ничего. А вот другие.., — начальник огорченно махнул рукой.

— И сколько он с нами совещаться будет? — Лариса, явно не слушая начальника, думая только о своем.

— Минут двадцать-тридцать. В одиннадцать вернешься. Не переживай. Поехали. Время уже поджимает.

С тяжелым сердцем она заперла дверь.

Полежав минут пять, узник любви поднялся. Неудовлетворенность давала о себе знать тупой болью внизу живота. Спешить было уже некуда. Закурив, Николай машинально глянул на часы. Было всего лишь без пятнадцати десять. Взяв с витрины бутылку пива и отрезав грамм триста ветчинной колбасы, он с аппетитом перекусил. Перекурив еще раз, он сладко потянулся и, не снимая ботинок, снова лег на матрас. На нижней полочке лежали оставленные хозяйкой розовые трусики. Штурман довольно хмыкнул, повернулся на бок и через минуту спал сном праведника.

— 3 —

— Тринадцатый, ответьте первому, — раздалось в телефоне оперативной связи.

— Есть тринадцатый, — ответил дежурный телефонист.

— Кто на борту старший? — голос командира бригады не узнать было невозможно.

— Старший помощник.

— Пригласи его к аппарату.

Через минуту запыхавшийся старпом взял трубку.

— Товарищ комбриг, старший помощник.

— Старпом, сейчас срочно выйдешь на внешний рейд и встанешь на якорь. Точку якорной стоянки возьмешь у оперативного дежурного. С дружественным визитом к нам идут два болгарских корабля. Их встречает БПК «Решительный». Ты пойдешь для поддержки штанов. Твоя задача: при проходе кораблей построишь экипаж вдоль борта и поприветствуешь их, соблюдая все нормы международного морского права. А потом зайдешь вслед за ними в базу. Понял?

— Так точно.

— Командира вызывать будешь или сам справишься?

— Сам справлюсь, товарищ комбриг.

— Из механиков кто на борту?

— Командир БЧ-5.

— Добро. Тогда действуй. Конец связи.

— Внимание экипажа корабля, — понеслось по корабельной трансляции, — окончить «Большую приборку». Корабль экстренно к бою и походу приготовить. Командирам боевых частей, начальникам служб и лицам их замещающих провести инструктаж личного состава. Съемка с якорей и швартовых в одиннадцать часов пятнадцать минут. Вахте заступить по-походному.

— 4 —

Флот, если посмотреть на него сверху, с высоты птичьего полета очень напоминает муравейник. Все куда-то движутся, бегут, суетятся. И чем-то все это похоже

на хаос, но именно этот хаос и называется: «Флотская организация».

Начальника Военторга ждали долго, больше часа. Оказалось, что его вызвал к себе заместитель командующего по тылу.

Лариса сидела как на иголках. От всего этого бедлама у нее действительно разболелась голова, и появились боли в животе. Таблетки не помогали. Ведь ее возлюбленный томился под замком!

Совещание длилось не долго. Наоравшись, начальник сказал, что видеть никого не хочет и распустил всех по рабочим местам.

— Василий Борисович, — Лариса смотрела на своего непосредственного начальника заискивающе, — вы меня не подвезете?

— Нет, Ларисочка, нет. У меня дел выше головы. Слышала, небось, как мы «хорошо» работаем! Ножками, дорогая, ножками! Тебе это полезно.

Лариса, проклиная себя, работу, всех начальников и пресловутую флотскую организацию, высоко подбрасывая большую грудь, бежала к своему магазину, постоянно одергивая платье, липнущее к голому телу.

Было уже начало первого, когда она, вся в поту и пыли, открыла магазин. Коля продолжал безмятежно спать. Она тихо разделась, помыла себя минеральной водой и аккуратненько прилегла рядом с ним.

— Коленька, просыпайся мой родной, я уже пришла, — она покрыла его жаркими поцелуями. — Иди быстренько ко мне. Я вся исстрадалась думая о тебе, что ты, мой птенчик, взаперти сидишь. Томишься здесь. Давай я тебе помогу, — шептала она, стягивая с него майку и брюки.

Не получивший удовлетворения первый раз, штурман набросился, на жаждущую этого женщину с утроенной силой, как Илья Муромец на Змея Горыныча.

— Ко-лень-ка, — стонала она, — как… мне… с то-бо-о-ой хо-ро-шо… Ты… всегда… разный…

Уставший и счастливый Николай откинулся на спину. Его взгляд остановился на часах, висевших на стенке. Они показывали без десяти час. Он взглянул на руку. Нет, часы не врали. Штурман вскочил, как ошпаренный.

— Час уже, без десяти! Я с корабля на пять минут сошел. Меня уже ищут, — бухтел он, одеваясь, — Открывай быстро дверь!

— Сейчас милый, сейчас. Возьми хоть конфеточек с собой, сигарет. Пива дать?

— Не надо ничего. Не до пива сейчас.

— Ну иди, мой хороший. Я буду тебя очень ждать.

— 5 —

За пятнадцать минут до выхода корабля из базы, старпом вдруг вспомнил о Молоканове.

— А где наш штурман? Что-то я его сегодня не наблюдал, — спросил он вахтенного офицера.

— Не знаю, наверное, в штурманской. Сейчас уточню. Штурманская — ГКП, а где командир БЧ-1?

— Не знаем, — ответила штурманская, — наверное, на сходе.

— На каком сходе? — заорал старпом.

— Ют — ГКП, штурман на борту?

— Никак нет, — ответил вахтенный у трапа.

— А где он? — старпом накалялся.

— Сходил на берег за сигаретами.

— Во сколько?

— Еще в девять часов.

— Кто разрешал? — нервная система старшего помощника подходила к точке кипения.

— Он сказал, что на пять минут.

— Терещук, — не своим голосом заорал старпом, — можешь начинать завидовать мертвым. Я тебя разжалую к чертовой матери. Сдать вахту! Устроил мне на корабле проходной двор! Кто хочет, сходит, кто хочет, приходит! Где дежурный по кораблю?

— Рядом, товарищ капитан-лейтенант.

— Дай ему микрофон.

— Есть дежурный, лейтенант Мишук.

— Мишук, быстро сам сбегай в магазин, в этот рассадник нравственности и сними нашего кобеля с этой похотливой суки, — все давно знали о греховных похождениях командира БЧ-1.

Через пару минут Мишук доложил на ГКП, что магазин закрыт. А штурмана нигде нет.

Вспомнив в горечах всех близких и дальних родственников Николая и пообещав вырвать ему с корнем яйца, старпом приказал убрать сходню и отдать швартовы.

Корабль вышел в море без штурмана.

— 6 —

Через пять минут Николай, красный как рак, с катящимся по лицу потом и пеной у рта, влетел в магазин.

— Ты что-то забыл, Коленька? — ласково спросила Лариса.

— Корабль ушел! — завопил штурман.

— Куда ушел, зачем? — непонимающие глаза женщины расширились.

— В море, куда же еще. Из-за тебя все! Теперь меня с дерьмом смешают!

— Не переживай. Как ушел твой корабль, так и придет. Никуда он не денется. Садись я тебя молочком попою. А хочешь, сосиски отварю.

— Ты что, тупая или совсем ничего не понимаешь? — штурман находился в прединсультном состоянии, — Это тебе не магазин! Хочешь, открыла, хочешь, закрыла. Это боевой корабль! Меня посадить могут.

— Ой, миленький, натворили мы с тобой делов. Ты посиди тут, я мигом все выясню, где твой корабль. Что-нибудь придумаем. Только никуда не уходи.

Она быстро побежала к причалу. Штурман сидел, низко опустив голову, и курил одну сигарету за другой.

Лариса пришла минут через двадцать.

— Коленька, солнышко мое, не переживай, — она обняла его и поцеловала. Он дернул плечами, — Стоит твой корабль на якоре недалеко от боновых ворот. Пойдем, я посажу тебя на буксир. Он туда тебя и отвезет. С ними я уже договорилась.

Женская любовь порой творит чудеса.

Не прошло и получаса, как штурман по штормтрапу поднимался на борт корабля.

Впереди его ждала уже другая любовь. Любовь начальника к подчиненному.

— 7 —

Прерывистое дыхание старпома напоминало дыхание Ларисы в период животной страсти. Николай непроизвольно улыбнулся.

— Ну и где же вы были, товарищ старший лейтенант?

— В госпитале, — не моргнув глазом, солгал штурман.

— Или парили конец в местной таверне? А? — нервный тик передернул лицо старшего помощника.

— В госпитале, — упрямо стоял на своем Молоканов.

— И что же с вами случилось? Апоплексический удар, с продавщицей склещились или на конец намотали? —

старпом, читая журнал «Здоровье», в совершенстве владел медицинской терминологией.

— У меня появились резкие боли в животе.

— Прошли?

— Прошли.

— И что же было? Заворот прямой кишки или несварение желудка? Вон как харю на чужих харчах отъел!

— Кишечная колика.

— А где наше вечно счастливое медицинское светило? Я его сегодня тоже не наблюдал.

— Он в городе, на сходе, — констатирует факт вахтенный офицер.

— Хорошо живем! Штурман пукнуть не может, а доктор отдыхает. Переработал, наверное. Тоже, наверно, у кого-то под юбкой анатомию изучает. А я, как в стране Дураков, где круглые сутки горит свет, и вокруг бродят одни идиоты. Значит так, штурман. Месяц без берега ты себе уже заработал. Будешь сидеть на корабле безвылазно, — истошно заорал старпом, и вены на его могучей шее зловеще вспухли. — Пока у тебя не лопнут в трусах вонючие яйца. Понял?!! Алиби с госпиталем я проверю лично. А по твоей дальнейшей судьбе решение будет принимать командир. Отдавать тебя под суд или помиловать. Может тебе уже роднее слово «гражданин», а не «товарищ». Вашу боевую подругу, — старпом перешел на мягкий, полууставной тон, — я постараюсь убрать отсюда подальше. Любовь и служба для вас не совместимы. Одно мешает другому. Да и что там было любить… Разве что пиво с сигаретами. Когда голова подчиняется головке, надо избавляться или от того или от другого. А теперь, — вены снова набухли на его шее, — пошел вон с ГКП, пока я тебе рожу не расквасил.

Старпом устало сел в кресло.

— Рассыльный, — хрипло крикнул он, — принеси-ка мне чаю, да покрепче. И на печенье масло положи. А то в горле все пересохло. Служба ратная оказывается не мед. И

пойди у этого Казановы возьми для меня пачку «БТ». Ему сейчас вредно такие сигареты курить. Я в его годы бычки у урн собирал. И тем счастлив был.

— 8 —

С поставленной задачей корабль справился.

Штурману все простили, но месяц без берега он на корабле отсидел. И яйца у него не лопнули.

Доктор, за три пачки «Стюардессы», пошел на сговор с совестью и подтвердил кишечную колику.

Вскоре за прилавком магазинчика появилась новая продавщица. Молодая, но тоже страшная.

И последнее.

Штурман вновь перешел на дешевые сигареты.

Жизнь — это единство противоположностей, постоянное чередование хорошего и плохого, белого и черного, радости и печали. Если одному хорошо, то другому, обязательно, должно быть плохо.

Такова диалектика жизни.

В природе все точно так же.

ТИХАЯ ЖИЗНЬ

Военные, особенно офицеры, выйдя на гражданку, теряются от навалившегося на них бедлама. Они, как правило, находятся в состоянии человека, долго сидящего в темной комнате и резко вышедшего на яркий свет… Хочется посмотреть на этот насыщенный мир,.. а ничего не видно из-за рези в глазах. Только толкают все с разных сторон, а куда идти не знаешь.

Всю жизнь эти люди привыкли получать или отдавать приказания, соблюдать дисциплину и порядок, следить за своим внешним видом и видом своих подчиненных. Военная служба учила их точности, конкретики, формировала ответственность и автоматизм в работе с боевой техникой и личным составом, где сбой, промедление или неосведомленность не допустимы. А тут раз,.. и ничего этого нет. Все куда-то летят сломя голову, чего-то хотят… А чего?..

Законы как бы есть, но Закона и порядка нет. Анархия…

Голова идет кругом… Хочется напиться, уснуть, а проснувшись, оказаться в понятном для разума мире.

Виктор Романченко, отдавший прочному корпусу подводной лодки без малого тридцать лет, пройдя славный боевой путь от штурмана до начальника штаба, ушел на пенсию. Чем заниматься дальше он знал. Поэтому в новую жизнь вошел без страха и робости.

Отец, умерший по случайной нелепости полгода назад поскользнувшись на поле и ударившись о лемех плуга головой, оставил ему в наследство огромный дом, обставленный как у короля Артура и семнадцать гектар пахотной земли. И Романченко из плугаря морских глубин вознамерился стать пахарем тверди земной. А чего бы и нет? Как растет хлеб, он помнил с детства, как едят его за столом, — и учить не надо. Остальное же решил освоить за долгую зиму, набрав в библиотеке кучу специальной литературы. Не все же мозги он прокурил, в конце концов. Да и селяне помогут на ноги встать. Не Боги горшки обжигают.

Деревенская жизнь поразила его звенящей в ушах тишиной. Ночами даже вскакивал от каждого шороха, покрываясь липким потом. Грезилось, что лодка теряет ход, что гребные винты не проворачиваются, и никак не удается продуть главный балласт.

В деревне же зимой вообще никого не видно. Каждый занят дома чем-то своим, выходя на улицу только за са-

мым необходимым. А придет весна, — тут уж не до домашних забот!

Чтобы не одичать в этом снежном безмолвии и маломальски обустроить свой быт, жена должна переехать к нему перед Новым годом, Виктор сразу завел себе кошку, Рынду, и щенка от породистой лайки, Боцмана. Как-никак, а веселее, и флотом попахивает.

Как-то ночью Романченко проснулся от жалостливого стонущего шума. Даже не по себе стало. Крадучись, на цыпочках, он вышел на кухню и резко включил свет. В дальнем углу, кошечка Рында, забралась в стеклянную трехлитровую банку из-под молока и никак не могла оттуда выбраться, горестно мяуча. Виктор попытался ее вытянуть за хвост, вытряхнуть… Но все усилия оказались тщетны. Тогда он размахнулся и ударил со всего маха кулаком по банке. Стекла разлетелись в разные стороны. Кошка, благодарно муркнув, убежала в спальню, а из порезанной руки ручьем хлынула кровь.

Матюгнувшись, Романченко наскоро перемотал полотенцем рану, и, дрожа всем телом от холода, побежал в больницу.

Дежурный доктор, явно не обрадованный столь поздним визитом, долго вымывал из раны мелкие осколки. Потом обезболил, наложил швы и туго перебинтовал кисть.

На востоке начало сереть небо, когда Романченко вошел в дом. В кухне душераздирающие скулил щенок.

— Да что ж за ночь такая? — он, не раздеваясь, влетел на кухню. Стон доносился из глиняного горшка.

— Боцман, что ты там забыл? Бред какой-то! Вот тебе и тихая жизнь.

Он взял в кладовке молоток и резко ударил по горшку. Резкая боль пронзила щеку, и пол стал быстро покрываться алой кровью.

— Если один раз не повезло, то и дальше везти не будет, — он осторожно прикоснулся рукой к щеке. В ней торчал огромный осколок. Стиснув зубы, Виктор выдер-

нул его, крепко прижал к щеке первую подвернувшуюся тряпку и снова опрометью понесся к больнице.

Его новым появлением доктор был явно раздосадован.

— Вы? — искренне изумился он, — Тихую жизнь вы мне устроили. Если не изменяет память, мы расстались с вами буквально сорок минут назад. Вы изготавливаете взрывные устройства и испытывайте их? Тогда вами должна заниматься милиция. Если у вас паранойя и садомазохизм, то ваше место в психиатрической больнице…

— Понимаете доктор…

— И понимать ничего не хочу. Ложитесь. Будем обрабатывать вашу новую рану. Надеюсь, что на сегодня последнюю. Не приведи Господь кому-то пожелать такое дежурство. Я вас начинаю бояться.

— Доктор…

— Не надо слов! Работаем молча.

Над горизонтом поднималось огромное солнце, когда перебинтованный и измученный Виктор вошел в дом. На пороге его радостно встретили Рында и Боцман. Он грустно посмотрел на них, налил в миску молока и, не раздеваясь, упал на диван, тут же уснув.

Через три недели с лицом корсара, изуродованного глубоким шрамом, он встречал жену. И жизнь потекла уже в другом русле, со штилями и штормами, бурями и безветрием.

ЖЕРТВА КРАСОТЫ

Кто служил на флоте, в цирке не смеется.
Народная мудрость

Штурман Молоканов, наконец, решил пошить повседневную форму одежды, — тужурку и брюки. Старая, еще

лейтенантская, так пообносилась, что даже ночью в ней было стыдно идти. А на плечах уже светились звезды капитан-лейтенанта.

Заказать-то все это он заказал, а забрать — некогда. Корабль ходовой, — чаще в море, чем на суше. Да и лень-матушка, родившаяся гораздо раньше него, мешала сходить в ателье.

Так пролетали недели, шли месяцы.

После очередного подъема флага командир обратил внимание на затрапезный вид офицера.

— Молоканов, — здесь командир употребил несколько крепких выражений для придания разговору чрезвычайной серьезности, — вы когда последний раз шили обмундирование? А на себя в зеркало давно смотрели? Может и в город так ходите? Старпом, — командир, краснотой лица и шеи сейчас походил на синьора Помидора, обратил свой взор на стоящего сзади старшего помощника, — вы проверяете у офицеров форму одежды, в которой они сходят на берег? Или вам на все это наплевать? — распалялся он, — Через десять минут построение офицеров и мичманов в повседневной форме одежды. Разойдись! Время пошло!

По кораблю понеслась команда: «Офицерам и мичманам приготовиться к построению на юте. Форма одежды — повседневная».

Через десять минут, блистая красотой, офицеры и мичманы предстали перед командирскими очами. Коля Молоканов с багровым, как свекла лицом, вышел в том же, в чем выходил на подъем Военно-морского флага.

Квадратная фигура командира приобретала округлую форму, лицо насыщалось зловещими кроваво-синими тонами. Он прошел вдоль строя.

— Мичмана и командиры групп, свободны.

Командиры боевых частей и начальники служб обреченно ждали расправы над товарищем.

Лицо старпома тоже начало буреть. Он задним местом чувствовал, что через минуту вместе со штурманом может стать евнухом.

— Я уже не знаю, что по этому поводу можно еще сказать? — начал Шевченко издалека, — Молоканов, будьте так любезны, выйдите, пожалуйста, из строя на три шага. Пусть ваши товарищи полюбуются вами. Или этим товарищам, включая и старшего помощника, глубоко все равно как выглядит советский офицер? Так я понимаю? — жуткий крик сотряс атмосферу, — У вас совесть, товарищ капитан-лейтенант, или стыд, на худой конец, есть? Или вместо всего этого у вас хер между ног вырос? Все, о чем я сейчас говорю, касается и старпома. Это же надо умудриться, так распустить корабль!

Челюсть старшего помощника начала выдвигаться вперед. Он ходил сзади командира, как зверь за дрессировщиком.

— Помощник по снабжению, вы, согласно нормам вещевого довольствия, все выдали офицеру? Или налево пустили? Вижу, что на вашу форму муха еще не садилась. И почему она пошита из сукна старшего офицерского состава? Не рановато ли, товарищ старший лейтенант? Старпом, проверить вещевую службу. До пуговицы! До носка! А вы, помощник, после построения зайдете ко мне с вещевым аттестатом Молоканова. И свой не забудьте прихватить. Посмотрим, какими нормами сейчас живут дипломированные военворы?

Можно было даже не ставить на зеро, что следующий акт командир совершит с доктором. А с кем же еще, не с артиллеристом же или механиком?

— Доктор, а вы кроме сна, еще чем-нибудь занимаетесь? На корабле что-нибудь делается?

Начмед стоял и молчал. Как можно ответить на вопрос ни о чем? Конечно, на корабле что-то делается. Но что конкретно хочет услышать командир?

— Я не слышу ответа.

— А что я должен ответить? Я не понял вопроса.

— Не прикидывайтесь дурачком. Что конкретно вы делаете?

— Перечислить все, чем занимается медслужба или вас интересует что-то конкретное?

Новый выброс командирского адреналина вновь сотряс вселенную.

— Вы на утреннем построении телесный осмотр проводите? Обращаете внимание на внешний вид личного состава и своих товарищей.

— Телесный осмотр проводим во время помывки личного состава в бане, в субботу. На утреннем построении проверяем чистоту рабочего платья, осматриваем внешний вид и стрижку ногтей.

— Когда вы уже научитесь отвечать по-военному? Старпом, — старший помощник тоже не давал ему покоя, — с офицерами и мичманами давно занимались строевой подготовкой? Некоторые уже даже начали забывать лаконичный военный язык и то, что носят на плечах погоны. Завтра, во время обеденного перерыва уделите им внимание. Пусть почувствуют земную твердь. План занятий мне представите с вечерним докладом.

— Есть, товарищ командир, — щелкнул каблуками старпом.

— Доктор, — начмед постоянно попадался командиру на глаза, — чему вы улыбаетесь?

— Я не улыбаюсь, товарищ командир. Просто мое лицо выражает радость и гордость.

— И чему вы радуетесь?

— Жизни, товарищ командир.

— А гордитесь, что служите с таким офицером, как Молоканов? Вы как давно его осматривали? Может он уже завшивел, а тело покрылось коростой? Если все нормальные люди гниют с головы, то он с ног. Здесь тоже, как я по-

нимаю, военная медицина бессильна? После построения проведите тщательный телесный осмотр этого, с позволения сказать, офицера. Проверьте все, от головы до лобка. Не забудьте о подмышках и усах. И непременно обратите внимание на его ноги. Может их запах прочистит вам мозги. Я уже боюсь идти домой. Вдруг заразу принесу. А вам все весело. Об осмотре мне доложите рапортом.

Командир повернулся к штурману. Новая волна гнева напрягла его череп.

— Штурман, (далее опять шли такие обороты речи, которые значительно расширили и пополнили и без того богатый матерный флотский сленг), вы понимаете, шахтер из забоя выходит чище, чем вы передо мной сейчас стоите? Брюки так засалены, что вот-вот сломаются. Вы что в этом спите? Тужурка затерта до зеркального блеска. На вас даже больно смотреть, от того, что вы свет не поглощаете, а рассеиваете. Вам бы в цирке в этом костюме выступать, а не на флоте служить. Когда вы шились последний раз?

— Я уже пошился, — выдавил из себя Молоканов, — Только забрать надо.

— А ну, принесите мне квитанцию. Вам же обмануть, что два пальца об асфальт. Не хочу выглядеть потом дураком. Это старпом вам всецело доверяет. А вы на его шее все ездите. Так, Александр Николаевич? — командир снова зло поглядел на старшего помощника.

Штурман, неспела, пошел в каюту.

— Вы можете ногами быстрее шевелить? Итак, из-за вас час потеряли, — прорвало старпома. Он желал хоть как-то реабилитироваться.

— Старпом, у вас сигарета есть? — командир не курил, но иногда, как девочка-институтка, набирал в рот дым и выпускал его, портя окружающую среду.

Старпом протянул пачку «Примы».

— У кого-то найдется с фильтром? Доктор, вы у нас ближе всех к интеллигентам, что вы курите?

Доктор, молча, протянул пачку «Стюардессы».

— Товарищ начальник медицинской службы, курите дорогие сигареты, а ботинки не чистите.

— Курить, товарищ командир, можно и босиком. Удовольствие от этого не уменьшается.

Ответить командир не успел. Прибежавший Молоканов протянул ему бумажку.

— Что это? — командир долго изучал затертый клочок бумаги, — У нас сейчас по календарю конец октября, а заказ принят восьмого января. Это почти год вы шьетесь? — пошептал он, — Вы нормальный человек? — ругаться у него уже не было сил, — Значит так. Вам штурман я сход на берег запрещаю. И вам, старпом, тоже. Пока вот он, — командир с силой ткнул пальцем Молоканова в грудь, — не будет выглядеть подобающе. Все ясно? Разойдись!

За полчаса до ужина в каюту доктора влетел Пушкин.

— Докторинчик, быстро в кают-компанию! — задыхаясь от смеха, произнес он.

— Это еще зачем?

— Быстрее, иначе пропустишь, век жалеть будешь. Сейчас старпом командиру Молоканова будет представлять.

А получилось так.

Старпом в гневе забрал у штурмана квитанцию и, снарядив в ателье матроса, строго предупредил его, чтобы тот без формы не возвращался.

В ателье форму очень долго искали, но все-таки нашли.

Старый еврей портной в ужасе схватился за голову.

— Молодой человек, без примерки я не могу вам ничего отдать. Видите, здесь рукава только приметаны, пуговицы не пришиты. Это можно человека сделать как угодно: умным и дураком, красивым и страшным, маленьким и высоким. И для того, чтобы скрыть все его недостатки или подчеркнуть достоинства есть мы, портные. Нет, без примерки я вам ничего не отдам. Пусть придет хозяин, с ним все и будем решать.

Моряк начал впадать в уныние. Во- первых, он собирался погулять по городу. Когда придет еще такая шара сойти с корабля. А во-вторых, со старпомом шутки плохи. Из-за этого поганого костюма можно попасть в немилость к старшему помощнику и до конца службы видеть берег с борта корабля.

— Примеряйте на меня, — твердо сказал он, — Мы с ним одной комплекции.

— Ой, как вы меня пугаете, юноша. Я сделаю что-то не так, вы будете в стороне, а виноватым окажусь я, Лившиц Давид Львович, — причитал портной, — Вы понимаете, у меня шьется сам Командующий флотом! Может пострадать моя репутация. Человеку жить в этом костюме. А я возьму и его испорчу. Нет, нет. Пусть приходит сам.

— Понимаете, он не может, — моряк от горя готов был заплакать, — Просил забрать, все как есть.

— Ой, не знаю, не знаю, — опять запричитал портной, — Ну давайте, раздевайтесь. Будем мерить, если вы уверены, что фигуры у вас с ним одинаковы.

Три часа, проклиная судьбу, старпома и штурмана, матрос ждал, пока пришьют рукава, пуговицы, шевроны, погоны, да еще и выгладят офицерскую форму. Время на прогулку у него не оставалось.

И вот наступил второй этап. Представление портняжного искусства командиру.

Мудреного в фигуре штурмана ничего не было. От плеч и до колен окружность его тела была везде одинакова. Лишь от колен ноги иксобразно расходились в разные стороны.

Доктор влетел в кают-компанию. Грустный старпом сидел в кресле, опустив голову. Жизнь отчего-то его явно не радовала. Перед зеркалом стоял штурман. По его красной физиономии обильно тек пот. То, что на нем было одето, вызывало двоякое чувство: у присутствующих — исте-

рический смех, а у обладателя новой формы и старшего помощника — неподдельное горе, ибо сход старпома на берег висел на гнилой нитке, а на сход штурмана старпому было глубоко наплевать.

— Едри ее в дышло, — простонал от увиденного доктор, сползая по переборке и заходясь истерическим смехом. Корчась в судорогах и катаясь по палубе, он рычал, что красота — это страшная сила, но такая красота спасти мир не может.

Картина, представшая перед его глазами, напоминала жизненный период вторжения конкистадоров на американский материк. Колины брюки были настолько коротки, что не доставали до ботинок сантиметра два. Но и это было бы ничего. За счет внутреннего займа они элементарно удлинялись. Но вот тужурка… не отвечала никаким стандартам. Моряк, работавший в качестве манекена, был на голову ниже Молоканова и сантиметров на десять уже в объеме. Таков получился и пиджак. Треть предплечий торчали из рукавов, а застегнутый на все пуговицы штурман напоминал африканский барабан.

Старпом тупо глядел на погибающего от смеха доктора и от безысходности курил сигарету. Теперь ему, стоящему двумя ногами на холме Голгофы, было можно все.

— Вы страшный человек, товарищ капитан медицинской службы, — обреченно покачал старпом головой, — и не понимаете, что красота только и делает, что требует жертв.

— Доктор, пошел на…, — неистово завопил штурман, но вошедший в кают-компанию командир, не дал начмеду узнать, куда ему нужно было в срочном порядке идти.

— Товарищи офицеры! — скомандовал старший помощник.

Доктор попытался подняться, но стукнувшись головой о стол, вновь рухнул на палубу.

От увиденного, командир вначале потерял дар речи. Но когда она к нему вернулась, он тихо вспомнил мать и грязно выругался.

— Что это, старпом? Где вы все это взяли? — он даже не обратил внимания на то, что старпом курит.

Челюсть старшего помощника опять поползла вперед.

— И вы, товарищ старший помощник, решили в этом выпустить офицера в город?

Под столом раздалось хрюканье.

— А это кто там грязь собирает?

— Это наш доктор, троюродный брат Гигиены и Санитарии, — скорбно проговорил старпом.

— Доктор? — удивился командир, — А что он там делает? Он пьяный?

— Лучше бы он был пьяный, — равнодушно произнес старший помощник.

— Пу… -пу, пуговичку от ширинки потерял, товарищ командир, — послышался плачущий голос начмеда.

— Вы потеряли или штурман? Ну, ищите, ищите, — командир снова перенес свой взор на командира БЧ-1, — Молоканов, вы за год так выросли на флотских харчах или вместе со старшим помощником готовитесь на бразильский карнавал? Доктора туда с собой возьмите. Ему там тоже место найдется. Не зачет, старпом. Делайте что хотите: укорачивайте ноги с руками, срезайте пластами сало, шейтесь по-новому, но через три недели он должен выглядеть достойно.

Через три недели, в новой форме Николай сошел на берег. Путь его пролегал через ресторан. Вскоре на тужурке появились первые масляные пятна от салата, а на брюках от вина.

ПАСХАЛЬНЫЙ ПАДАРОК

В далекие советские времена все жители необъятной страны были атеистами. Но все же это не мешало им чтить и праздновать религиозные праздники, несмотря на явный запрет.

В воскресенье на Пасху Александр проснулся необычно рано. Часы показывали двадцать минут шестого.

— И чего людям в выходные дни не спится? — подумал он, с огорчением ворочаясь с боку на бок, — Как на работу идти, — голову от подушки не оторвать.

Сон исчез, будто его и не бывало.

Полежав еще немного, он встал, прошелся по своей небольшой квартире. Жена и дочь мирно спали.

Сегодня к обеду должны быть гости. Но до обеда еще ой сколько времени! Все вроде бы к встрече готово. Водка закуплена, холодец сварен, мясо замариновано, яйца покрашены. Осталось картошку сварить, да салаты нарезать. Но на это есть женские руки.

От незапланированного безделья его вдруг осенило сходить на рынок.

— Хоть зелени куплю, — подумал он одеваясь.

Утренняя прохлада забиралась под куртку. Александр ускорил шаг, чтобы согреться. Нужный трамвай не заставил себя долго ждать.

Рынок жил своей голосистой жизнью. Побродив между рядами, он купил петрушки, укропа, приценился к салу, взял пару килограмм яблок. Ноги сами собой привели его на площадку, где продавали живность.

Пять лет назад ему дали от завода дачный участок под Зеленогорском. А мужик он был домовитый. Не откладывая в долгий ящик, построил шикарный дом, возвел хозяйственные постройки, окультурил землю. Даже завел кое-какое хозяйство: держал пяток курочек и десяток кроликов. Худо-бедно, а свежие яйца и мясо все-

гда были на столе, не говоря уже об овощах, фруктах и ягодах.

Он остановился у клеток, где продавали поросят. Маленькие, розовенькие, как цветы у шиповника, шустренькие и потешные. Они напомнили Александру далекое довоенное детство, где в Вологодской области они с отцом от зари до зари трудились, чтобы прокормить огромную семью. Уже двадцать с лишнем лет он живет в Ленинграде. От далекого деревенского детства остался лишь окающий говор, да тяга к каторжному труду.

— Мужчина, чего стоим, мечтаем? Берем поросенка, не раздумываем. Какого вам выбрать? — от голоса продавщицы Саша вздрогнул, — Поросята месячные. Все привиты. Возьмите, не пожалеете.

— И сколько же один стоит?

— Тридцать пять рублей.

— Дорого, — почесал он затылок, — А-а-а! — махнул рукой, — Давайте. Только в чем я его понесу?

— Не волнуйтесь, мужчина, — засуетилась продавщица, — Я вам и тряпку дам завернуть… А хотите коробку… Советую под курточку его положить. Он согреется и уснет. Вам далеко везти?

— На Народную… За Володарский мост, — проокал Саша, запихивая покупку под куртку.

— Не так уж и далеко. Мигом доедете. Пусть растет, — улыбнулась она, пересчитывая деньги, — Спасибо за покупку! Покупаем поросят! — прокричала она в сторону проходящих женщин.

Поднявшийся ветер с Невы гнал прохладу и пронизывал до костей. Мысль о трамвае сразу исчезла. Александр поймал такси и вскоре был дома. Подойдя к двери, он заглянул за куртку. Поросенок, пригревшись, спал как малое дитя. Саша от умиления нагнулся и поцеловал его в пятачок. Благодарственно хрюкнув, тот еще крепче при-

жался к груди своего нового хозяина. От такого доверия глаза мужчины увлажнились слезами.

Тихо открыв дверь, он вошел в квартиру.

— Саша, где ты был? — донесся из кухни голос жены, — Мой руки и садись к столу. Мы завтракать собираемся.

Раздевшись, он бережно поставил покупку на пол. Та встрепенулась и, скользя копытцами по линолеуму весело хрюкая, побежала осматривать новую обстановку.

— Ты поросенка купил? Какая прелесть! — жена, Валентина, прижала руки к груди, — Галина, — крикнула она пятнадцатилетней дочери, — иди, посмотри, что отец принес! Только где он жить будет? Тут он нам все перевернет.

— Ой, — взвизгнула радостно дочь, — давайте его Тарасиком назовем, — Тарасик, иди ко мне!

— Завтра утром отвезу его теще. Поживет пока у них в сарае. Все равно они скоро на дачу перебираться будут. Вместе с ними и отвезем его туда, — Александр говорил, продумав все основательно.

А поросенок, пока обсуждалась его судьба, неистово носился из угла в угол, создавая невероятный шум, постоянно путаясь под ногами.

— Саша, отнеси его пока в ванную, да садись, завтракать будем. Там и тепло, и темно. Пусть пока поспит. На пол только брось чего-нибудь, хоть свою старую телогрейку, чтоб ему помягче было.

Александр заботливо расстелил у батареи старый ватник, положил на него поросенка и закрыл дверь. В квартире сразу стало тихо.

Семья села к столу. Почистив крашеные яйца, хозяин налил себе стопку водки.

— Христос воскрес! — торжественно произнес он, поднося рюмку ко рту.

— Во истину воскрес! — ответили жена и дочь.

В это самое время за стеной что-то громыхнуло, раздался жуткий визг… и все затихло. Завтрак мгновенно отошел на второй план. Все мгновенно сорвались со своих мест и бросились в ванну.

Отступя на минуту от своего повествования, хочу сказать, что семья проживала в «хрущевке». Тот, кто не знает что это такое, могут легко себе представить льва, живущего в клетке для попугая. Все комнаты в этих домах настолько малы, что в них и один человек пребывает в тесноте.

Александр включил в ванной свет. Поросенка нигде не было, только слышалось отдаленное тихое постанывание. Он лег на пол и стал спешно все выгребать из-под ванны. Хлама оказалось столько, что вскоре им заполнился весь коридор. В свете фонарика в дальнем углу виднелись лишь две маленькие ножки и похожий на змейку хвостик. Кое-как дотянувшись, он схватил животное за ногу и потащил на себя. Тело издало душераздирающий визг, но не продвинулось, ни на сантиметр.

— Может снизу его как- то пропихнуть? — подала мудрый совет жена.

Александру идея понравилась, и он спустился к соседям, что жили под ними. Но этот поход в люди ничего кроме разочарования не дал.

Вернувшись домой, Александр выпил рюмку и, взяв топор, со всей пролетарской ненавистью начал им долбить в стенке дырку со стороны кухни. Камни и пыль скоро заполнили все помещение. Жена и дочь не успевали выносить этот мусор на улицу. Наконец образовалась огромная дыра. Картина во всех отношениях выглядела удручающе. Голова поросенка застряла в перекрестье труб, идущих сверху вниз и параллельно полу. Просунуть туда ее он просунул, а назад не пускали уши. То ли от предчувствия скорого освобождения, то ли от света божьего, а может и от горячих труб он снова завопил как оглашенный.

— Галина, ты давай освобождай ему уши, а я отсюда за ноги стану его тащить, — донесся голос отца.

Операция по избавлению несчастного животного началась. Спасатели распластались на полу и приступили к выполнению гуманной миссии. Один лежал на кафеле в ванной, другая — в куче цементной пыли на кухне. На первых порах аккуратно, потом уже с остервенением, Галя стала загибать уши Тарасику вниз, чувствуя, как под пальцами трещат хрящи. Поросенок визжал, как резаный. Люди, услышав этот жуткий крик, цепенели от ужаса. Кто-то из сердобольных даже вызвал милицию.

В конце концов, уши несчастного были просунуты под трубы. Александр изо всех сил дернул поросенка на себя и тот оказался на свободе. От грязи из розового красавца он превратился в черно-серого уродца, с ушами, висящими как у спаниеля. Кстати, уши у него не поднялись до конца его жизни.

На уборку квартиры времени уже не было. Кое-как протерев пол и переодевшись, они в спешном порядке стали накрывать на стол. Начали подходить гости. Представителя фауны положили в спальню под батарею и прикрыли старым одеялом. Умаявшееся животное моментально уснуло.

За столом сидели долго и весело. Пили сразу за все, ели с большим аппетитом и пели с душой. Была уже глубокая ночь, когда пьяные, но счастливые гости, слегка надоевшие хозяевам, стали расходиться. Поросенок, услышав шум, мгновенно проснулся и под общий смех весело носился из одной комнаты в другую.

— Саша, давай его выкупаем, а то он перепачкает нам всю квартиру, — забеспокоилась супруга, набирая в таз теплой воды и бросая туда стиральный порошок.

То ли от необузданной радости, то ли от нового потрясения, но Тарасик бил по тазу задними ногами с таким остервенением, что вскоре все стали мокрыми с ног до головы, а у соседей с потолка потекла вода.

Валентина вытерла его насухо полотенцем.

— Галька, — сказала она утвердительно, — ложись. Я положу его рядом с тобой.

— Я со свиньей спать не буду, — тоже утвердительно заявила дочь, — Меня потом замуж никто не возьмет.

— Хорошо. Отец уже спит, вот ему свинью и подложим под бок.

Поросенок снова затих, уткнувшись пяточком в подмышку хозяину, и деловито там зачавкал. Александр даже не пошевелился, храпя с такой силой, что дребезжали стекла. Мать легла с дочерью. И как только их дыхание стало ровным, в коридоре послышалось цоканье копыт и хрюканье.

— Мама, я в таких условиях спать не могу. Отец храпит, поросенок хрюкает… Надо что-то делать.

Мать встала и зажгла свет.

— Саша, — начала она будить мужа, — проснись, наконец. Скотина жрать хочет. С раннего утра ничего не ела, а скорее всего с вечера. И в доме ни капли молока. Иди, пройдись по соседям, может у кого-то найдется грамм двести.

— А сколько время? — Александру очень не хотелось вставать.

— Тебе какая разница? Без десяти два. Тогда не надо было и покупать, если заниматься не хочешь. Вставай уже! — затрясла она его.

Он поднялся и с закрытыми еще глазам, в пижаме пошел к двери. Минут через сорок глава семейства вернулся, держа в руках стакан, в котором на четверть белело молоко.

— Ни у кого ничего нет. Вот, у Борьки Степанова, все что осталось. Обошел весь дом.

— Давай сюда, животновод! — она вылила молоко в миску, разбавила его теплой водой для увеличения объема, покрошила хлеб и ткнула туда поросенка носом. Тот пофыркал, а потом одним махом все опорожнил. И тут его понесло. Видно только сейчас к нему пришел настоя-

щий голод. Он бегал из угла в угол, жутко визжа и прыгая на стены.

Александр молча обул сапоги, заправив в них пижамные штаны, накинул на плечи телогрейку, одел берет и положил поросенка в мешок. Для верности мешок запихнул в рюкзак. В таком одеянии, да еще с черной бородой, он походил на кубинского революционера, но одновременно смахивал и на вора-рецидивиста. Закинув поклажу за плечи, он направился к выходу.

— Отвезу теще. Там поживет. Все равно им скоро надо будет переезжать на дачу. И поросенка заберут туда.

Он вышел на улицу и направился к стоянке такси. За спиной постоянно раздавался тихий жалобный стон. Часы показывали три часа ночи.

Минут через десять подошла машина. Александр сел на заднее сидение, положив рюкзак на колени. Поросенок издал визг.

— Что там у тебя? — с опаской спросил таксист.

— Сейчас покажу, — он развязал рюкзак и растянул мешок, — Поросенка вчера купил, а он спать не дает. Отвезу его старикам. Поехали на проспект Обуховской обороны.

Через четверть часа Александр открыл ключом сарай, выпустил туда свою покупку, переполошив трех кур с петухом, Заперев дверь, он написал записку, чтобы утром не забыли покормить животное и на той же машине вернулся домой.

Проснувшись, тесть вышел покурить и поболтать с рыбаками (сарай стоял около самой речки), а заодно бросить зерна курам. За дверью что-то жалобно пищало. Холодок пробежал по его спине, — Не ребенка ли подбросили?

Не успел он открыть дверь, как ему на грудь бросилось что-то маленькое, синее и холодное. Дедушка в страхе отпрянул назад и, зацепившись за порог, со всего маху грохнулся на землю задавив курицу и сильно ударившись голо-

вой и локтем. А поросенок, дрожа всем своим маленьким телом, тыкался в лицо и неистово визжал. Дед схватил его, засунул за пазуху и быстро замельтешил домой.

— Мать, — крикнул он с порога, — Сашка ночью, наверное, приезжал. Смотри что привез, — и поставил на пол измученное животное, — Грей молоко! Его надо отпаивать! А что это у него на спине написано? — он надел на нос очки, — Та-ра-сик, — прочитал по складам, — Видишь, Тарасиком назвали. Галина, по всей вероятности, написала. Не стой, кормить его нужно. Он и промерз, аж посинел, и есть хочет. У него сил совсем нет. Кричать не может, только стонет. И я башкой треснулся и локоть зашиб. Даже рука не гнется.

Супруга быстро разогрела молоко, налила в алюминиевую тарелку, поставила на пол и сунула под нос поросенку. Тот с большой жадностью стал из нее хлебать. В это время второй представитель животного мира, кот Урсик, из ревности, а может из жалости к брату своему меньшему, прыгнул на спину кормящей женщины и в исступлении стал рвать на ней платье и кожу. Теперь бабка верещала как бешеная, а кот, зверея от ее крика, превращался в своего далекого предка. Дед, тоже обезумев от увиденного, схватил со стола тарелку с кашей и со всего размаха ударил кота. Тарелка разбилась, дополнительно порезав и без того израненную женщину. Не остывшая каша растеклась по кровоточащей спине. А Урсик, взвыв от боли, скрылся под диваном.

Вызванная скорая помощь отвезла бабушку в больницу, где ее долго шили хирурги, а потом еще дольше лечили в стационаре. А дед, с переломом в локтевом суставе и гематомой на голове остался на хозяйстве.

Только через полтора месяца пожилые люди смогли поехать на дачу со всеми своими пожитками, воинственным котом и доставившим всем столько хлопот поросенком.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ БУДНИ

После окончания Одесского института пищевой промышленности Леша Бонусовский в свой родной городок не попал, как ни старался. Распределили совсем в другое место, правда, на хорошую должность, — начальником комбикормового завода при большущем элеваторе, который располагался не очень далеко от родных мест. Завод находился в стадии достройки, поэтому Алексей всю свою кипучую энергию направил на установку оборудования, ее наладку и подготовку к эксплуатации. Заодно занялся подборкой кадров. За все это время поднаторел в работе, оброс руководящим опытом и досконально изучил производственный процесс. А производство, действительно, было огромным. Оно должно было давать почти тысячу тонн комбикорма в сутки. На все про все это заняло без малого год.

И вот завод заработал на полную мощь, давая корм животноводческой промышленности.

Бригада контроля за бесперебойной транспортировкой зерна из вагонов и прочих злаков, применяемых для изготовления этого самого комбикорма, состояла сплошь из женщин. Их главный командный пункт располагался в самой высокой точке элеватора, на девятнадцати метровой высоте. Работа не тяжелая, не совсем пыльная и достаточно высокооплачиваемая. И все-таки имелся один недостаток, точнее неудобство. На этом этаже не было туалета. Днем худо- бедно можно было и спуститься вниз, а вот ночью… И с другой стороны, все эти женщины были далеко не первой молодости. Много не набегаешься. Попробуй-ка почти по вертикальной лестнице спуститься вниз, а потом взобраться обратно. Не каждому юнцу такое под силу. И ведро под это дело не приспособишь. Поднять его наверх можно, а вот спустить — обольешься вся. Поэтому справляли женщины свою нужду по разным углам,

отчего на этаже, да и не только на нем, жутко пахло мочой. За это Бонусовского постоянно склоняли во всех инстанциях, но предложений по улучшению данного положения, ни от одного руководителя не поступало. Мол, ты начальник, ты и думай. Алексей на первых порах со всеми беседовал, потом корил, затем истошно орал и даже наказывал рублем, но положение вещей от этого практически не менялось. Женщины тоже понимали это. Они даже начали приносить с собой пустые баночки из-под консервов. Сделал дело — и в окно. Но где взять столько баночек? Вот вопрос. Не подбирать же их обратно. А вдруг не твоя. Противно.

Ситуация не менялась и походила на тупиковую.

После очередного раздолбона Бонусовский пулей влетел на девятнадцатиметровую высоту. Заикаясь и матерясь, с пеной у рта он набросился на помертвевшую от ужаса дежурную. Разобрать, что он изливает из себя, было невозможно, но ясно одно — так дальше жить и работать нельзя.

Дежурная пятидесятидвухлетняя женщина, не единожды битая жизнью и мужем, мать двоих взрослых детей и бабушка трех внуков, такой ужас испытала впервые и находилась в предобморочном состоянии. Но Бонусовский вовремя остановился и, с горечью плюнув на пол, стремглав спустился вниз.

Утром его нашла вчерашняя дежурная. По ее отечному лицу катились слезы.

— Алексей Иосифович, — зарыдала она, — меня увольняют, — и ее рыхлое тело забилось в судорогах плача.

— Кто? За что? — ничего не понял Бонусовский.

— Начальник смены, — выдавила она из себя

— Да что случилось-то? Объясните толком.

— После того, как вы вчера ушли, мне сразу захотелось в туалет. Но я терпела. А в десять вечера стало невмоготу, — начала свою исповедь несчастная женщина,

обливаясь слезами, — Было уже темно. Я и вышла на пожарную лестницу, ну и…, — она всхлипнула и замолчала.

А произошло следующее. Начальник смены, Ефименко Виталий, молодой, энергичный и шобутной парень, уговорил учетчицу Валю. Для совершения утех он привел ее в самое темное место, под пожарную лестницу, и приступил к удовлетворению обоюдных желаний. Когда страсть начала набирать обороты, сверху что-то полилось на голову Виталия и спину Валентины.

— Как этот дождь не вовремя, — огорченно подумал Ефименко, поднимая голову и щуря глаза. Капли попали на лицо. Он облизал губы и почувствовал соленый привкус. Понюхав жидкость, он сразу понял, что это не вода. Бросив ничего не понявшую, разгоряченную подругу, он стремглав поднялся в дежурку. Что там было, история умалчивает, но то, что он сорвал голос и не разговаривал неделю — это точно. Женщина от такой встряски снова захотела в туалет, но уже по большому.

Тут уже лопнуло терпение у Бонусовского. Он написал огромное, гневное письмо директору, секретарю партийной организации, в профсоюзный комитет о бедственном положении сотрудниц, добросовестно выполняющих свой профессиональный долг на благо великой Родины. Если меры не будут приняты, он грозил обратиться в более высокие инстанции

К голосу разума, наконец, прислушались. В дежурной комнате соорудили кабинку, поставили в ней унитаз, а снаружи ко всему этому подвели огромного диаметра трубу, которая уходила своими корнями в заботливо вырытую глубокую яму, прикрытую бетонной плитой. Правда зимой пару раз все это замерзало и забивалось. Но это были уже детали.

ЖАЛОСТЬ

У каждого человека свои привычки, свое хобби, свое видение мира. Одни собирают марки, другие коллекционируют пуговицы, третьи запоем читают, а есть и такие, которые пьют. И тоже запоем.

Лида любила мужчин. И не потому, что в ней обитала какая-то животная страсть. Вовсе нет. Просто она никому не могла отказать. Слово «Нет» в ее лексиконе отсутствовало. Их всех ей было жалко. Как можно отказать просящему человеку?

Есть такая категория жалостливых и добросердечных женщин. И что характерно, она от них ничего не просила, не имела никаких благ, а лишь отдавала себя. У нее даже мужа не было. Но дети, правда, были. Аж трое! А вот от кого — и для нее это оставалось загадкой. Хотя кое-какие догадки имелись. Но они так и остались догадками.

Трудилась Лидия на элеваторе, следя за бесперебойной работой транспортера. Загруженность небольшая: включи-выключи и присматривай, чтоб зерно не сыпалось на пол. В это самое время она и проявляла свою жалость к мужчинам. А они, как мухи на сладкое, так и липли к ней. И отдавалась Лида им, где придется: в кладовой, темном углу, под лестницей, короче, везде, где только можно и нельзя.

И стали начальству поступать жалобы от более стойких женщин на подобное безобразие. Мол, безнравственно, пошло и, вообще, полный разврат.

У директора комбикормового завода к Лиде по работе претензий не было. Все она успевала и даже имела за добросовестный труд две благодарности и грамоту.

— Лида, — директор вызвал ее в свой кабинет, — на тебя поступают жалобы. Как бы это помягче выразиться. Короче, с мужиками ты путаешься, где попало. У тебя недержание или бешенство матки? Что это за безобразие?

Прекратить немедленно! Ты у меня числишься в хороших работниках и на тебе… А то не погляжу, что у тебя трое детей, и выгоню! Поняла? Все, иди.

— Алексей Иосифович, — зарыдала Лидия, — не могу я им отказать. Они же просят. А мне их жалко. Вот и даю. Кто же их пожалеет, кроме меня?

Директор насупил брови и долго молчал что-то соображая. Наконец обозначив в голосе металл, строго изрек, — Лида, в цеху я тебе запрещаю этим делом заниматься.

— А где можно, Алексей Иосифович? — наивно спросила она всхлипывая.

— Где? — директор опять задумался, — Если не можешь отказать, иди в посадку, — он показал пальцем в сторону окна. Поняла?

— Поняла, Алексей Иосифович. Спасибо, — поклонилась она и, пятясь, выскользнула из кабинета.

Ровно через неделю к директору влетел взъерошенный прораб.

— Иосифович, ЧП! — выпалил он с порога, — Трансформатор встал. Зерно засыпает цех.

— Кто на смене? — вскочил как ужаленный директор.

— Кто, кто… Лида разумеется. Только ее нигде нет. С кем-нибудь опять…, — он изрек бранное слово, — Гнать ее надо в шею, — начальник смены опять грязно выругался. Потом подумал и еще раз выругался, — Я все отключил. Сейчас немного расчистим вручную, а потом займемся мотором. Видно что-то сгорело. Запах гари слышен. Работы минимум на час. Вы команду дайте, чтобы переработка временно тоже передохнула, — и он выбежал из кабинета.

Минут через десять в кабинет к директору вошла красная как рак Лидия.

— Где ты была? — набросился на нее такого же цвета начальник, — Ты видела, что из-за тебя произошло?

— В посадке, Алексей Иосифович.

— Что ты там делала во время рабочего дня? — взревел директор.

— Вы же сами мне разрешили этим заниматься только в посадке. Вот я туда и пошла. Простите, пожалуйста. Ну, вы же разрешили…

И именно сейчас директор понял, что не каждое милосердие верный путь к добру. Сам разрешил, сам теперь и расхлебывай. Но выговор все-таки объявил. На всякий случай. Не премии же лишать человека, у которого трое детей. И еще запретил чем-либо подобным заниматься в рабочее время.

На время все затихло. Но только на время. Жалостливое и доброе сердце очерстветь не может.

ЗВЕЗДНАЯ БОЛЕЗНЬ

Отслужив три года на севере на большом противолодочном корабле торпедистом, Леонид Коваль вернулся домой. Погуляв, как водится, с месячишко, он решил продолжить свою трудовую деятельность технологом на родной фабрике, где трудился до службы после окончания техникума легкой промышленности. Увы, его прежнее место оказалось занятым. Начальник отдела кадров, отставной майор, проявил не свойственную кадровикам сердечность, пожалел парня, предложив ему должность прораба на стройке жилого корпуса психиатрической больницы. Поначалу Леонид сопротивлялся, но потом согласился. И как оказалось — правильно. Работа на свежем воздухе, заработок приличный… Да и свобода в своих действиях, что для молодого человека немаловажно. Больница располагалась вдали от населенного пункта, в бывшем купеческом доме с шикарным парком, обне-

сенным современным высоким забором. Природа, цветы, трели птичек делали это место просто сказочным. Не портя эту идиллию, по парку бродили не буйные больные. Одни просто гуляли, другие постоянно мели дорожки, третьи ухаживали за цветами… Короче, каждый был при деле. А за всем этим процессом трудотерапии бдительно наблюдали огромные санитары.

Коваль быстро вник в рабочий процесс. И ему это дело даже стало нравиться.

Он сидел в вагончике голый по пояс, в шортах и что-то писал, когда без стука к нему вошел представительный мужчина в очках, светлых брюках и клетчатой рубашке.

— Вы прораб? — спросил тон

— Да, — Коваль встал из-за стола.

— Почему машину не разгружаете? — около вагончика действительно стояла грузовая машина, груженая кирпичом. Ждали только рабочих, — Вы знаете, что бывает за простой транспорта? — мужчина медленно приближался к Леониду, — Почему такая безответственность? На своем ли вы месте находитесь, молодой человек? Вам не кажется, что за такой простой автотранспорта лично вам придется заплатить государству из своего кармана? — сыпал обвинительные вопросы представительный мужчина.

— Понимаете, — начал оправдываться Леонид, вытирая со лба пот, — машина только подошла. С минуты на минуту подойдут рабочие для ее разгрузки.

— Молодой человек, у вас такая должность.., — мужчина повертел в воздухе пальцем, — Пора уже научиться мыслить по государственному, а не искать оправданий. В сталинские времена вас за такое бы к стенке поставили. Вот я сейчас…

— Рубашкин, — в вагончик вошел санитар, — ты чего здесь делаешь?

— Я…

— А ну пошел отсюда прочь!

Представительный мужчина побледнел, попятился к выходу и выбежал прочь.

— Что он вам тут наговорил? — поинтересовался санитар.

— А кто это был? — в свою очередь поинтересовался Коваль.

— Наш больной с начальственной манией.

— А я думал…

— Еще раз придет, гоните его в шею. А то он может до инфаркта довести. Только не бойтесь его. Он не агрессивный, — санитар повернулся и тоже вышел.

— Рубашкин, — донесся до Леонида голос представителя медицины, — а ну быстро подошел ко мне.

— Фу, — Коваль вытер катящийся по лицу пот, — и правда можно схлопотать сердечный приступ. Он нервно закурил и вышел на улицу.

Все так же весело щебетали птицы и ласково светило солнышко. Он с хрустом потянулся.

— Где эти долбанные рабочие? Надо побыстрее разгрузить кирпич. Не дай Бог, и правда кто-то из руководства придет. По голове точно не погладят.

КОНФУЗ

Саня Белый, учась в институте, крутился как заводной. Денег катастрофически не хватало. Из дома большой поддержки ждать было бесполезно. Родители сами перебивались с хлеба на воду.

Ночами он и сторожил, и вагоны разгружал, и улицы убирал, и даже развозил по магазинам товар. Сейчас он устроился на Одесскую киностудию помощником куда пошлют. В этот раз его направили собирать декорации, в ча-

стности, оборудовать жилую комнату. Работа не тяжелая. Берешь панели и скручиваешь их по углам. Если требуется, клеишь обои, ставишь двери и окна, а потом расставляешь все остальное по указанию художественного руководителя. А уже дальше дело тех, кто снимает это кино.

Саня внизу держал две стенки, а его напарник и сокурсник азербайджанец Рашид Алиев стоял на козлах и крепил изделия вверху. Его видавшие виды тренировочные штаны медленно сползали все ниже и ниже, обнажая застиранные семейные коричневые трусы. Высунув от усердия язык, он увлеченно крутил гайки не обращая на это никакого внимания.

В самый разгар работы в салон в сопровождении гида-переводчика вошла кубинская делегация, состоящая из симпатичных, стройных девушек шоколадного цвета. Экскурсовод быстро залопотала что-то по-испански, видимо рассказывая об этапах съемки кино. Девушки, мало обращая внимание на это повествование, с восторгом устремили свои взоры на увлеченного работой Алиева. А тот, никого и ничего не замечая, продолжал увлеченно скручивать. Послышался робкий смешок.

— Рашид, — зашептал Саня, — Рашид, подтяни штаны.

Но тот ничего не слышал. Наконец он опустил голову, — Чего тебе?

— Штаны подтяни.

— Что? — не расслышал он.

— Штаны, говорю, подтяни, — Александр затряс рукой свои брюки и скосил глаза в сторону экскурсантов.

Алиев взглянул на себя и затем обернулся.

— Вах! — простонал он и, бросив конструкцию, обеими руками начал подтягивать спортивные штаны к подбородку, обнажая волосатые ноги.

Дружный смех сотряс салон. А конструкция, потеряв опору, начала медленно клониться в сторону веселящейся толпы. Не подоспей невесть откуда взявшийся прораб, на-

валившийся своей огромной массой на падающую стенку, травматизма и международного скандала было бы не избежать. Алиев же, как загипнотизированный, словно изваяние стоял весь красный, крепко прижимая к подбородку штаны.

Видя нелепость положения, экскурсовод что-то опять сказала не по-нашему и группа, оглашая киностудию заразительным смехом, двинулась в следующее помещение. Когда все ушли, Рашид спустился вниз. Он был весь мокр и источал жуткое зловонье.

— Саша, — произнес он твердо с ужасным акцентом, — если ты хочешь, чтобы мы работали вместе, то теперь я всегда буду работать внизу, а ты наверху. Понял?

— Какие могут быть вопросы, Рашид. Держи теперь здесь, а я сейчас все там закреплю, — и он стал подниматься по стремянке.

НЕБЛАГОПРИЯТНЫЙ ДЕНЬ

Сергей Агеев безумно любил жизнь. И она ему отвечала тем же.

Нет, он не был баловнем Судьбы. Всего он достиг благодаря упорному труду, терпению, любви к профессии и, безусловно, природному таланту. Все, за что он брался, завершал с блеском. Сергей не блистал вызывающей красотой, не походил на известных актеров, его редкие прямые волосы на ветру стояли, как у Незнайки, но улыбка, собрав морщинки у глаз, делала его чрезвычайно привлекательным и каким-то даже беззащитным. Еще он обладал веселым нравом, необузданным задором, неиссякаемым чувством юмора, кипучей энергией и стойким оптимизмом, заражая всем этим своих сотрудников и больных. Отчего

к нему всегда тянулись люди, а больные стремились попасть на прием. Женщины его просто боготворили, а узнав, влюблялись по-взрослому. По специальности он был стоматологом, где, прямо скажем, радости от встречи с врачом никто не испытывает. И стоматологом не просто так: рот открыть, закрыть, сплюнуть. Он имел поистине золотые руки. Руки, творящие чудо.

Во время работы у Сергея рот никогда не закрывался. То анекдот расскажет, то быль какую-нибудь, а то и небылицу придумает. Женщины, а они составляют основную силу стоматологов, рядом с ним казались немыми. И больному куда приятнее слушать голос доктора, чем звук бормашины. Так и время летит быстрее, и не тянется, как резина, а неприятные ощущения становятся терпимее.

Работал он посменно. День до обеда, другой — после…

В этот день он пришел на работу минут на сорок раньше. Барахлила бормашина и он решил проверить ее состояние после ремонта. Профессиональным взором окинув больных, ожидающих вызова к своему врачу, его взгляд остановился на женщине около сорока лет в коротком джинсовом платье и светлых туфлях без каблуков. Ее лицо с короткой стрижкой и челкой, прикрывающей высокий лоб, чуть впалыми щеками, тонкими, но не портящими ее внешности губами и маленьким подбородком было слегка наклонено влево. Голубые глаза источали печаль, а образ смахивал на сказочную Аленушку и даже Зою Космодемьянскую.

Сергей засмотрелся на это дивное, чарующее создание. Сердце старого ловеласа, а ему было уже далеко за пятьдесят, глухо застучало в груди.

— Девушка, пройдемте, пожалуйста, со мной, — сделал он пригласительный жест.

— Сергей Валерьевич, а я первая к вам! — с соседней скамеечки к нему подбежала полноватая дама, — Это маленький презент, — она сунула в руку Агеева увесистый пакет, — Я так довольна…

— Извините, Марина Степановна, — Агеев знал всех своих пациентов по имени и отчеству, — но эта особа от самого…, — многозначительно прошептал на ухо пациентке Сергей и для убедительности поднял палец вверх, — После нее сразу же приму вас. Проходите, проходите, девушка. Не задерживайте очередь.

Посадив женщину в кресло, Сергей тщательно, как никогда, вымыл руки, надел на лицо маску и, мимолетно взглянув в амбулаторную карту, улыбнувшись, произнес, — Ротик, пожалуйста, Евгения Ивановна, откройте.

Скрупулезно осмотрев полость рта, он для верности постучал по зубам зеркалом, поковырялся крючком и, не обнаружив к своему великому огорчению большой патологии, грустно изрек, — Как вовремя вы ко мне пришли. Не пугайтесь. Страшного ничего нет. Но…- и он перечислил массу несуществующих аномалий. Придется вам походить ко мне минимум недели две, а может и побольше.

— Доктор, но у меня немного откололся клык слева. Разгрызала орех, — слегка порозовев, произнесла женщина.

А у Агеева уже зародилось неодолимое, здоровое мужское желание. Тут он проявил столько красноречия и непонятных медицинских терминов, что у пациентки на лбу появилась испарина.

— Да вы не волнуйтесь, Женечка. Все будет замечательно. Поправим, подлечим… И проблемы исчезнут минимум на двадцать лет, — заразительно засмеялся он, — Вы мне доверяете?

— Конечно. Вы же лучший доктор! К вам попасть невозможно.

— Так больше никогда не говорите, а то коллеги меня возненавидят, — он снова засмеялся.

И стала ходить Евгения Ивановна к доктору Агееву каждый день, погружаясь в его обаяние все больше и больше. И уже в ее сердце запылал негасимый пожар любви.

Наконец, все случилось, как случается у всех; с поцелуями, стонами, клятвами и словами о вечной любви. Стали они встречаться. Не часто, правда. Но от этого их встречи были еще слаще.

Утром Сергей встал рано. Они с Женей договорились встретиться в центре в девять часов.

— Ты куда это так рано собираешься? У тебя же вторая смена, — поинтересовалась жена.

— Хочу заехать в межбольничную аптеку. У них появился новый немецкий пломбировочный материал. С ними уже договорился. А то разберут и придется работать отечественным цементом. А он через месяц вываливается. Я же не могу терять имидж. Мне марку держать надо высоко! Надеюсь, хоть это ты понимаешь.

Супруга не обратила внимания на колкость.

— Вот и замечательно! Отнесешь Карасевым наш кухонный комбайн. Уже не работает как месяц. Консервировать пора… И все встало…. Миша обещал его посмотреть. Как раз он сегодня дома. Сейчас я ему позвоню. Не надо будет специально ехать. Живут в квартале от твоей аптеки.

— Клава, может потом, когда машину из ремонта заберу? Тяжесть-то, какая!

— Не переломишься! Маршрутка под домом останавливается. И там сорок метров пройти. Велик труд..! Спорить по этому поводу не будем, — строго вымолвила Клавдия.

Агеев взглянул на часы. Время поджимало. Он давно понял, что перечить бессмысленно. Но вся эта канитель не входила в его планы.

— Давай свой аппарат. Я уже опаздываю!

— Вон он, в коробке под столом стоит. В сумку хозяйственную положи и иди. Тебя никто не держит.

С тяжелым сердцем и неимоверно тяжелой поклажей Сергей, хлопнув дверью, пошел решать сердечные и семейные дела.

— Сереженька, ты чего это с такой тяжелой сумкой пришел ко мне? — прошептала Евгения, целуя нежно Агеева в губы, — Что случилось, милый?

— Понимаешь, я жене сдуру сказал, что еду в аптеку за пломбировочным материалом, а дома так некстати поломался кухонный комбайн. Рядом с этой аптекой живут наши друзья. Михаил занимается ремонтом бытовой техники. Вот мне и навязали оттарабанить эту бандуру, — Сергей в горечи пнул сумку ногой.

— Куда ты сегодня, Женечка, меня поведешь, — поинтересовался Агеев, уходя от неприятного разговора.

— Даже и не знаю, что тебе предложить, мой хороший. У меня тоже сегодня неприятные для нас обоих новости. К Светке мать приехала, у брата жена дома, еще и тетка заболела. Вот такие пироги. Может, пойдем, погуляем в парк?

— Пойдем, — невесело произнес Сергей, берясь за неподъемную сумку.

Они сели в маршрутное такси. В салоне оказалось два свободных места — спереди, спиной к водителю, где сел Агеев, поставив сумку между ногами, а другое — в конце салона, куда прошла Женя.

— За двоих, — сразу протянул водителю деньги Сергей.

Маршрутка тронулась. Сумка мешалась под ногами пассажиров. Агеев с содроганием представлял себе предстоящую прогулку. Радости от этого не было никакой. Он бросил взгляд на Евгению. Та влюблено поглядела на него, чарующе улыбнулась. И Сергея вдруг прорвало.

— Девушка, — громко спросил он, явно привлекая внимание окружающих, — вы так и будете сидеть с милой улыбкой? А деньги за проезд за вас Пушкин передавать будет?

Все осуждающе посмотрели на Женю. Она густо покраснела.

— Вижу, что с совестью у вас все в порядке, — Агеев заразительно засмеялся. Он остался доволен произведенным эффектом, — Граждане! Благодарю за проявленную бдительность и молчаливую поддержку. Не будем судить ее строго. Эта девушка со мной… или я с ней. Но тут разницы нет. И я за нее, как джентльмен в девятом поколении, разумеется, заплатил, — он снова расхохотался.

Тем временем такси подъехало к парку.

Парк, пристанище молодых мам, наркоманов и бездомных, жил своей, только ему понятной жизнью. Зеленая листва мирно спала, греясь под нежарким осенним солнцем, ожидая пробуждения ветром, который куда-то запропастился. Лениво переговаривались птицы. Слышались веселые голоса детей. Бесприютные влюбленные бесцельно слонялись по дорожкам. Было тихо и спокойно. Только настроение у Сергея с каждым шагом становилось все хуже и хуже. Пыльная скамейка с оторванной посередине доской стала для него спасательным кругом. Он со злостью бросил на землю ненавистную сумку и, далеко вытянув ноги, блаженно закатил глаза. По его лицу, градом катился пот. Евгения печально посмотрела на возлюбленного.

— Сереженька, зря я тебя сюда привела. Ты только намучился с этой сумкой. Прости меня, дурочку, ради Бога. Давай вернемся, и ты поедешь, отвезешь ее Мише. И я займусь своими делами. А встретимся в другой раз. Хорошо, милый? Пойдем, я провожу тебя и помогу донести твою поклажу до остановки.

— Очень мудрое решение. Я с этой ношей выгляжу здесь полным идиотом.

— Нормально ты выглядишь. Я люблю тебя и таким, — грустно улыбнулась Женя.

— Я тоже себя люблю, но далеко не таким, — попытался отшутиться он, — Сегодня для меня неблагоприятный день. Звезды не на моей стороне.

— Для меня тоже, — она прильнула к его влажной щеке, — Не переживай. Мы с тобой все наверстаем. В следующий раз я такого больше не допущу.

— Когда наступит этот следующий раз?

— Только на следующей неделе. У меня же тоже работа. Я не могу себе позволить отпрашиваться каждый день, пусть и на пару часов. Ты должен это понять.

— Отлично! Я с нетерпением буду ждать твоего звонка. Сегодня, Женечка, ты была необычно хороша, — он снова засмеялся, но уже счастливым смехом.

Подъехала маршрутка. Он быстро поцеловал Женю в губы и скрылся в салоне, помахав ей в окно рукой.

ЭТО — ЖИЗНЬ

Говорят, что в детях счастье, радость, будущее. Не спорю. Но самая большая радость, когда их делаешь. С другой стороны, — ни счастье, ни радость не могут существовать в нормальном человеке вечно. От их переизбытка наступает депрессия. Вечно счастливым и радостным может быть только абсолютный дурак.

Пришло долгожданное лето и родители засобирались на отдых, на юг. А чтобы отдых не был омрачен переизбытком радости и счастья, дочь, пятилетнюю Анну, они с легким сердцем отправили к бабушке в деревню. Пусть тоже порадуется месяца три. Счастьем, как и улыбкой, надо делиться.

Бабушка, Вера Степановна, женщина еще не старая, пятидесяти шести лет, жила в тридцати километрах от города на берегу величавой реки. Схоронив восемнадцать лет назад убитого на афганской войне мужа, она, оставив в городе квартиру сыну, купила в деревне добротный дом

с огромным огородом и садом, перевезла к себе из Винницы престарелую мать, и зажила, ни от кого не завися, добротной жизнью одинокой женщины. Выходить замуж второй раз не собиралась, но и в монашество не ударилась. Случалось, правда не часто, но под утро от нее выходил мужчина. А как без этого? Природа требует. Зачем ее ломать?

И хозяйство свое было. Без этого в деревне нельзя. Помрешь со скуки.

По двору деловито разгуливали куры. Гуси и утки с ранней весны до поздней осени жили на речке, до которой рукой подать, но под зиму обязательно возвращались домой иногда с таким огромным выводком, что мясо приходилось и продавать. Коровка и козочка давали молочко. Сын весной привозил поросенка, а наступали холода, — забивал его, забирая мясо в город, — свинину бабушка Вера не ела. Беспокоила поджелудочная железа. Огород давал овощи, фрукты и кое-какой доход. Все это хозяйство охранял лохматый пес Виктор. А в завершении всего имелись в наличии еще и кошки. Сколько их было, не знал никто, даже не знали сами кошки, но, крысы и мыши в ближайшем окружении не обитали. И чтоб долгими зимними вечерами не томиться, Вера Семеновна поставила на крышу спутниковую антенну.

Так и жила.

Крепко. Можно сказать, зажиточно.

Анютке в деревне нравилось. В городе что: дом-садик-дом. А тут — простор. И главное — все ново, все — в диковинку. Спи — сколько хочешь. Утром яичко в смяточку и кружечка молока, в обед — борщ со сметаной и мясом или куриный супчик. Клубника, черешня, вишня… Ешь, хоть лопни. Вечером рыбка жареная. Она ею даже кормила кошек, когда бабушка Вера выходила с кухни. Даже купаться ходила несколько раз. А подружек, ребят… Целый день босиком. Напрочь забыла, что такое обувь. А как здорово

вечером поливать огород из шланга! Одно было плохо — на ночь прабабушка заставляла пить вонючее козье молоко. А не выпьешь, грозилась отправить в город. А в город Анюте ой как не хотелось. Еще сказки она ей рассказывала на ночь. И такие интересные, аж дух захватывает. Деревенской жизнью Анна была очень довольна.

Тело от такого бытия у Анютки стало округляться, на щеках заалел румянец.

Как-то вечером не заладилась погода, пошел нудный моросящий дождик. Бабушка пошла управляться с хозяйством, прабабушка занялась приготовлением ужина, а Анюта от нечего делать включила телевизор и развалясь в кресле начала на пульте нажимать кнопки одну за другой. В начале с экрана говорили по-украински, потом по-русски, затем пошла совсем не понятная ей речь. Ничего не привлекало внимания, как вдруг на одном из каналов она увидела обнаженных мужчину и женщину. Они стонали и занимались чем-то ей не совсем понятным. Об этом ей правда рассказывала в садике подружка Светка. Но на экране это выглядело куда интереснее. Разинув рот и усердно ковыряясь в носу, она следила за греховными действиями пар затаив дыхание. В кресле Аня уже не сидела, а полулежала, выгнувшись дугой, непрерывно болтая левой ногой. Сколько она находилась у телевизора, сказать трудно, но на улице стало темно. Менялись только женщины и мужчины, а действия мало чем отличались друг от друга, но завораживали. Погруженная в чужую, до конца не осознанную, наигранную страсть, она не заметила, как в зал вошла прабабушка Шура. Она подслеповато осмотрела комнату.

— Ой, Анечка, ты здесь? В доме ни звука. Я подумала, что ты бабушке во дворе помогаешь. А ты телевизор смотришь, ягодка моя? Что там интересного показывают? — и она, прищурившись, уставилась на экран. С каждой секундой глаза ее расширялись от увиденного, — Как

ты можешь такую гадость смотреть, бесстыдница? — от схватившего ее горло спазма она могла только шипеть, — Немедленно выключи телевизор! Я бабушке Вере все расскажу, чем ты тут занимаешься. Сопли под носом не обсохли, а туда же… Маленьким такое нельзя смотреть!

Анюта встала и потянулась.

— Ничего ты, бабулечка, не понимаешь, потому что древняя. Это же жизнь! Самая настоящая.

Выключив телевизор, она, высоко подняв голову и покачивая бедрами, гордо прошла мимо пожилой женщины.

Поздно вечером к ним пришел дядя Леша, живший неподалеку и постоянно приносивший большущую рыбу. Он минут пять поколдовал над телевизором, потом на кухне выпил две стопочки самогона и пошел к бабушке Вере в спальню.

Сколько после этого Анюта не нажимала кнопок, жизненного канала больше не обнаружила. Обидно!

БОГАТСТВО

Каждый город помимо освоения для своего роста новых территорий, потихонечку сносит старые постройки, чтобы на их месте возвести новое здание.

На улице Частника, что в Севастополе, разрушили два старых дома и стали не спеша вывозить мусор, подготавливая площадку для будущего строения.

Для пацанов развалины превратились в настоящее место для сражений. Поиграть в войну для них, как девочкам в дочки-матери.

Володя Петров, ученик третьего класса, выбрав место поукромнее, залег в расщелине и стал ждать своего противника, зажав в руке деревянный пистолет. Шло время,

но никто не появлялся. От нечего делать он свободной рукой стал перед собой рыть ямку, разгребая пыль и камни. Вдруг что-то блеснуло. Освободив пальцами находку, он только было собрался ее рассмотреть, как впереди услышал легкий шум. Запихав добычу в карман, Владимир напрягся, готовясь встретить «немца», вытянув вперед правую руку.

В азарте игры он забыл о своей находке. А дома заработав от матери нагоняй за грязные брюки и майку, бросил все в стирку, помылся, поел и лег спать.

Через неделю мать затеяла большую стирку. Постирав однажды вместе с рубашкой удостоверение личности мужа, и получив за это нагоняй и урок на всю жизнь, она теперь всегда тщательно проверяла карманы, и все из них вынимала. Так было и в этот раз. Взяв брюки сына, она достала из них какой-то странный предмет, величиной с куриное яйцо. Из-под большого слоя грязи просматривалось что-то желтое. Хорошо все промыв под струей воды, в ее руках оказалась брошка с вензелями и камушками. Полюбовавшись красотой, она положила брошь в ящик серванта и продолжила начатое дело, забыв о находке напрочь.

В конце месяца доставая расчетные книжки по уплате за коммунальные услуги, она вновь увидела брошь. Сев на диван долго ее рассматривала.

— Вовка, — позвала она сына, — где ты взял эту штуковину?

— Где дом разваляли. Мы играли в войну, я ее там и раскопал. А что?

— Это точно? Или украл у кого-то?

— Нет, мам, точно. Я что дурак какой-то, чтоб воровать.

— Смотри у меня! Если что, то выпорю, мало не покажется.

Аккуратно завернув ее в тряпочку, она, оплатив коммунальные услуги, решила зайти в ювелирную мастер-

скую. Не терпелось узнать, что за безделицу, хоть и красивую, сын притащил домой.

Ювелир долго рассматривал брошь, вертя ее то одним, то другим боком, то приближая, то отдаляя от вооруженного мощной лупой глаза.

— Скажите, а где вы взяли эту вещицу? — он поднял голову и с подозрением посмотрел на женщину.

— От бабушки досталась, — соврала она, — Вот я и решила узнать чего она стоит.

Ювелир еще с большим вниманием и каким-то недобрым блеском в глазах впивался в ее лицо.

— Это очень дорогая вещь, — наконец, вымолвил он, — Здесь золото, платина и бриллианты. Я готов у вас ее купить. Даю за нее прямо сейчас тысячу рублей.

Тысяча рублей была просто фантастической суммой.

— Нет, нет. Я пришла только узнать, — пролепетала она хриплым голосом. Ее сердце бешено заколотилось, во рту пересохло, а ладони сделались влажными и липкими, в теле появилась противная дрожь. Трясущимися руками ошарашенная женщина взяла свалившееся на нее богатство, завернула и положила за бюстгальтер.

Домой она почти бежала, часто оглядываясь. Ей все время казалось, что за ней следят и хотят ограбить.

— Вовка, иди сюда! — крикнула она, влетая в квартиру. Нервное перенапряжение вырывалось наружу, — Я тебе запрещаю шататься по стройкам! Понял меня?! — у нее началась истерика. Она схватила ремень и в исступлении принялась хлестать ничего не понимающего ребенка, а потом обессиленная повалилась на кровать и громко зарыдала. От горя ли, от счастья, кто его знает.

ЗАПЯТНАННАЯ РЕПУТАЦИЯ

Часть на ученье под руководством командующего округом обгадилась. Причем конкретно. И в полном, и в переносном смысле этого слова. Сначала, естественно, в полном.

В разгар масштабного наступления на вероятного противника выяснилось, что наступающих-то и нет, — у всех разболелись животы и начался понос. В туалет нельзя было попасть. Из него слышались душераздирающие стоны.

Несмотря на строгие запреты, солдаты для этих целей задействовали все: и окопы, и кусты и углы палаток. Полигон был полностью в дерьме.

Ученья прекратили. Части поставили двойку. И начался изощренный гомосексуализм.

Сначала все пороли докторов. Они переходили от командующего к командиру, от него — к заместителю по тыловому обеспечению. После него их поимели все политработники, а уже потом доктора безжалостно перепороли друг друга. Затем командующий, спустив пар на докторах, вступил в порочную связь со всеми командирами, а те потом кровожадно набросились друг на друга, но вновь их потянуло на людей в белых халатах. От всего этого бедлама докторам больными и заниматься было некогда.

В каждом человеке, и в военном тоже (военные же тоже люди, так по крайней мере они думают о себе) живет педагог и доктор. И каждый знает, как нужно воспитывать, и как надо лечить. И у каждого на этот счет свое мнение.

Командующий, хлопнув дверцей автомобиля, уехал, а в очаг выдвинулся медсанбат и развернул инфекционный госпиталь.

Тут солдаты почувствовали к себе внимание и заботу людей в белых халатах. Им давали таблетки, поили, кормили, подкладывали под них «утки», а весь полигон за-

лили хлоркой, отчего три дня в радиусе пяти километров невозможно было дышать. Ведь для строевого командира запах хлора все равно, что валерьянка для кота. Он от этого тащится.

Старый, точнее просто древний инфекционист, майор Слива, по прозвищу Пердило, потому, что из него постоянно с шумом вылетали газы. При этом он сразу же кряхтел и говорил: «О, сукин кот!», взял весь удар на себя. Он носился по палаткам, выпуская для ускорения струю сероводорода, чем веселил всю окружающую среду, во все вникал, был в курсе всех дел.

Перед выпиской всем больным Слива проводил ректороманоскопию. Труба вгонялась в заднепроходное отверстие и, приставив к ней свой подслеповатый глаз, периодически повторяя: «О, сукин кот!», майор осматривал слизистую прямой кишки. Процедура, сама по себе, малоприятная, но чрезвычайно нужная для специалиста.

Очередь двигалась.

На стол взобрался рядовой Зинкевич, первый разгильдяй части. Раздвинув ягодицы и приняв в себя двенадцать сантиметров трубы, он прохрипел, — Москву видно? — чем вызвал бешенство у обычно флегматичного инфекциониста. Тот сучил ногами, изрыгал проклятия и брызгал слюной.

Прием был прекращен.

О поведении Зинкевича был написан рапорт на имя командира. Через день тот с успехом продолжил свое лечение на гарнизонной гауптвахте.

А через месяц ученье повторили. Вероятный противник был разбит в пух и прах. Славное имя части было восстановлено.

Но горечь осталась.

ЭКСТРЕМАЛЫ

К морским пехотинцам пришел новый командир, капитан Валерий Сокол, двадцати восьми лет от роду. Он был красив, высок, плечист и, казалось, состоял из одних накаченных мышц. Шрам через всю левую щеку нисколько не портил его, предавая лицу мужественность, смелость, целеустремленность, подчеркивая волевой характер. И что самое любопытное, пришел он из воздушно-десантных войск. Да и большой разницы у морпехов и десантников нет. И там и там посадка, высадка, взятие вражеской территории… Только здесь с моря, а там с воздуха. За участие в боевых операциях в горячих точках его грудь сплошь украшали боевые ордена и медали. Моряки сразу почувствовали в нем хозяина, вожака, настоящего командира. А женщины, Сокол был не женат, сходили по нему с ума.

Разговаривал он тихо. Не кричал, не выпендривался. Но если вдруг, а это было только на первых порах, его приказания не выполнялись или, упаси Господи, игнорировались, нарушитель вызывался на ринг в спарринг партнеры по рукопашному бою. Радости от такого никто не испытывал. А победить его было просто невозможно. И часть сразу стала образцовой.

Сокол имел одну слабость. Он любил все экстремальное. Для него забраться на отвесную скалу без страховки, прыгнуть в воду с огромной высоты, нырнуть в море минут на десять или совершить что-нибудь эдакое, — было просто высшим удовольствием. Почувствовать в себе героя, вот для него наивысшая радость! Но у морских пехотинцев всего этого экстремального кот наплакал, а сказать точнее, то не наблюдалось вообще.

Вот в ВДВ — прыжки, бой, пули у виска… Дух захватывает! А здесь?..

И заскучал он.

Немного освоившись, он выяснил, что в ста сорока километрах от их части базировался вертолетный полк. Вопрос о прыжках с парашютом он решил быстро. Теперь раз в месяц он там получал истинное удовольствие. А чтобы не было скучно, всегда брал с собой одного пехотинца. Поэтому в этот день найти кого-либо было просто не возможно. Все стремились попасть в наряд, заболеть или найти себе такое занятие, что если его не исполнить, боеготовность части снизится на двести двадцать процентов.

В этот раз часть готовилась к приезду командующего. И все красилось, мазалось, белилось, скреблось, косилось… Служба резко заканчивалась и начиналась работа. Для высокого начальника, чем больше свежей краски и белил на объектах, тем выше настроение и оценка.

Был вторник. Отменять прыжок из-за прихоти высоченного начальника Сокол не хотел. И одному скучно лететь. Он подошел к машине, бросил в салон два упакованных парашюта.

— Сиренко, — хлопнул он своего шофера по плечу, вёрткого, шустрого, вредного и болтливого старшего матроса — вот и подошла твоя очередь. Сегодня, Серега, ты прыгаешь со мной. А чего? Значок получишь. Домой приедешь, девчонки, как увидят тебя со значком, все сразу перед тобой штабелями и лягут, — засмеялся он.

Сиренко даже на первых порах онемел. Он не причислял себя к храброму десятку.

— Товарищ капитан, — заискивающе залепетал он, — я с полметра метров прыгнуть боюсь, а тут с вертолета. Нет!.. Я живым домой хочу придти, а не в цинковом макинтоше приехать. Что хотите делайте, а прыгать я не буду. Лучше умру на ринге под вашими кулаками, чем в воздухе. Или сгнию на гауптвахте…

— Значок… Сиренко…

— Не в значке счастье, товарищ капитан. Кстати, вон Кузбаев давно мечтает прыгнуть. Только и говорит всем,

когда же командир его возьмет. И значок получить хочет. Тогда вся Туркмения на ушах будет стоять!.. И халат ему за это дадут.

Как раз в это время со склада вышел молодой матрос Кузбаев с двумя ведрами краски. Он был маленького роста, кривоног, худ и очень плохо разговаривал по-русски. Как он попал в морские пехотинцы, одному Аллаху известно. Поэтому в этой службе ему было приписано всегда быть дневальным по кубрику или рабочим в столовой. Только здесь он мог дать отпор лютому врагу.

— Кузбаев! — закричал во все горло Сиренко, чувствуя задним местом, что это идет его спасение, — Иди сюда! Прыжками! Командир вызывает!

Матрос Кузбаев, шатаясь под тяжестью ведер, заспешил к стоящей машине.

— Ведра брось. Они тебе уже не понадобятся, — весело захохотал Сиренко.

— Товарищ капитана, матрос…

— Кузбаев, — Сиренко снова осмелел, — быстро в машину! Командиру некогда тебя ждать!

— Зачем машина? Прапорщик Величко за краской послал. Сказал одна нога здесь, другая там. Убивать будет, если опоздаю.

Командир за всем происходящим наблюдал со стороны. Вся эта канитель его забавляла. Он терпеливо ждал, чем же закончится весь этот спектакль. Откровенно говоря, такого мощного напора со стороны своего водителя Сокол просто не предвидел.

— Гриша! — крикнул Сиренко пробегавшему сержанту Гришаку, — передай Величко, что Кузбаева командир забрал. Значок ему вручать будет, — он покатился со смеху, — Едем, товарищ капитан? Быстро я нашел себе замену? Чего стоим, Кузбаев? О чем мечтаем, пехота? Садись уже. Письмо на твою родину я тебе сам напишу. Домой вернешься со значком на груди, — он снова

залился задорным смехом, — В родном ауле по коврам пойдешь.

— А ты хитер, Серега, — засмеялся Сокол, — порадовал меня сегодня. В тебе заложен великий руководитель, а вместо него появляется на свет пройдоха и разгильдяй. Заводи! Поехали!

На аэродроме их ждал вертолет, лениво вращая винтами.

Достав парашюты, Сокол сперва одел и все тщательно проверил на ничего не понимающем Кузбаеве, затем облачился сам.

— Ну что, дитя пустыни, пошли потихонечку? — он слегка подтолкнул матроса к железной птице.

А Сиренко отогнав машину к штабу, вышел на летное поле, лег на спину и стал наблюдать за происходящим в небе. Вертолет немного покружил, набирая высоту. Потом открылась дверь, и из нее вылетел сначала берц (ботинок морского пехотинца), а потом упирающийся и орущий Кузбаев. После них красиво выпрыгнул командир. Он камнем догнал матроса и что-то жестами пытался ему объяснить. А тот, ничего не понимая, летел, пугая жутким криком перелетных птиц, держа скрюченными пальцами ноги развивающуюся как знамя портянку.

Сиренко катался по полю, корчась от истерического смеха. Не далеко от него, метрах в ста, со свистом упал берц, а буквально через полминуты, в единственную на аэродроме лужу, приземлился его хозяин. Купол парашюта, набрав в себя ветер, поволок несчастного по грязи. За ним плавно сел командир. Отстегнув стропы, он подбежал к матросу.

— Как ты, боец? Жив? Вставай! Для морского пехотинца лужа слишком мелка. Ему и море по колено будет!.. Так?

Кузбаев встал. Его слегка пошатывало. Сейчас он напоминал не гордого сына пустыни, а скорее всего жалко-

го лондонского трубочиста, попавшего под дождь. Лицо было сплошь покрыто слюной, соплями и грязью. Видно всё это время он летел с открытым ртом. С формы жирным пластом сползала грязь, а пальцы левой ноги все еще сжимали портянку.

— Товарища капитан, я берца потеряль.

— Вот твой берц, — Сиренко бросил ботинок на землю и от очередного приступа смеха упал на колени.

— Я тебя зарежу, Сиренко!

— Кузбаев, басмачество ликвидировано в 1932 году. Как командир, я не позволю тебе его возродить! Я сам его сегодня вечером на ринге убивать буду. А тебе за мужество и, не побоюсь этого слова, героизм объявляю отпуск на десять суток с выездом на Родину. Прямо завтра и поедешь! А с тобой, — Сокол повернулся к шоферу, — если конечно сегодня выживешь, мы прыгнем ровно через месяц. Кузбаева возьмем с собой наблюдателем. Вопросы ко мне есть, товарищ старший матрос?

— Никак нет!

В часть ехали молча.

Сиренко, чтобы избежать встречи со смертью, выпил стакан подсолнечного масла, натер подмышками солью и с подозрением на дизентерию был госпитализирован в инфекционный госпиталь. А Кузбаева, после возвращения из отпуска, от греха подальше, перевели в другую часть. У командира заболел отец, и он срочно вылетел домой.

Тем временем у Сиренко подошло время демобилизоваться и он, так и не породнившись с небом, но со значком парашютиста на груди, который купил на толкучке, уехал домой, где перед ним девки, и правда, валялись штабелями.

ИЗДЕРЖКИ УЧЕНЬЯ

Советская военная машина, учитывая огромный плачевный опыт Великой отечественной войны, работала на полную мощь. В ней было продумано в буквальном смысле слова все, от шнурков и гуталина, до снарядов и крылатых ракет. Не было ни одной отрасли промышленности и сельского хозяйства, которая не работала бы на оборонку. Правда служивые порой не имели элементарного жилья, но с людьми как тогда, так и сейчас мало кто считался и считается. Каждый съезд КПСС клятвенно гарантировал ветеранам войны дать телефон, квартиру, машину. Прошло уже без малого семьдесят лет после этой бойни и ветеранов то не осталось, а блага им все обещают наши сытые и довольные жизнью высокие руководители. Как стыдно, противно и больно до слез!

Войска проводили очередное крупномасштабное ученье. Три офицера, два прапорщика и рота солдат Среднеазиатского военного округа в полной боевой амуниции с планшетами, ящиками и чемоданами, скрепленными сургучными печатями, выехала в специальном вагоне в южном направлении. Куда ехали, знал только старший, а остальные безропотно выполняли свой священный долг. В армии глупых вопросов задавать не следует, а то можно получить глупый ответ. Начало смеркаться, когда вся группа вышла у какой-то будки. Вокруг, куда ни кинь взор, простиралась голая пустыня. Старший достал компас и сверился по месту.

— Разобрать груз! — скомандовал он, — Через каждые двести метров свободные меняют несущих. За мной, шагом марш! — и он, увязая сапогами в песок, не торопясь, двинулся вперед. Вслед за ним потянулась длинная цепочка подчиненных. Вокруг не было ни души. Лишь огромная Луна холодно освещала их нелегкий путь. Шли без малого четыре часа.

— Привал полчаса, — прозвучала долгожданная команда, и все дружно попадали на прохладный песок. Офицер не спеша обошел местность, расставил по периметру четыре колышка.

— Подъем! Двое, Сидоренко и Абасов, разводят костер и готовят пищу. Остальные начинают расчищать площадку от песка.

Военнослужащие молча приступили к работе. Вскоре под полуметровым слоем обозначилась бетонная площадка. Радист вышел в эфир, выпустив в атмосферу определенный, одному ему известный набор цифр и все приступили к приему пищи. Начало светать. Из-за барханов показались лучи восходящего солнца. Вдали послышался рокот приближающегося вертолета. Он сделал круг и сел на площадку.

Передав прилетевшему подполковнику документы и ящики, офицер пригласил гостей к костру, предложив покушать горячей каши и попить чаю. Солдаты, чтобы не мешать беседе офицеров, встали и отошли в сторону перекурить. Внимание всех привлек всадник, скачущий на верблюде. Непрошеным гостем оказался старик в темной бурке и высокой папахе, что свидетельствовало о его высоком ранге. Он спешился и, не обращая внимания на военнослужащих, направился к вертолету, стал ходить вокруг него, поглаживать, что-то шептать и низко кланяться.

— Почтенный, — уважительно обратился к нему подошедший летчик, — вас что-то интересует?

— Хочу вертолет купить.

— У вас денег таких нет.

— А сколько он стоит? — заинтересованно спросил старик и глаза его лихорадочно заблестели.

— Мешок денег, — пошутил летчик.

Старик ничего не ответил, взобрался на своего верблюда и ускакал.

Не успел ветер разнести по пустыне веселый смех военнослужащих, как вдали показался все тот же старик. Теперь он скакал на каурой лошади.

— Вот, — он бросил к ногам военных туго набитый мешок.

— Что это? — поинтересовался подполковник.

— Деньги. За вертолет, — и старик твердой походкой направился к «своему детищу», обнимая его и целуя.

Офицер развязал мешок и ахнул от увиденного. Он был доверху набит сотенными, пятидесяти- и двадцатипятирублевыми купюрами. Глаза присутствующих вылезли из орбит. Такого количества денежных знаков не видел никто и вряд ли еще когда-нибудь увидит. Подполковник взял из плотно набитой кучи пригоршню денег и положил их в карман (маловероятно, что эти деньги кто-то когда-то считал, еще маловероятнее, что их будут пересчитывать) и снова завязал мешок.

— Уважаемый, — с еще большим почтением обратился он к старейшему. Обидеть в этих местах почтенного человека, равносильно тому, что подписать самому себе смертельный приговор, а кто этого хочет, — вы нас не совсем правильно поняли. Этот вертолет не продается. Мы на нем сейчас улетаем. Заводи мотор! — отрывисто бросил он летчику, — Мы вам просто сказали, что он стоит мешок денег. По этому поводу вам нужно обратиться к более высокому командованию, в штаб военного округа, — нес ахинею подполковник, стараясь как можно мягче скрасить создавшуюся обстановку, — Только там могут решить ваш вопрос. Вы меня поняли? А мы здесь люди маленькие. Я вам желаю всяческих удач! Желаю здравия! До свидания! — офицер прыгнул в салон, и вертолет стал подниматься.

— Подъем! — скомандовал старший группы солдат, понимая, что промедление смерти подобно, — Быстренько собрали вещи, закидали песком площадку и начали выдвигаться на станцию.

Старик больше ни на кого не обращал внимания и, приложив ладонь ко лбу, долго смотрел на удаляющуюся железную птицу. Потом закрепил мешок к седлу, вскочил на коня и умчался за горизонт.

ВОДЯНОЙ

Есть такая категория людей, которые ради собственной выгоды готовы на все, даже бежать с такой скоростью, чтобы догнать самого себя и обнять с наслаждением за плечи. Таким был солдат Витя Беспалый. Он рвал свою задницу на фашистский крест, лишь бы понравиться командованию.

Таких людей в жизни не много. Их обычно ценят, но не любят. Эти особи за собственную выгоду продадут и мать родную, и отца командира. Из них обычно получаются классные предатели.

Так вот и Витя ничего не делал просто так. Весь его труд, вся его служба были поставлены таким образом, чтобы ни одна истраченная им калория не была израсходована понапрасну, или, упаси Бог, на сослуживца.

Очень часто он обманывал этим самого себя, но ведь себя простить легче, чем кого бы то ни было.

В полутора километрах от территории охраняемых ракет находился овраг, на дне которого бил родник. Вода в нем — просто удивительная. Она была одновременно и сладкой, и холодной, и хрустально чистой. В жаркое время года ею невозможно было напиться, поэтому летом ее использовали крайне редко. А вот зимой она пользовалась огромным спросом.

Принести воды вызвался сам Корешок. Эта кличка приклеилась к Беспалому сразу же, поскольку при разговоре с другими, он к ним так и обращался, — Корешок.

Так вот, надоело Корешку сидеть в вонючем караульном помещении. Захотелось ему пройтись по морозцу, поскрипеть валенками и поразмыслить, наконец, о жизни и службе.

Не спеша он взял термос, веревку, ведь нести его с водой тяжело, а волочь по снегу — милое дело, и побрел. Заходящее солнце отбрасывало перед ним длинную тень. На душе было светло и радостно. Снег искрил колючей радугой.

Однако, как медленно не иди, а к цели все равно придешь — эту аксиому Виктор вывел для себя давно.

Вот и овраг. Тропинка, ведущая к роднику, ровная, широкая и скользкая от пролитой воды. Чтобы не тратить зря лишней энергии, Беспалый решил съехать по ней вниз. Спустив термос и веревку, он рассудил так: если съехать на заднице — значит набить снега под бушлат, снег там растает, будешь мокрым. Потом в обязательном порядке замерзнешь и простудишься. Поэтому он аккуратно лег на живот и, вытянув вперед руки, головой вниз, в приподнятом настроении покатился к роднику.

Лунка стремительно приближалась.

Тормозить было нечем и не обо что. Все находилось во льду.

Словно бильярдный шар, пущенный умелым игроком, голова и руки Корешка точно залетели в лунку. Плечи не вошли. Они то и остановили ход благодушного скольжения.

До воды оставалось сантиметров десять.

Поначалу Витяня струхнул.

Но умирать героем ему явно не хотелось. Лучше быть посредственностью и жить, чем стать героем, живя в сердцах и памяти товарищей.

Хаотичное дерганье ни к чему не привело. Кричать в утробу земли смысла не было. Руки искали упора, но не находили. Сбросив перчатки в колодец и в изобилии пуская в него слюни и сопли (пить из него он уже не собирал-

ся), Беспалый стал искать хоть какие-то упорчики, корешки, выступы.

Борьба за жизнь была страшной. Рефлекс самосохранения работал как заводной. В колодце становилось жарковато.

Часа через полтора в караулке о Беспалом наконец, вспомнили.

А где это чудо? — спросил начальник караула.

— Он за водой пошел.

— Кто его послал?

— Сам вызвался.

— Да? А давно ушел?

— Около двух часов назад.

Офицер побледнел.

— Немедленно найдите его. Иначе он снова преподнесет какое-нибудь ЧП. Сержант, возьмите свободную смену и приведите его сюда.

Когда караульные подошли к оврагу, то увидели нечто необычное. Дрыгающееся тело без головы и рук билось в конвульсиях. Ничего понять было невозможно. Из колодца шел пар, и доносилось злобное рычанье.

Спустившись вниз, они за ремень вытащили солдата. Лицо его было багровым и покрыто крупными каплями пота.

— Корешок, что ты там делал? — все умирали со смеху.

— Пошли вы все прочь! Вот я вам теперь за водой ходить буду, видели, — и он потряс перед сослуживцами огромным кукишем.

Сгорбившись и что-то ворча себе под нос, он стал медленно подниматься по склону.

Набрав воды, за ним шли караульные.

Жизнь возвращалась в свое привычное русло..

ХОДЯЧЕЕ ЧП

Караул по охране ракетных шахт вывозили километров за двадцать от части. Выдавали сухой паек на неделю и семь дней солдаты несли караульную службу.

Жизнь в карауле скучна и однообразна. А к концу недели еще и сухой паек в глотку не лезет. Но и в безвыходном положении всегда есть выход. Приловчились, солдаты часть пайка меняли у гражданского населения на картошку.

Так было и в этот раз.

Погрузив в вещмешок консервы и концентраты, отправили двух солдат в близлежащее село. Идти вызвался Корешок, взяв с собой солдата помоложе, чтобы не нести тяжелую поклажу.

Если шагать по дороге — это почти пять километров, а если напрямик, через овраг, то три. Разница есть. И большая. Тем более зимой.

А зима в этот год выдалась снежная. Снега выпало очень много.

— Пойдем через овраг, — скомандовал, как старший группы ефрейтор Беспалый, — лишних два километра мотать, только валенки снашивать.

Солдат Семенов моложе и решающего голоса не имеет. Предложение старослужащего — почти неоспоримый закон. На Семенове рюкзак с провиантом, а нести такую тяжесть никому лишнее расстояние не хочется.

Беспалый бодро идет командиром впереди. Он всегда о чем-то думает, шевеля губами. Порой даже видно как от этих дум под его шапкой, туго завязанной под челюстью (чтобы не простыть), шевелятся волосы. Сгорбившись, Семенов молча бредет сзади.

До оврага дошли без приключений. Тот полностью занесен снегом, но наст твердый. Теперь осталось только перейти его — и до деревни рукой подать.

Корешок, что-то бормоча себе под нос, ускорил шаг, что для него не характерно. Вдруг, метров через семь, под ним хрустнул лед и он скрылся под снегом. Вслед за ним провалился и Семенов.

— Вот и приехали! Дернуло меня пойти за этой картошкой, — разгребая перед собой руками снег и выплевывая его изо рта, ворчал Корешок, — Ишачишь за всех, ишачишь, а они в тепле сидят. Эй! Как тебя? Семенов! Ты живой? — голос был глух и проникал как сквозь вату.

— Жив, товарищ ефрейтор.

— Давай уже, рой! Не сдыхать же здесь! Ты знаешь, куда нам идти?

— Знаю, за картошкой.

— Вот бестолочь! За картошкой пусть теперь ходят другие. Я свое отходил. Давай рой. В караулку пойдем. Я уже мерзнуть начинаю. Сволочи все! На погибель нас послали!

Руками, мешком, телом, ногами Семенов пробивал дорогу к жизни, к свету. От него валил пар. Сзади, матерясь, съежившись и засунув руки в рукава, брел Беспалый. Он проклинал всё и всех.

Через час они поднялись на склон оврага. Витя от холода был синим. Семенов — мокрый и красный — улыбался.

— Что смеешься? Пошли быстрее. Я уже простыл. Все в тепле сидят, а я чуть не погиб!

Через час страдальцы вернулись обратно.

— Принесли картошку? — спросил старший лейтенант.

— Я чуть не погиб из-за этой картошки. Теперь пусть другие ходят. Умники все! А я болеть буду, — и Беспалый, не раздеваясь, лег на топчан.

Каждая инициатива, каждый душевный порыв Витюши заканчивался трагически. Он был пиратской копией рыцаря печального образа. При его жуткой исполнительности командиры всегда ждали от него ЧП. Это было хо-

дячее ворчащее несчастье. Таким он и остался в жизни, выходя из трудностей с помощью чужих рук, сгорбившись и засунув руки в рукава.

ПЛАЧЕВНАЯ ИНИЦИАТИВА

Город Козельск Калужской области в далекие шестидесятые годы был перенасыщен ракетчиками.

ПВО страны — это те, благодаря кому светит солнце на голубом небе, это спокойно идущие на работу люди и весело смеющиеся дети. Это все то, что зовется таким ярким и звучным словом как «мир».

Военный городок ракетчиков был государством в государстве. Здесь было все, начиная от почты и заканчивая детским садиком. Даже гостиница офицерская была.

Витя Беспалый, солдат третьего года службы (а в те годы солдаты служили три, а моряки — четыре года), по кличке Корешок (из-за частого повтора в речи аналогичного слова) был себе на уме.

Он был исполнительный и дисциплинированный. Никогда не перечил начальству. Отличался хитростью и изворотливостью. Не делал чужую работу, а свою старался переложить на чужие плечи. Но если он проявлял инициативу, то обязательно с ним что-либо случалось. Это было законом.

Больше всего Беспалый любил заступать дежурным по гостинице. Это не в караул идти по охране ракетных шахт. Здесь тепло, сытно, можно поспать в любое время, и самое главное, всегда будешь в прибыли.

Офицеры в любые времена (как сейчас, так и тогда) пили много. И пустых бутылок после них оставалось больше, чем предостаточно. А то, что пустая бутылка — это

деньги, Витя знал твердо. За время дежурства он перетаскал их столько, что даже на вырученные деньги купил себе на дембель добротную шапку, ботинки и рубашку.

В этот раз наряд заступил из старослужащих. Тары собрали много. Решили отметить это дело. В вещмешок поместилось ровно на бутылку водки и чекушку (для современного читателя, тогда бутылка водки стоила 2 рубля 87 копеек, а пустую, принимали по 12 копеек).

Идти, как всегда, вызвался Корешок. Для него сам процесс пройтись, — это уже счастье. Можно поразмыслить, себя показать, да и на других посмотреть не грех.

В магазине Беспалого прорезало. А зачем брать полторы бутылки? Можно ж сделать еще ходку и взять две полные и закуску прикупить.

Это решение ему показалось гениальным. Корешок вернулся обратно в гостиницу, вновь набил вещмешок стеклотарой и опять пошел в город. Дежурным по гостинице разрешалось выходить за пределы части без увольнительной записки. Это было высшим благом для солдат.

Взяв две бутылки водки, накупив закуски, а часть денег положив в карман, Витя, жутко гордясь своей сообразительностью, побрел в часть. Настроение было приподнятым, как вдруг из-за угла вышел майор — комендант города с тремя патрульными.

У Беспалого все сжалось внутри.

Вот черт, дернуло меня брать вторую бутылку. Принес бы полторы и не попался так глупо.

Майор приближался.

— Товарищ ефрейтор! Вашу увольнительную!

— Я дежурный по гостинице.

— Что у вас в вещмешке?

Может сказать, что атомная бомба, а он скажет: «Не шутите так! Идите», — мысли у Корешка шевелили волосы.

— Водка, товарищ майор, — промямлил Беспалый.

— Покажите.

— Все, влип! — мысль еще работала.

Витек развязал мешок и высыпал содержимое на асфальт. Бутылки, консервы, пряники и колбаса покатились в разные стороны.

Приказав патрульным разбить бутылки, майор спросил, — Ваша фамилия?

— Ефрейтор Беспалый.

— Из какой роты?

— Из третьей.

— Кто командир?

— Старший лейтенант Лазарев.

— Передайте ему, что я вас арестовал на трое суток.

— Есть.

Подняв закуску, Корешок сгорбатившись, вспоминая всех святых и проклиная друзей, брел в часть. Самое доброе слово из всего, что он произнес, было «суки».

Трое суток он отсидел. Но от этого его инициативы, кончающиеся плачевно, не заканчивалась.

Служить было еще ой как много.

ЗАПРЕЩЕННЫЙ ПРИЕМ

Витя Беспалый любил выступать на спортивных соревнованиях. И это у него, надо сказать, получалось здорово — он всегда был в победителях по шахматам, шашкам, бильярду и особенно по борьбе.

А ведь спорт — это не служба.

Здесь и дополнительное питание, и, что самое главное, освобождение от нарядов. Соревнуйся, а служба подождет.

И Корешок соревновался.

И все было бы дальше светло и безоблачно на Витином небосклоне, если бы для дальнейшего прохождения службы в их часть не прибыл Янис Плотка — огромный двухметровый латыш, являющийся не кем иным, а мастером спорта! И, как назло, именно по борьбе, которую Беспалый так любил. Для тщеславного Виктора это было ударом под дых. Его борцовская карьера явно пошатнулась! Что ни схватка — то проигрыш. Что ни спарринг — то поражение. Ну, никак не мог он побороть этого жилистого латыша.

Вот уже и сослуживцы стали посмеиваться.

И тут как назло командование решило провести открытые соревнования по борьбе на первенство части. Победитель едет на первенство округа.

Ну, кто не хочет поехать в округ? Да еще на две недели? Отдохнуть, развеяться и себя показать?

А Витя хотел. Ой, как хотел!

Как и предполагалось, за первое место на ковре сошлись Плотка и Беспалый.

Чуть-чуть отступив от изложенного, или в продолжение сказанного, кому как угодно, надо отметить, что пищевой рацион солдат никогда не отличался особым разнообразием. Каша, масло, да компот.

А тут, за день до соревнований за ужином на Витин стол вывалили целую миску квашеной капусты.

Корешок был не прихотлив к еде и с удовольствием навернул сам то, что с трудом бы съели четверо, отчего его крупный нос покрылся благодушной испариной.

К ночи Витин кишечник приступил к своей активной деятельности, что тоже радовало философски настроенного Витю. И только один вопрос не давал ему покоя, чтобы полностью предаться размышлениям о сущности мироздания: «Как победить этого проклятого Яниса и уехать на неделю из этой долбаной части?».

Судья дал свисток и схватка началась.

Борьба была тягучей и упорной. Никто не хотел рисковать. Но вот Плотка сделал подсечку, и оба оказались на ковре. Витя, распластавшись лицом вниз, медленно полз к краю ковра, а Янис начал проводить болевой прием. Его лицо в ужасной гримасе покоилось на заднице Беспалого, а руки уже заворачивали ногу соперника. Еще секунда и судьи отдадут латышу чистую победу. Тело Корешка изнывало от напряжения. Нос посинел, глаза вылезли из орбит. И вдруг, когда его рука уже была готова застучать по ковру, мощный сероводородный залп, подобно паровозному свистку, вылетел из заднего прохода Витяни прямо в лицо Плотке. От неожиданности Янис на секунду замер, ослабил хватку и отшатнулся. Газ был настолько ядовит, что даже судья выскочил за пределы ковра, вынужденно задержав дыхание.

Воспользовавшись замешательством, Беспалый вывернулся и как лев бросился на соперника. Угоревший Плотка лежал на лопатках и не думал сопротивляться. Витюша вскочил, победно вскинув руки.

НАКОНЕЦ-ТО!!!

В округе Витя занял только седьмое место.

Там их кормили перловкой и макаронами, без квашеной капусты.

Но всё же свою неделю он выиграл!

КРАСНОРЕЧИЕ

На корабле раздались шесть леденящих душу звонков. Это на палубу ступила нога Командующий флота со своей многочисленной свитой. Посещение военного корабля столь высоким начальством сродни падению Тунгусского

метеорита, гибели «Титаника» или первому полету человека в космос. Причем одновременно.

И это не как гром среди ясного неба. Не как снег на голову. Не как обухом по голове. Об этом все знают загодя.

К визиту «дорогого» гостя готовились месяц! Целых тридцать дней корабль стоял на ушах. Целых тридцать дней всё красилось, чистилось, стиралось…

И вот этот день настал! Настал как всегда неожиданно.

Корабль сиял новой шаровой краской и обильно натертой пеногоном палубой.

Рядом с высоким гостем семенил командир корабля, рассказывая о боевых подвигах его экипажа. Замполит уточнял, что девяносто шесть и три десятых процента эти подвиги совершали коммунисты и комсомольцы. Старпом, непрерывно вытирая платочком со лба пот, шел в толпе бесчисленной свиты.

И вдруг…

Все в этой жизни случается вдруг, непреднамеренно, неожиданно…

Вдруг нога Командующего заскользила по палубе, и он со всего маха упал на пятую точку.

— Ой! — огорченно произносит адмирал флота и громко матерится.

…- Ой! — удручающе шепчет командир и едва слышно матерится.

— Ой! — просто произносит замполит и не матерится. Ему это дело не положено по статусу.

Старшему помощнику терять уже нечего. Он грязно матерится без всяких ойканий, прекрасно понимая, что отвечать за всё придется только ему, ибо, если виновного не находят, его назначают.

КАК Я СТАЛ ПИОНЕРОМ

Когда наш класс принимали в пионеры, я болел.

Болезнь через неделю прошла, а я месяц хожу без галстука, и никто меня не принимает, и никому-то я не нужен. Обидно.

Наконец меня находит пионервожатая и говорит, что завтра на линейке меня будут принимать в пионеры.

— Готовься!

А как готовиться, не сказала.

И вот оно светлое завтра. Школа выстроена в физкультурном зале. Я волнуюсь. Сказали ведь готовиться, а я не готов. Сначала решались какие-то вопросы. Потом прозвучала команда: «Смирно! Равнение на знамя!» И вынесли знамя. Директор строг и подтянут.

— Сегодня мы принимаем в пионеры ученика третьего класса Финогеева Александра, — говорит он голосом Левитана.

Мороз носится по моей спине, как заводной. Я стою, жду. Меня толкают в спину.

— Иди.

— Куда? — шепчу я

— К знамени. Тебя что, не инструктировали? Дебил какой-то, — тоже шепчет завуч.

Иду заплетающимися ногами, как на расстрел. Подхожу.

Пионервожатая звонким голосом говорит, — Ребята! Достоин Финогеев быть пионером?

— Да!!! — кричат они.

И только двое недоразвитых где-то вдалеке прокричали «нет». Но на них никто внимания не обратил. Шутники везде есть.

Я прочитал жуткую клятву, где обещал быть образцом и примером.

Пионервожатая шепчет, — Вставай на колено и целуй знамя.

Я не понял.

Давай быстрее, — шипит она — не задерживай школу.

С перепугу, да и недослышав, падаю не на одно колено, а на два, втыкаюсь лицом в знамя, а оно воняет залежавшейся гнилью. Ну и стою же так. Дышу через раз.

Слышу, вся школа умирает со смеху. А я не пойму, что не так делаю.

— Вставай уже, — кричит вожатая и повязывает мне тряпичный галстук. А мама покупала шелковый.

Я что-то бурчу.

— Поздравляю. Будь готов! — и она вскидывает руку.

— Всегда готов! — глухо отвечаю я и тоже салютую.

— Встать в строй!

Иду красный, как галстук и проплесневелое знамя.

Гордости нет.

Все как всегда.

Через задницу.

УТРЕННИК

Подготовка к утреннику, по сути первого для четырехлетней Оли Нового года, выдался для всех в кошмароподобное светопреставление. Праздник приближался со скоростью, бегущего от ягуара суринамца. Мать, периодически заходившаяся то истерическим смехом, то безвольно катящимися слезами, судорожно стиснув зубы и в кровь изодрав себе пальцы, настойчиво разучивала с дочерью стихотворение о веселом празднике Новый год, добром Деде Морозе и искрящихся снежинках. Из ее, жаром дышащего рта, обрамленного тонкими, посиневшими губами, то и дело лихорадочно вырывался шлягер прошлых лет: «В лесу родилась елочка». Но новые ветры перемен требовали другого.

Извечно спокойный папа, которому все буквально по-барабану, чтобы не вызывать на себя бурю негодований ходил по квартире тихо в поисках пятого угла. Он в армии усвоил одну прописную истину и свято о ней помнил, — если крайнего нельзя найти, то его следует назначить. В знак тупой солидарности (с кем — ему было глубоко все равно) он время от времени шел на кухню, чистил лук и мелко его нарезал. Слезы, сопли, пот и нездоровая краснота лица делали атмосферу в доме сравнительно спокойной. Напевая про себя: «Лето, ах лето…», он приоткрывал дверь в детскую комнату и диким туманным взором смотрел на жену, дочь, шмыгал носом, вытирал рукавом глаза и снова шел на кухню.

— Родной мой! Сколько в нем доброты и нежности, — шептала она, глядя на мужа, повторяя дочери в миллионный раз: «Снег идет, снег идет, значит скоро новый год.».

Ольга смотрела на мать невинными глазами и тоже в миллионный раз спрашивала: «А снега на улице нет. А раз нет, значит, Новый год к нам не придет?». При этом она глубоко засовывала палец в нос и чесала им себе мозги. Кровь у матери начинала закипать, глухо отдаваясь в висках. Руки самопроизвольно заламывались, тело трясло как во время малярийной лихорадки. Неимоверным усилием воли она сдерживала в себе порыв наступившего бешенства и тихим, шипящим, вкрадчивым голосом выдавливала: «Это ты, доця, стихотворение Дедушке Морозу будешь рассказывать, на празднике. А снега может и не быть вообще. Но Новый год придет все равно!» При этих словах по ее телу струился холодный, вонючий пот и тогда она переходила на шепот: «Ты понимаешь меня, девочка моя? Придет. Придет!» и ее лицо перекашивала звероподобная улыбка.

Оля кивала, и все начиналось с самого начала.

Стихотворение явно не вмещалось в светлую головку дочери. Долго такое вынести было просто невозможно. Мать

была на грани нервного срыва, но, вид плачущего отца, раздражавшего ее обычно своим непробиваемым спокойствием, умилял ее сердце. И она, как вьючная лошадь, закусив до хруста удила, продолжала нести чистое, доброе, вечное.

Беда, как говорится, не приходит одна. Портниху, шившую Оле платье Принцессы, с лакунарной ангиной положили в больницу.

А так хочется, чтобы ребенок, единственное твое чадо, выглядел, по крайней мере, не хуже других.

Помнится, как девочкой мать тоже ждала этого праздника. Она была удивительно красивой Снежинкой! Но Дед Мороз выбрал совсем другую девочку. Вот тогда мать и поняла, что все Деды Морозы козлы и продажные шкуры, а все Снегурочки — дуры и тупицы. Эту затаенную обиду она несла с собой как крест вот ужу двадцать четыре года. Но теперь — нет! Теперь все по-другому! Теперь наша Принцесса должна быть лучше всех. Главное, чтобы новая портниха ничего с костюмом не запорола. И не сделала дочь какой-нибудь каракатицей. С нее как с гуся вода, а девочке с этим жить!

И вот, наконец, долгожданный праздник наступил!

Народу-у-у!!! Все красивые, счастливые, нарядные. Нос будоражит легкое облако дорого коньяка и иноземных духов. Даже дед-отставник как-то внутренне подтянулся, на бабку не смотрит, все по сторонам косит лиловым глазом. А наша Принцесса — лучше всех! Аж душа радуется! Только бы Дед Мороз был объективным, а не конченым.

Наконец, праздник начался. Всё как всегда: — хоровод, «елочка зажгись», тупые загадки и конкурс костюмов. Наша — лучшая!!! Вот это правильно! Вот это по-людски!!! Наконец-то разобрались! Слезы сами собой набегают на глаза. Дед, одобрительно крякнув, ищет глазами буфет, бабка платочком трет сухие глаза, отец, — как всегда в порядке: ему хоть в лоб, хоть по лбу, что Новый Год, что день Строителя, — лишь бы с ног валило.

— Ну а я на седьмом небе! — ликовала мать, — Все-таки мы первые! Не то, что некоторые, — ее тонкие губы втянулись глубоко во внутрь. Объективность — это главное!!!

Дети весело закружились вокруг елочки. Снегурочка держит за руку нашу Принцессу. Вот что значит быть первой!!!

Мать поводила глазами по залу. Ни деда, ни мужа не было.

— Пьют, сволочи! Я им дома устрою день Взятия Бастилии! В такой момент не поддержать меня… Хорошо! — и она еще сильнее втянула губы.

— А сейчас мы послушаем стихи, громко объявил Дед Мороз, ставя перед елкой табурет. И начнет первой рассказывать наша победительница, Олечка. Он поднял ее и поставил на табуретку, — Что нам Олечка расскажет? Я уже готов ей вручить подарок, — его рука полезла в мешок.

— Я расскажу вам, — начала она по взрослому, закатив глаза к потолку и сунула указательный палец в нос так глубоко, что все в зале в ужасе ахнули, предвидя, что он вот-вот вылезет из затылка, — А расскажу я вам… про дедушку Ленина.

Дед Мороз аж палкой поперхнулся. В толпе кто-то охнул, послышался шум падающего тела, истерически заплакал ребенок. У матери резко заболело внизу живота, лицо стало пунцовым. Она машинально напялила на себя маску козла, которую на входе купила для мужа. Дед налился гордостью, одобрительно крякнул и стал всем объяснять, что это его гены, и что не зря он проливал кровь. Потом бренча медалями, быстро заспешил в буфет. Отец с довольным лицом, видно на грудь уже было принято предостаточно, равнодушно стоял, прислонившись к стенке, и ни на что не обращал внимания. Ему было все равно, что творилось в зале. И не важно, что сегодня, Новый год или день рожденья папы Римского. Лишь бы с ног валило.

— Дочка, что это было? — громко спросила бабушка?

— Лучше молчите, мама. На вас люди смотрят. Уйдите куда-нибудь с глаз, — голос в маске звучал угрожающе.

— И что же ты хочешь о нем рассказать, внученька? — лицо Деда Мороза стало белее снега.

— Много говорить не буду, — прошепелявила Ольга, — Всем известно, что у Ленина своих детей не было? А почему он тогда в карманах носил конфеты и раздавал детям? Почему? Потому что любил их очень! И мам их любил! Тоже очень. И дети вождя любили. И мамы его любили. А отцам не нравилось такое…

— А кто же тебе об этом рассказал? — вкрадчиво спросил Дед Мороз.

— Бабушка, конечно. Она мне всегда обо всем рассказывает.

— А стихотворение? — Снегурочка попыталась направить девочку в другое русло.

— Ой! — Ольга махнула рукой и сунула палец во вторую ноздрю, — Не время сейчас нам о стихах думать… — Она слезла со стула и гордая пошла к матери

Воцарилось неловкое молчание. Праздник был явно сорван.

Наскоро получив подарки, дети с родителями потянулись к выходу.

И лишь в далекой Намибии слыхом не слыхивали ни о Новом годе, ни о деде Морозе, ни, тем более о Ленине, который любил детей и их мам.

ГАНГРЕНА

Василий Потапович проснулся от жуткой, пульсирующей боли. Она толчками отдавалась в грудь и живот, отчего казалось, будто тебя накачивают.

— Который час? — возникла первая мысль, и Василий Потапович невольно решил посмотреть на часы. Но не тут-то было. Тяжесть, страшная раздавливающая тяжесть жала на руку с такой силой, что попытка двинуть ей не принесла желаемого результата. Мозг начал лихорадочно искать выход из создавшегося положения. И только сейчас до его слуха донесся душераздирающий храп, а зрение в неярком предрассветном свете выделило огромное очертание тела супруги, тревожить сон которой было злостным преступлением. Рука по самое плечо находилась под ней! Страх и отчаянье охватили тщедушное тело Василия Потаповича. Он осторожно, но настойчиво попробовал вытащить ее. Попытка была напрасной. Ста двадцати трех килограммовое тело жены не позволило это сделать.

А боль пронизывала уже голову и позвоночник. Ноги стали холодными, лицо покрыла испарина.

Гангрены не миновать! — почему-то равнодушно подумал он.

Инстинкт самосохранения, тем не менее, продолжал работать.

— Как, как же освободить эту проклятую руку? — лихорадило его.

Но мысль об освобождении, не успев зародиться, ушла сама по себе. Сдвинуть, а тем более потревожить тело Изольды Ивановны было пределом мечтаний. Она как могучая гора возлежала на супружеском ложе и с диким клёкотом поднимала и опускала свою безразмерную грудь. А ее гнев был сравним лишь с лавиной, сметающим все живое со своего пути.

— Господи, ну за что же мне так не везет? И как эта проклятая руку могла туда попасть? (извечны вопросы нашего человека: «Что делать?» и «Кто виноват?)

Всплыли события вчерашнего вечера, когда Изольда, раскрасневшаяся, в приподнятом настроении, вышла из ванной, напевая своим громовым голосом: «Не сыпь мне

соль на рану, не говори навзрыд…» Лирика не была постоянной спутницей жизни благоверной. Но в этот раз в ней явно пела душа. Она мощно потянулась, угрожающе хрустнув всеми костями, и легла, накрывшись байковым одеялом. Кровать надрывно и жалобно заскрипела и умолкла. Видно она тоже понимала и опасалась гнева возлежащей на ней женщины.

— Васька, сучий потрох, а ну иди сюда! Скоро с тобой разучишься чувствовать себя бабой!

Возражать не имело никакого смысла. Василий Потапович быстро разделся, юркнул под одеяло и прижался к пышущей жаром супруге.

Видно когда страсти улеглись, он забыл вытащить из-под нее свою руку, да так и уснул.

Изольда была старше Василия на двенадцать лет. Познакомились они на вечеринке у Светки Головко, хрупкой, молчаливой и застенчивой девушке, к которой Василий захаживал и тайно тешил себя надеждой соединить с ней свою судьбу. Но все вышло иначе, чем он предполагал, с какой-то космической скоростью.

Утром, в состоянии тяжелого похмелья и ничего не помня, он проснулся в коридоре на полу. С трудом встал, кое-как отряхнул костюм от рвотных масс и ни с кем не простившись, ушел домой, где отходил еще двое суток от изобилия выпитого. А через неделю Изольда нашла его сама. Ее громадные ноздри раздувались как меха, а губы поджаты и сини.

— Васек, — она выдохнула на него застоявшийся запах, — тихоня, тихоня, а себе на уме? Ты о чем-нибудь думаешь? У меня задержка четвертый день!

Василий из сказанного ничего не понял, но испугался и не нашелся что ответить.

Так образовалась новая семейная пара.

Свою жену Василий боялся. Да и было за что. Разные весовые категории не позволили ему стать главой семей-

ства. А за редкие высказывания о правах человека бывал бит. Тяжела рука у супруги.

Прошли годы, выросли дети, а Василий Потапович так и остался робким, тщедушным человеком, жутко боявшимся свою жену.

И вот теперь эта проклятая рука! То, что гангрена обеспечена он нисколько не сомневался. Но разбудить жену? Нет!!! Пусть уж лучше ампутация, инвалидность, смерть на худой конец.

А боль! О эта боль! Она уже разрывало все тело. Слеза жалости и огромной человеческой печали скатилась по его щеке.

— Что делать? Что делать?

Но тут чувство безысходности, древний инстинкт сохранения человека, как особи, подсказали ему единственно правильное решение. Он, как борец классического стиля, превозмогая себя повернулся на левый бок. Его правая рука, свободная правая рука, легла на грудь супруги. Он судорожно сжал ее несколько раз, а затем медленно, но уверенно заскользил ею по телу вниз. Это была не рука слепого, просящего подаяние, это была рука опытного ловеласа. Храп стал переходить в похрюкивание, которое сменилось посвистыванием и стоном. Тело конвульсивно содрогнулось. И этого было вполне достаточно, чтобы конечность, посиневшая, онемевшая, отекшая была на свободе. Но свобода оказалась мнимой.

— Ишь, опять чего захотел, стервец?

Сильные руки сомкнулись на спине Василия Потаповича и притянули к себе.

— Жив!!! — только и успел подумать он, задыхаясь в объятьях грозной супруги.

УТРО В ПОЛИКЛИНИКЕ (шутка, похожая на правду)

У хирурга

— Господи! Как же болит голова! Чувствуешь себя неполноценным. Люся, там большая очередь? Такая большая! Откуда они все именно сегодня на мою больную голову? О-о-ой! Люсьен, набери из-под крана холодненькой. О-о-о! Хо-ро-шо! Это сближает. Ну, Геныч! И откуда он вчера выискался?! Давай, давай… А в конце ёрш из всего, что не допили. Тоже, небось, сегодня умирает. Ему легко умирать. Он в отпуске. А я тут сижу с умным видом. И не уйдешь! Да подожди ты звать. Дай сосредоточиться! Может баралгинчику глотнуть? А вдруг поможет! Люсь, дай-ка мне баралгину. Нет? А что есть? Седалгин? Сама его ешь! Тогда еще стаканчик холодной и… первый пошел!

Здрасте… Садитесь… У вас не болит голова? Болит! Может бури? А, чиряк?! Не чиряк, а фурункул. Это надо знать, а то ляпните вот так в культурном обществе… И все… Как о вас подумают? А никак. В висках не стучит? Вот и у меня стучит, просто вот-вот разлетится черепок. А не подташнивает? Даже была рвота? Ну, это хорошо! Облегчение дает. Что пили вчера? А, чиряк, да-да-да-да-да-да-да, я и забыл. Откройте мне рот. Фу-у-у-у, ну и духан! Вы что, за ртом не следите? Молодой человек и такой рот!… Немедленно к стоматологу! И без возражений! Что делать с гнойником? Люся, положи ихтиолку и направь к стоматологу. Завтра милости прошу ко мне. И без очереди! А, больничный еще? Люся и больничный выпиши. Всё. Целую. До завтра.

Кто там еще? Бабуся? Что, милая, у тебя? Упала и ногу зашибла? А зачем ходила? Что, внуки не помогают? Маленькие?.. А дети? На работе. Беречь надо себя, беречь! Вот и я тут с вами еле сижу. Простыл где-то. Голова про-

сто раскалывается. И видеть стал плохо. Гляжу на вас и не вижу. Может температура даже есть. А кто ценит? Вот именно! Люся, тугую повязочку и ауф видер зеен. Откройте-ка мне рот. Ай-яй-яй-яй-яй-яй-яй! Не любите вы себя, мамаша! От меня сразу же к стоматологу! Зачем на старости лет? Стыдно! Стыдно! Если не вылечите зубы, больше не приму, так и знайте. Все. Идите. Люся, пойди, найди практиканта, пусть вместо меня посидит на приеме, а я в здравотдел. Еще в прошлом месяце вызывали, а я все никак… Дела… Главный будет искать — скажешь на вызов ушел. Пока. До завтра.

У терапевта

Машенька! Сколько к нам на прием народу сегодня!.. Зови-зови! Всех примем. Праздники на носу. Надо и о себе подумать.

Батюшки, кто к нам пришел? Роза Львовна, что случилось, голубушка? Опять давление? А что это у вас в руках? Курочка импортная? Ой, спасибо милая. А я собралась после работы на рынок зайти… Просто пустой холодильник! И цветы! Какая прелесть! Машенька, поставь их быстренько в водичку. Ну как вы, рассказывайте? Где сейчас трудитесь? У-У-У, уже директор универмага… Поздравляю. Спасибо, непременно зайду. Так что у вас с давлением? И сердце шалит? Что помогает? Понятно. Нам на инвалидов дефицит пришел, так они его не берут. Дорого, говорят. А я вам сейчас рецептик бесплатный. Ничего-ничего, не убудет. Как говорится, болейте на здоровье. Больничный сама продлю… И занесу. Уж так хочется взглянуть на ваше новое хозяйство. Больше приходить не надо, я все сделаю сама. До свидания, моя хорошая.

Машенька, пригласи следующего.

Здравствуйте, молодой человек. Что случилось? Кашель? А что у вас в руках? Положите на стол. Спецодежда? Зачем мне спецодежда? Она мне не нужна. А, это ваша? Тогда зачем вы мне ее принесли? Не мне? А кому? Просто переоделись? Странно, идёте к врачу и несете, черт знает что. Безобразие какое-то. С чем пришли, повторите. А, кашель? Курите, небось, как сапожник. Не курите? Тогда очень странно. Разделись и подышали!.. Ничего не слышу. Работать надоело, вот и по врачам шастаете! Какой Петр Сергеевич вас направил ко мне? Главный врач?! А что ж молчите? Подышите глубже… Еще глубже. Да, единичные хрипы есть. Почему я их первый раз не услышала? А кто он вам? Дядя? Мог бы, и предупредить… Машенька, подготовьте направление в стационар. Нижнедолевая пневмония под вопросом. Все, идите, пожалуйста, в приемный покой. Выздоравливайте. И вам всего доброго.

Ну и денек! На пустяке можно сгореть…

У дерматовенеролога

Здравствуйте! Проходите, садитесь? Не смотрите на меня так загадочно. С чем пришли? Не стесняйтесь. По глазам вижу, что не стрептодермия. Когда же это произошло? Пятого… А у нас сегодня тринадцатое… И вы три дня думали, а вдруг пройдет… Нет! Такое само не проходит! О чем вы говорите, конечно, никому… Батюшки, армянский, пять звездочек!.. Старые запасы? О, как! В баре работаете? В каком? Знаю, знаю. Бывал. То-то мне лицо ваше знакомо, а вспомнить не могу. Снимайте штанишки… Ну-у-у, все как в учебнике. Мочитесь часто? Даже очень. Прелестно! Сейчас мазочек возьмем, а таблеточки у меня есть импортные. Три дня… и всё. Женаты? Отлично! А-а-а? Уже лечится. Замечательно! Тогда всего доб-

рого. В четырнадцать позвоните мне по этому телефону. Анализы будут готовы. Через пять дней жду вас у себя. С мочой… И не волнуйтесь, всё будет тихо. Вы забыли конверт. Мой? Извините. До свидания.

Ну как бы мы все жили, не будь больных!

ПРОЦЕДУРА

Весна, шумно шагая по земле, нежно ласкала и веселила душу. И яркое солнышко, и желтые одуванчики на малахитовой травке, и звенящий щебет невидимых в пробивающейся листве птиц, и ветерок, нахально забирающийся под женские юбки, и даже горьковатая пыль, поднятая грузовиком, отражались в глазах прохожих неподдельным счастьем и радостью. Но вся эта красота сейчас существовала только не для Федора. Его настроение было сродни дождливой осени.

Вот уже пятый день он маялся животом. Его вздуло до размеров пятимесячной беременности, пропал аппетит, появилась тошнота, исчез стул. С этим еще можно было как-то мириться, но вот боли, жуткие, стреляющие, разливающиеся, нестерпимые, явно мешали жить, — хоть в петлю лезь! И когда терпение лопнуло, Федр, перевязав себя простынёю, походкой переевший утки, посеменил в поликлинику.

Хирург, в грязном мятом халате долго давил на живот и все расспрашивал, что он ел и что делал все эти дни.

История болезни была до банальности проста. В прошлую пятницу, в ночь, они с женой Марусей, поехали в деревню к теще. Он не хотел. Но супруга настояла. Тем более была объективная причина.

Отношения Федора с тещей или тещи с Федором не заладились с самого начала. Их двухсторонний нейтра-

литет напоминал затишье на Голанских высотах и в Секторе Газа.

В этот раз ее как подменили. Чмокнув всех в щеку и с превеликим трудом выдавив из себя вздох радости, с не закрывающимся от болтовни ртом, теща быстро накрыла на стол. Такое изобилие пищи Федя видел только на своей свадьбе и в кино. Грех жаловаться, но жили они с женой припеваючи, получая каждый месяц от ее родителей богатый провиант.

В чугуне исходил паром только что сваренный картофель, по тарелкам горкой лежали соленые огурчики, помидоры, капуста и моченые яблочки. Скупой слезой поблескивал холодец. Посреди стола, в огромном блюде возвышалась гора жареного мяса. Сало, лук, только что вынутый из печки румяный хлеб, жареные судаки, запеченные куры, утки и еще что-то стояли на широкой лавке. И это далеко не полный перечень всего того, что осталось с праздничного стола, где гуляло все село, провожая тестя на пенсию. Чай не каждый день этакая значимая фигура уходила на заслуженный отдых! Кульминацией всего этого благолепия явилась запотевшая бутыль первача, принесенного им из погреба.

Отец Маруси без малого пятьдесят лет отдал родному совхозу, работая в нем главным агрономом, живя как у Бога за пазухой, а может быть и лучше. Федор с женой не смогли тогда приехать. Маша замещала директора, вызванного в министерство.

У изголодавшего в пути Федора аппетит разыгрался не на шутку. Сколько было съедено и выпито, — вспомнить уже и невозможно. Но не мало, а точнее все и даже больше. Потом — тяжелая похмельная ночь, хмурое во всех отношениях утро, слезы разлуки, непомерная ноша с дарами, жесткий вагон и путь, длиной в девять часов. Венцом всего — этот проклятый живот.

— На халяву можно и тонну съесть. А при твоем цыплячьем весе… (Федя не дотягивал двести грамм до пятиде-

сяти семи килограмм) На кладбище собрался? — хирург похлопал по натянутой коже живота, отчего тот загудел как камертон. В глазах у Федора потемнело, и он чуть не потерял сознание.

— Идиот, — скривился он корчась и скрипя зубами, — Ему в живодерне место… А он с людьми…

Хирург вытер об себя руки, что-то написал на листочке и протянул его Федору.

— В манипуляционную. Потом сразу ко мне.

В коридоре пахло лизолом и набухающими за окном почками. Ни солнышко, играющее зайчиками на стене, ни душещипательные призывы санбюллетеней в виде: «О вреде аборта», «Бойся случайных половых связей», «Болезни грязных рук», «А ты прошел флюорографию?», не могли отвлечь его от болезненного состояния и предстоящих над ним экзекуций.

Наконец табличка с наполовину ободранной краской была найдена. За дверью слышались голоса.

— Как всегда, занято, — с досадой подумал он и присел на корточки. Боль немного стихла.

Полчаса ожидания превратились в пытку. Но из кабинета никто не выходил. Терпеть он уже не мог. Федор подошел к двери и робко постучал.

— Ну, кто еще там? — в женском голосе звучала досада и явное раздражение. Он протянул вспотевшую руку с зажатой в ней бумажкой.

Женщина, лет тридцати, с бесчувственными глазами, в белоснежном и очень коротком халате, из-под которого были видны крупные, литые ляжки, кончиками пальцев, унизанными кольцами и перстнями брезгливо взяла направление. Ее губы, большие и мясистые, слегка оттопырились, отчего яркая помада приобрела оттенок крови, бровь высоко поползла вверх.

— Вампир! Как минимум! — тело Федора конвульсивно содрогнулось.

— Мими, представляешь, день только начался, а этот хирург, Власенко Гена… Ты должна его помнить… Он на майские к тебе сначала приставал, а потом со старшей сестрой в ванной заперся. Вспомнила? Так он сегодня уже второго больного клизмиться направляет. Совсем обозрел… Заходи, горемычный!

И это «Заходи» совсем раздавило и без того измученного Федора, размазало по стенке, превратило в мразь, животное.

Он робко вошел, ощущая себя явно лишним на этом празднике жизни. В воздухе витал тонкий запах дорогих духов и сигарет.

— Ой, Люсьен, все они козлы. Одного только и хотят. Даже имя порой лень спросить, — на стуле у стола сидела дама с тоскующим равнодушным взглядом. Ее легкое пальто было распахнуто, одна нога закинута за другую, отчего вырисовывались концы черных, с подтяжками чулок, — растягивая слова, загнусавила крашеная блондинка, затягиваясь сигаретным дымом. — И без них нельзя…

Федор от увиденного остолбенел. Боль отошла на второй план, дыхание стало прерывистым.

— Вот это влип! — пришла первая мысль.

Дама оценивающе посмотрела на хилое, тщедушное тело вошедшего и не найдя в нем ничего привлекательного, усмехнувшись отвернулась.

— И что стоим как истукан? — сестра была уже в байковом халате, клеёнчатом фартуке и огромных грязно-серых перчатках, — Быстренько разделись и на кушетку.

— Как раздеваться? — не понял Федор.

— Как, как.. Полностью, — в голосе медсестры слышалось раздражение. Ее взгляд уничтожал всё святое, — А ты хотел наполовину?

— Издевается, тварь. Цирк устроила! — он в гневе начал срывать с себя одежду. Покрытый гусиной кожей с яркой татуировкой на плече, где были увековечены сло-

ва великого поэта: «Как мало пройдено дорог, как много сделано ошибок», в длинных до колен, выцветших и не первой свежести трусах, на которых еще можно было различить девочку, прыгающую с сачком за бабочкой и еле различимою надпись под ней: «Здравствуй, лето», он был жалок и ничтожен. Его бил нервный тик, лицо выражало ужас, а руки беспрестанно двигались, исполняя брачный танец влюбленного тетерева на току. И это еще больше вводило Федора в коматозное состояние. От нервного шока боли резко исчезли. В животе что-то резко булькнуло и нестерпимо захотелось в туалет.

Сестра принесла воду и огромную кружку.

— Что стоим? Долго мои нервы испытывать будем? Быстро скидай трусы, ложись на левый бок, колени к животу и раздвигай ягодицы. Мими, не хочешь посмотреть, с какими Атлантами приходится работать?

— О-о-ой, — загнусавила она, — такие экземпляры меня не интересуют. Знаешь, я хотела тебе что-то сказать… Но забыла. Представляешь? Ты еще долго будешь с ним возиться? Если долго, я тогда пойду. Меня Родион приглашал пообедать. Правда, с ним скучно…

Федя уже ничего не видел, не слышал и не соображал. Он очень красивым и даже виртуозным движением, с легкостью Арлекина, скинул трусы и буквально вспарил на кушетку, встав на нее с гордо поднятой головой и скрещенными на груди руками. Сейчас он напоминал античную скульптуру юноши, возвратившегося из райского сада.

Раздался смех. Подлый и отрезвляющий.

— Ты здесь решил нам самодеятельность устроить? Вот этого не надо. Данных маловато. Без тебя клоунов хватает с головой. Я, кажется, четко сказала ложиться на левый бок, поджать к животу колени и раздвинуть ягодицы. И не зли меня. Иначе кружкой ударю.

Федор густо покраснел, лицо покрыла липкая испарина и, словно подкошенный, он рухнул на кушетку. Те-

перь в нем было что-то звериное, страшное. Он походил на Стеньку Разина перед казнью.

— Молодец! — похвалила медсестра, — Вдохнул, выдохнул и снова вдохнул…

Что-то холодное и, как показалось, очень острое пронзило тело. Он подавил стон и жутко заскрипел зубами. Его начало распирать от вливаемой жидкости. В животе булькало и чавкало.

— Дышим глубоко. Ртом. И как можно дольше терпим. Потом прыжками на горшок.

К хирургу Федор уже не пошел. Дорогой его душили слезы и обида. Он проклинал супругу, тещу, тестя с его пенсией и всю медицину. Ноги сами собой несли его в кабак.

ПОСТУЛАТЫ СЛУЖБЫ

И возлюби ближнего начальника своего, ибо если он возлюбит тебя, то тебе уже точно мало не покажется. И будет он любить тебя во все дыры, пока не поумнеешь ты или не повзрослеешь. Таков вечный закон флота, идущий от отца к сыну по матери.

Будь всегда готов к тому, что тебя отдерут как Сидорову козу во все что можно и нельзя. Это не должно быть для тебя неожиданностью. И сколько соломы не стели — все равно будет больно.

Помни, что «шило» — это амортизатор. Им можно смягчить удар. Но не перебарщивай, ибо начальник с похмелья хуже, чем трезвый. И его снова надо поить.

Не спорь с начальником. Он всегда прав. Ибо неправых начальников не бывает. Так закреплено уставом.

Помни, что для начальника ты всегда дурак. И слушай его с глупой физиономией, слегка открыв рот. При

этом кивай головой и беспрестанно говори» Есть». Тогда он будет думать, что изрекает разумные вещи и считать тебя умным, доверяя сделать то, что не способны сделать другие.

Сказав «Есть» не спеши выполнять полученное приказание, ибо оно может быть отменено.

Будь актером, потому что флот — это игрище взрослых, иногда пьяных, мужиков в войну. И чем краше твой монолог, тем больше тебя ценят.

Ешь начальников глазами, — они это любят, особенно политработники. Не чурайся глупых вопросов — начальнику легче на них ответить, и он обязательно подметит, что ты стремишься к совершенству.

Помни дни рождения всех начальников и командиров, особенно более высокого ранга, старайся поздравить их первым. Это твой козырь.

Не забывай, что начальники приходят и уходят, а ты остаешься. Хорошего начальника всегда отблагодари, а плохого при расставании и подальше не забудь послать. Он поймет. Не весь же он превратился в скотину. Став же сам начальником, учти все плохое и будь лучше. Подчиненные это оценят.

С ближнем будь тактичен. Еще неизвестно, кем он завтра будет. Но на низшего периодически гадь. Ведь низший тоже не знает, кем ты послезавтра станешь.

Не пей много. Даже чая. Флот — это не чайхана и не ресторан. На нем еще иногда воюют. А захочешь дно стакана увидеть — непременно козлом станешь.

Никогда не пей с низшим тебя по должности. Этим ты унижаешь себя не только в своих глазах, но и в глазах коллектива.

Не паникуй. Не лезь в петлю и не режь вены. Это удел истеричек. Им замуж хочется, а с ними спят все подряд. Дуры они все. И запомни: у тельняшки только две полосы — белая и черная. И какой бы ширины не была черная

полоса, после нее всегда идет белая. А после неудач обязательно приходит радость.

Ни в коем случае не жалей себя. От жалости — один шаг до онанизма и педерастии. А пол на флоте не меняют — там палуба сплошь железная.

Не позволяй женщинам любить себя. Любовь — это не удел сильных. Любовь придумали или дуры (а дуры — это или диагноз, или вечное состояние души), или коммунисты. Любовь рушит все: карьеру, звезды, превращает мужика в тряпку. И не делай осоловелые глаза, когда тебе сказали, — Я беременна. И что делать?

Конечно же, рожать. Мальчика назвать именем героя-отца, ну а девочку — как Бог даст. Ибо настоящий мужчина никогда не сделает девочку. Слезы, обещания пожаловаться в политотдел и другие инстанции не должны тебя свернуть с верного пути. Все равно все кончится абортом. Любовь приходит и уходит, а выпить хочется всегда. Только теоретически любовь возникает по-разному, а уж жизнь-то неизменно идет, как у всех. Те же проблемы, та же головная боль и те же месячные. А за углом вроде бы стоит еще лучше. Так нет же. И она точно такая.

Жена у военного должна быть. В обязательном порядке. И только глухонемая. А поговорить можно и на работе. Жена — не роскошь, а средство общения, и не всегда духовного. Расширяй свой кругозор, общайся и с другими женами. Иногда они значат много больше, нежели их вислорогие мужья, с которыми нужно просто уметь не пересекаться. Ибо тебе морду расквасят или сошлют туда, куда Макар телят пасти водил, где ты и сгниешь заживо, изображая из себя великомученика, или же засношают тебя до смерти. Но и тут не вздумай лезть в петлю. Помни о белой полосе.

Не будь фискалом. Их не любят даже в особом и политическом отделах, хотя их услугами пользуются с удоволь-

ствием. Это — жизнь без друзей. А перспектива по морде получить очень даже велика.

Не будь жадным. Жадность — это порок. Принеси командиру пачку хороших сигарет или хорошей водки. И доброта спасет мир.

Не лезь вперед, не проявляй инициативу. Инициатива всегда была, есть и будет наказуема.

Твоих бумаг, планов, приказов и другой ерунды никто не читает. Ибо все знают, что ерунду требуют, ерунду и получают.

Не думай, что ты с годами становишься мудрей. Ты был желудем, желудем и остался. И все равно какая-то свинья мечтает тебя сожрать.

Прежде, чем что-то умное сказать, продумай речь до мелочей. И обязательно предложения по выполнению этого вопроса должны быть просты и доступны. В противном случае, это философия. А философов на флоте не любят.

А ещё, подойти к командиру и спросить, — Товарищ командир! А как Вы считаете… А как Вы смотрите на то, если бы мы сделали так-то и так-то…

Да никак он не считает, и ничего он не думает. Но вот у него уже отложилось, что ты — мыслящий офицер. А это все можно и не делать, главное, спросить.

Выработай стереотип и стратегию жизни. И живи этим. Тогда звезды на погонах тебе обеспечены. И должности тоже.

РОДНИК ЖИЗНИ

…А гений и злодейств
Две вещи несовместные…
А. С. Пушкин «Моцарт и Сальери»

По роду своей профессиональной деятельности, мне часто приходится встречаться с очень многими и разными людьми. Одни, мелькнув перед глазами, словно тень от тучки, сразу стираются из памяти, бесследно исчезая навсегда. Другие, точно полуденные мухи, утомляют своей назойливостью. С третьими долго-долго идешь по лабиринту жизни, и путь этот интересен и бесконечен. Это — друзья. Их, как правило, не так уж и много. Но есть и еще одна категория. Это люди, как не высокопарно сказано, высшего разума, интеллекта, культуры. От них исходит такая мощная энергетика, в которой ты полностью растворяешься, становясь мельчайшей частичкой, атомом этого человека. И, словно ребенок, открывший для себя нечто новое, неизведанное, теряешь дар речи, способность говорить и даже мыслить. Стоишь подобно истукану, понимая, что в этой жизни ты настолько мал и ничтожен… И становится страшно.

Этого человека я впервые увидел в 2003 году на ежегодном областном конкурсе солистов-вокалистов и вокальных ансамблей, посвященных памяти заслуженного работника культуры Украины, лауреата премии Николая Аркаса, Александра Федоровича Пресенко, проходившего в Доме культуры села Степовое, что близ Николаева. До сей поры на слуху было лишь его имя, имя поэта, известного не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами, человека, обладающего столькими наградами и званиями, что звезды на небосклоне по сравнению с ним казались тусклыми. От всего этого становилось немного жутко, и кружилась голова. Но как потом выяснилось, он оказался простым, открытым и очень общительным человеком

Когда компетентное жюри начало подводить итоги конкурса, на сцену вышла ведущая и объявила: — Дорогие друзья, сейчас на эту сцену я приглашаю лауреата Национальной премии Украины имени Т. Г. Шевченко, лауреата литературной премии имени В. Чумака, лауреата областной премии имени Н. Аркаса, поэта, переводчика, публициста, Горожанина года в номинации «Искусство» Креминя Дмитрия Дмитриевича.

На сцену поднялся вполне обычный человек, каких тысячи: в простом темном костюме, слегка грузный, коренастый, круглолицый, с пышными шевченковскими усами под чуть расплющенным носом. И никакой звездности, никакой напыщенности! На улице встретишь и не обратишь внимания. Он как-то неловко, даже застенчиво поклонился, словно стеснялся только что сказанных о нем слов и, немного косолапя, подошел к микрофону. По залу глуховато полилась благозвучная, зарифмованная украинская речь. В ней звучали и далекие, родные ему с детства, закарпатские напевы, и мелодии уже давным-давно укоренившейся, пронизанной сухим, знойным, степным ветром николаевщины, и слышался шорох набегающей на песчаный берег причерноморской волны, и безмолвие тихой тягучей украинской ночи, и еще что-то таинственное и загадочное.

…В лунной речке стирала сорочку,
Серебрясь, уносился поток.
…Потерял я волшебную строчку
и Отчизну в душе не сберег

Вот и мама уже за пределом,
на холме, в окруженьи родном,
и снегами, как зеркало белым,
занавешен родительский дом.

Я писал свою скорую повесть —
безоглядно, вчерне, не всерьез…
Ну, а жизнь — словно киевский поезд,
от вершины летит под откос.

Но пока не позвали на тризну
сорок черных моих сороков, —
я найду и тебя, и Отчизну
в лунном мареве, в бездне веков.

…Как от звезд полонина сияет,
как прибрежные тени густы!
Все вода с вышиванки смывает,
тянет в омут цветы и кресты.

А душа встрепенется в надежде,
и удача поманит рукой,
только женщина в лунной одежде
тихо плачет над быстрой рекой.

Отзвучал последний стих, жюри объявило победителей, и все потянулись к выходу. Я, немного волнуясь, подошел к Креминю.

— Извините, пожалуйста, — я представился и вкратце рассказал о себе, — Вы не могли бы мне уделить немного времени и посмотреть мои рассказы. Нет-нет, не сегодня, конечно, а когда сможете, — затараторил я, понимая, что говорю что-то не так и не в той последовательности, — Я — бывший офицер. Отслужил врачом на флоте 26 лет. Пишу, естественно о флоте, о жизни, но в основном в юмористической форме. Хотелось бы издать книгу.

Креминь прищурился, внимательно посмотрел на меня и слегка улыбнулся. В уголках глаз собрались лучики прожитой жизни.

— Беру на себя смелость и возражу вам. Офицеров прошлых не бывает. А то, что вы пишите — просто здорово! Очень здорово! Нам нужны талантливые авторы, имеющие за плечами большую школу жизни. Конечно, приходите, приносите свое творчество. С интересом познакомлюсь с ним, — он продиктовал адрес и номера телефонов.

Жизненная толчея не позволила быстро приехать. Дни летели за днями, проходили месяцы. А вера в светлое завтра убаюкивала, притупляла бдительность. Наконец, плюнув на все, без звонка и предупреждения я утром постучался в дверь заместителя главного редактора газеты «Рідне Прибужжя». За большим столом сидел Дмитрий Дмитриевич Креминь.

— Разрешите, Дмитрий Дмитриевич?

— Александр Витальевич? — его густые брови поползли вверх, — Я вас уже и ждать перестал. Присаживайтесь. Как дела? Привезли?

Откровенно говоря, я даже оторопел. Человек, видевший меня всего один раз и то полгода назад, вот так вот запросто взял и назвал меня по имени и отчеству. Такое соединение имен не только сложно в произношении, его еще и трудно запомнить. Фразеология. От нее не уйти.

— Ого! — удивился он, принимая от меня сброшюрованную книгу в 400 страниц, — Мне уже интересно, о чем военно-морской доктор столько написал! Между прочим, медицина дала литературе много громких имен: Даль, Булгаков, Аксенов, Чехов, Горин, Рабле… И Александр Розенбаум тоже военно-морской врач… Вот и вы встаете с ними в один ряд.

Мои щеки порозовели. Такое можно было представить лишь во сне.

— Хорошо! — лучики в углах глаз стали глубже и длиннее. Он приподнялся, протянул руку. — Через две недели жду вас у себя. И без опозданий! А то я начну сомневаться

в пунктуальности военных. Хоть и бывших, — засмеялся он, — Всех благ и удачи на литературном поприще! А еще что-то пишите? Или запал угас?

— Пишу.

— Молодец! До встречи.

Ровно через четырнадцать дней я снова вошел в кабинет, правда, уже исполняющего обязанности главного редактора.

— Заходите, заходите, — он поднялся со стула, протягивая руку. — Прочитал… Интересно, зло… Дал ознакомиться с вашим творчеством Кочурину Вячеславу Тимофеевичу, нашему известному поэту. Послушаем и его мнение. Не возражаете? Считаю, что книгу можно отдавать в печать, кроме двух–трех рассказов. Я их обвел красной пастой.

Я ликовал! Было приятно получить столь высокую оценку своего труда от человека, чье имя вписано золотыми буквами в историю украинской поэзии. Из груди наружу от радости выскакивало мое сердце. Горло сдавливал спазм.

— Спасибо, — прохрипел я.

Так явилась на свет моя первая книга. За ней вторая. Готовилась к изданию третья. С Дмитрием Дмитриевичем Креминем мы стали встречаться чаще. Разговоры велись более отвлеченные, жизненные. По крупицам я все больше и больше узнавал об этом человеке. Заходил даже к нему домой, где, как в нем самом, не было никакой напыщенности, чванства, роскоши, пренебрежения к себе подобным. Его жена, Ольга Ивановна, женщина удивительной доброты и сердечности, потчевала нас чаем с пирогами. И это не была игра в простоту, поход в народ. Это была норма жизни, норма поведения, давным-давно сформировавшиеся устои, где природное душевное тепло трансформировалось в неподдельный магнетизм.

Финогеев А. В. и Креминь Д. Д. 2012 год. г. Николаев

Что же делает людей такими простыми, доступными, открытыми? Наверное, жизнь, труд, упорство. И культура, разумеется. Вряд ли все заложено генетикой. Человек, познавший с детства трудности и лишения не способен унизить и оскорбить себе подобного. Лишь достаток и изобилие генерируют чувства превосходства над другими, туманят мозги, превращают человека в хама и грубияна. А интеллект, из-за отсутствия элементарной культуры, не поднимается выше капота его дорогой машины и только изредка пробивается при общении с девочками в саунах да ночных клубах.

…В нашем Диком Поле — суховеи,
иссохло горло, высохли слова.
Мадонны подались в ночные феи,
старинный храм разобран на дрова…

Д. Д. Креминь родился 21 августа1953 года в живописном закарпатском селе Сухая, Иршавского района, Ива-

но-франковской области в то время, когда отголоски войны были еще слышны, а сам край восемь лет как вошел в СССР в составе УССР, в самой что ни на есть простой семье. Мама поэта, Анна Петровна, трудилась в колхозе. Уже нет ее сейчас. Умерла в 2004 году. Отец, Дмитрий Ильич, здравствующий и поныне, работал там же шофером, отслужив с 1946 по 1950 в армии. Службу проходил в Москве.

То ли неописуемой красоты природа, с ее малахитовыми лесами и многочисленными неиссякаемыми родниками, толи чистый, звенящий, горный, карпатский воздух, а село Сухая расположено на высоте 1241 метр над уровнем моря, то ли белые, как невесты, с цветными окошками хаты, раскинутые по взгорью, то ли дар Божий, а скорее всего и то, и другое, и третье, глубоко проникли в детскую головку и трепетную душу Димы, изливаясь оттуда наружу напевными стихами. В них он раскрывал весь свой внутренний мир, воспевая красоту природы, тяжелый крестьянский труд, первую любовь и все то, что рождало его воображение. И уже в 1965 году на страницах «Закарпатской правды» появилось первое стихотворение двенадцатилетнего мальчика. А они все рождались и рождались. Через пять лет он печатается уже в республиканском альманахе «Вітрила». Теперь о поэте Кремине узнала вся Украина.

…Мы бредем степями к Перекопу.
Сабля с люлькой — вот и все добро…
Буг-Гипанис тянется в Европу.
Понт Евксинский щурится хитро.
Но у нас судьба — не побирушка
И не пьяный постоялый двор.
Где была дощатая церквушка —
На века воздвигли мы собор!

Исстари этот край знаменит не только вином «Иршавское». Он еще и плодовит на таланты. Здесь также родились писатели Федор Потушняк и Иван Петровций, народные артисты Украины Иван Попович и Степан Гига, автор супер-хита «Верховино, мати моя» Михаил Машкин, член-корреспондент национальной академии наук Василий Нимчук и многие другие. Всех и не перечислишь.

После окончания в 1968 году в родном селе восьмилетки Диму переводят в Ужгородский интернат для одаренных детей. Учится он легко и свободно. Именно здесь Дмитрий буквально поглощает в себя творения классиков украинской и мировой литературы, глубоко изучает историю, философию. Жажда знаний, невероятное упорство и феноменальная память делают его лучшим учеником интерната. Он часами может декламировать стихи Шевченко, Украинки, Пушкина, Есенина, Шекспира… Не останавливаясь рассказывать о подвигах Македонского и Жижки, Наполеона и Ганнибала, Хмельницкого и Кутузова… Он и сам мужает и крепнет как поэт. В стихах появляется зрелость, лаконичность, взрослая осмысленность.

В 1970 году Креминь поступает в Ужгородский государственный университет на филологический факультет, после окончания которого уезжает по направлению на николаевщину, где преподает украинский язык и литературу сначала в школе в поселке Казанка, а затем и в городе Николаеве в педагогическом институте, работает в областных газетах. Печатается в журналах «Вітчизна», «Дніпро», «Ранок», «Юность», альманахах «Письмена», «Бужський Гард». Один за другим выходят семь его сборников. Работая еще сельским учителем, Дмитро Креминь в 1979 году, на двадцать шестом году жизни!, становится членом Союза писателей СССР. А с 1993 года уже руководит молодежной литературной студией «Борвій».

За сборник «Пектораль» Д. Д. Креминю присуждена Национальная премия Украины имени Т. Г. Шевчен-

ко. Его стихи переводятся на английский язык. Вот уже и мир знакомиться с нашим поэтом. А в 2011 году за высокие достижения в области литературы ему присуждается Всеукраинская литературная премия имени Владимира Свидзинского.

…Златоглавый храм на Богополе.
Как его низовка замела!
Мы — низы. Нам так хотелось воли —
Три столетья!
И она пришла…
Как мы отдирали рабьи тавра,
Выдали чертям и флирт, и флинт…
А она в обличье Минотавра:
Вновь у нас не путь, а лабиринт…

Жизнь не стоит на месте. Меняется время, меняется и человек. Но неизменными остаются талант, неиссякаемая энергия и высоченная культура Креминя. Сейчас он возглавляет Союз писателей в Николаеве, пишет очерки о жизни и творчестве николаевских писателей, артистов, художников и, конечно же, стихи, стихи, исходящие из его огромного сердца и бездонной души… Много сил и внимания он уделяет воспитанию и становлению молодых поэтов и прозаиков.

Его глуховатый голос всегда встречает меня восторженно: — Александр Витальевич, литературный сборник открыли! «Спасская улица»! Хотим и тебя туда поместить. Принесите-ка что-нибудь интересное на пару страниц…

По роду своей профессиональной деятельности, мне часто приходится встречаться со многими и разными людьми. Одни, мелькнув перед глазами, словно тень от тучки, сразу стираются из памяти, бесследно исчезая навсегда. Другие, точно полуденные мухи, утомляют своей назойливостью. С третьими долго-долго идешь по лаби-

ринту жизни, и путь этот интересен и бесконечен. Это — друзья. Их, как правило, не так уж и много. Но есть и еще одна категория. Это люди, как не высокопарно сказано, высшего разума, интеллекта, культуры. От них исходит такая мощная энергетика, в которой ты полностью растворяешься, становясь мельчайшей частичкой, атомом этого человека. И, словно ребенок, открывший для себя нечто новое, неизведанное, теряешь дар речи, способность говорить и даже мыслить. Стоишь подобно истукану, понимая, что в этой жизни ты настолько мал и ничтожен… И становится страшно.

Дай Вам Бог, дорогой мой и душевный человек всего того, что я желаю и себе! И пусть у Вас будет и слава, и положение, и почет, но оставайтесь всегда таким, каким Вы есть! Таких как Вы становится все меньше и меньше. Вы — источник тепла, душевности… Вы — Родник жизни!!!

Немного отступая от темы, хочу сказать, что на моем жизненном пути я сталкивался с еще одним Горожанином года более позднего разлива, приехавшим ко мне «починить» свой «подорванный» в трудах и заботах позвоночник. Это был совершенно другой человек.

Как-то к воротам больницы подкатил роскошный автомобиль. Из него вышел, в сопровождении шофера и охранника, в шикарном костюме, туфлях, отражающих все краски света, ореоле дорогого французского парфюма и смотрящего с пренебрежением холодными, мутными глазами на окружающую его среду, молодой мужчина. Это был типичный представитель современного руководителя. Руководителя смутного времени. Времени, поднявшего со дна всю грязь и нечистоты. Того периода нашей истории, где правит миром не ум, не совесть, а большие деньги. Не хочу больше о нем говорить и вспоминать. Тем более, что и запомнился в нем лишь показной лоск, а не его внутренний мир и «светлый» ум.

…— Сколько в душу чужих поналезло!
Принесли нам свою нелюбовь.
В черноземах — то кровь, то железо.
Уж негусто железа… А кровь
Забелеет от дуста и хлорки:
Кто мы, где? После нас хоть потоп!…

* Перевод стихов с украинского В. Пучкова.

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

Врач, независимо от своей специализации, в обязательном порядке должен быть психологом. Больной ждет от него не только квалифицированной медицинской помощи, но и стремится раскрыть перед ним свою душу, получить совет или попросту поговорить. Иногда достаточно врачу улыбнуться или по-доброму на него посмотреть, как боль уходит сама собой. К великому сожалению медицинские работники, в большинстве своем, разучились улыбаться, а еще хуже, перестали понимать чужую боль. Для них деньги стали превалировать над гуманностью. А бренный металл, как известно, развращает, убивает нравственность, сея в душе жадность, зависть, черствость, уничтожая напрочь доброту и сердечность.

Ко мне на прием пришла девушка, двадцати с небольшим лет. Молодые, особенно представительницы слабого пола, редко приходят с чем-то серьезным. Их проблема — душевная боль. Им нужно выговориться, очистить себя, выплеснуть накопившееся наружу. Это все равно, что освободить от мусора ведро. Главное не мешать им в этом, набраться терпения и ждать, иногда направляя в нужное

русло, и ненавязчиво давать советы. Здесь время — самый надежный и верный лекарь.

— Понимаете доктор, — начала она, нервно перебирая пальцами край стола, — мне все в моей супружеской жизни не нравится.

— Вам конечно надо бы обратиться к психологу. Ну, коль пришли ко мне, давайте попытаемся разобраться. Извините, что перебиваю, но сразу хочу выяснить, давно ли вы замужем?

— Почти три года. Но мужа я не люблю.

— Еще раз извиняюсь. А дети у вас есть?

— Есть. Дочь.

— Она от мужа или…?

— Нет. От мужа.

— Так что же вас так разочаровало?

— Замуж я вышла не по любви. Кстати, муж старше меня на десять лет. Получилось все банально просто. Я поругалась со своим молодым человеком, а тут подвернулся он. Ну и пошло, и поехало. Потом беременность, свадьба, роды…

— Муж вас любит?

— Да.

— Он пьет, гуляет, не ночует дома, не приносит денег, обижает вас физически или морально?

— Здесь как раз все нормально.

— Что же вам в нем не нравится?

— Я хочу ходить в ресторан, кафе, на дискотеки… Мне предлагают работу стриптизершей в ночном клубе. В конце концов, я еще не нагулялась. А мне это не разрешают. Еще мне не нравится, как муж одевается, как готовит пищу, как говорит, как ест… Меня в нем все раздражает.

— Если не секрет, а какая ваша профессия?

— Я будущий адвокат.

— То есть вы, как я понимаю, вскоре будете защищать и стоять на страже закона за моральные устои и нравст-

венность в нашем обществе, сами нарушая все и вся. Вы курите?

— Да. И это мне нравится.

— Будь я пророком, то утвердительно бы сказал, что супруг ваш еще и не курит.

— И это правда.

— Вот вы от меня чего-то ждете, за чем-то пришли… Совета, действия, готового рецепта?.. А ведь их нет! И никогда не было! В семье женщина играет главенствующую роль. Она и дипломат, и амортизатор, и еще тысячу всяких других вещей, которые цементируют семью, создают в ней микроклимат, поддерживают огонь любви. Она, и только она, скрепляет и сплачивает семейные отношения. Вам не нравится как муж одевается? Поверьте, — не в этом счастье. Если человек хороший, — он мил и в рваной майке. А нет, — возьмите его под руку, пойдите с ним на рынок, походите там, выберите для него все то, что мило вашему сердцу. А оттуда, тоже под руку, зайдите в кафе, обмойте покупку. Чинно, мирно.

Вам же глубоко все равно кто с вами танцует на дискотеке и во что он одет? Самое важное, — что он раскован и весел. А чем раскован и от чего весел, — не так уж и важно, алкоголь это или наркотики. Он обращается с вами, простите за бестактность, как собачка с мячиком. Захотел — укусил, захотел — поиграл, причем ласки, как правило, тоже грубы. Он не спрашивает можно это или нельзя. Ему можно все! Оттого-то с ним и весело. Но этот человек способен только брать, не давая взамен ничего. Единственное что от него запросто можно получить, так это СПИД или любую другую венерическую болезнь, а сигарету он стрельнет у вас. Он не может быть мужем, он не сможет стать отцом. Не дано природой. Это тоже самое, как кукушка не может стать матерью. Вы все эти вопросы должны знать лучше меня. Лично мои воспоминания, связанные с мамой, — это благородство, скромность, тактич-

ность, выдержанность. Она умерла, когда мне было двадцать восемь лет. А теперь представим, что о вас скажет ребенок через двадцать-тридцать лет. Не надо морщиться. Так оно и будет. Кстати, дочь живет с вами?

— С моими родителями.

— А муж навещает ее?

— Да. Каждую неделю. Но это ничего не значит.

— Вы с ним, разумеется, не разведены?

— Нет. А зачем?

— Действительно, зачем? Надо же иметь пути отхода. Правда? А вдруг простит, а вдруг примет. Второе. Женщина обязана уметь готовить. Она обязана встречать мужа у порога не с сигаретой во рту, а с улыбкой, радостью. Ибо он кормилец, ибо он отец вашего, я это слово подчеркиваю, ребенка, ибо он муж. И надо быть большим негодяем, чтобы порочить весь уклад семейной жизни. Вы с мужем не спите? А сами не пробовали внимательно посмотреть на себя в зеркало? Человека без изъянов не бывает. Может кому-то тоже не нравится как вы держите ложку или, предположим, как ходите… Да мало ли что… И если вам об этом сказать, вы, естественно, обидитесь Где же тогда…

— Вам не кажется, доктор, что вы переходите все границы?

— Если я их только перехожу, то вы, извините, их давно перешли. Конечно, я задал бестактные вопросы. И с мужем вы не спите. Еще раз извините. Подождите секундочку, не уходите. Я попытаюсь сыграть роль пророка и предсказать ваше будущее.

— Нет уж, увольте! Мне вас порекомендовали, как хорошего доктора. А вы такая же посредственность, как все!

Она встала и, не прощаясь, хлопнув дверью, вышла из кабинета.

Доктор долго сидел за столом, низко склонив голову. Ему было искренне жаль безвольного, бесхребетного му-

жика, взвалившего на себя всю дурь своенравной бабы. Думал он и о будущем блюстителе закона. О ее незавидной судьбе. Пока она еще молода и хороша, она будет востребована мужиками, ранг которых с годами станет опускаться все ниже и ниже. Такие как она, не способны быть женами и матерями. Но вскоре наступит время, когда с желтым, морщинистым от табака и отечным от алкоголя лицом, она окажется одна. Вот тут, в компании таких же, как сама, бродяг, с фингалом под глазом и пластмассовым стаканчиком портвейна, она начнет проклинать не тех, с кем до этого спала, а все того же мужа. Ведь это он ее, сироту, оставил, можно сказать выкинул на улицу! Вот же подлец какой!

Грустно это и печально. И еще противно. И таких как она, ой как много!!! Об этом вторят все те Кодексы, которые она сейчас изучает.

ГОРЕ ЛЮДСКОЕ

Ко мне утром подошла пожилая женщина.

— Доктор, скажите, я сегодня выписываюсь?

— Да. У вас какие-то вопросы?

— А можно мне еще немного полечиться? — во взгляде была скрытая печаль, затаенная надежда.

— Можно конечно. Но большого смысла в этом нет. Ваш сустав хорошо разработался. И если продолжите те упражнения, которые я вам показал, движения восстановятся полностью. Только не лениться! — улыбнулся я, — Договорились? Или вы хотите еще у нас остаться?

— Если можно, то я останусь. Понимаете, — глаза наполнились слезами, — я здесь потратила все деньги. А пенсия еще не скоро. Приеду домой… Мне даже поесть нечего будет.

— Не расстраивайтесь, моя хорошая, — горло сдавил спазм, — Я заведу новую историю болезни. Заодно и сердечко подлечите, — я попытался улыбнуться.

— Спасибо, доктор. Дай Вам Бог здоровья! — она, поклонившись, вышла из кабинета.

Господи, как это страшно, больно и обидно воспринимать сердцем то, что люди у нас никому не нужны!

Почему так?!

Почему пожилые люди лишние в нашем обществе? Ведь когда-то они были нашим фундаментом! Это они дали всем нам жизнь. Ведь и мы тоже состаримся…

Мир, почему ты так жесток и несправедлив?!

Кто даст ответ?

Нет таких…

ВСТРЕЧА

Если преступника тянет на место преступления, то меня постоянно влекло в город моей флотской юности — славный Севастополь. Четверть века я не был в нем. Именно здесь я стал настоящим офицером, мужчиной, отвечающим за свои действия и поступки, сформировал характер, прошел школу мужества. Друзья давно приглашали приехать, погостить, но постоянные житейские проблемы и природная лень оттягивали поездку все дальше и дальше. Но тут в начале сентября раздался звонок. Звонил мой бывший командир эскадренного эсминца «Благородный», а в последующем и командир бригады строящихся и ремонтирующихся кораблей капитан первого ранга Шевченко Григорий Николаевич.

— Саня, ты долго собираешься испытывать наше терпение? В начале октября сослуживцы собираются на

встречу. Ждем только тебя. Ты мне сейчас говоришь день своего приезда. Отговорки не принимаются.

— Григорий Николаевич, я так сразу не могу. Куча проблем дома, на работе, — начинаю я отрабатывать задний ход.

— Дай трубку жене. Сейчас я все улажу.

— Галя, — кричу я супруге, — с тобой хочет поговорить Шевченко из Севастополя.

Она берет мобильный телефон, — Але, здравствуйте, слушаю вас.

До меня доносится звук мужского баса.

— Я не против. Пусть едет. Только просьба большая, не пейте там много. У него сердце барахлит. До свидания. Хорошо. Передаю Саше трубку.

— Саня, все решено. Отпрашивайся дней на десять на работе, бери билет и вперед! Встречу, — командирским тоном отчеканил Шевченко.

— Спасибо за приглашение. Я позвоню. До скорого свиданья.

— Пока, — в трубке раздались короткие гудки.

И вот автобус Николаев–Севастополь мчит меня, приближая с каждым поворотом колеса, в город моей боевой славы.

Двенадцатичасовая поездка очень утомительна. Но ожидание предстоящей встречи сглаживает и это. Через шесть часов замелькали знакомые до боли картины крымского пейзажа. За спиной остался Джанкой… А вот и столица крымского края — Симферополь… В долине реки Чуруксу мелькнул в стороне ханский дворец Бахчисарая с горой Чуфут-Кале… Верхнесадовое, где в советские времена находилось КП и проверялись у въезжающих документы… Белокаменск… И, наконец, отражая огни стоящих на рейде кораблей, показалась Севастопольская бухта.

Было уже достаточно темно, когда автобус прибыл на автовокзал. На платформе встречали Шевченко и Пушкин. Но

это были уже не те подтянутые бравые офицеры, а солидные дядечки, с округлыми животами и изморозью на висках. Мы обнялись. На глаза предательски навернулась влага.

Годы хоть и увеличили размер брюк и рубашек, но сердце билось все с тем же задором.

Вот мы едем по ночному Севастополю. Огни баров и ресторанов маняще зовут своих посетителей. Те же улицы, те же звуки, та же величавая спокойность Южной бухты… Город тот… И не тот. Не видно привычных глазу бескозырок и фуражек.

— А что ты хочешь, Саня, — Шевченко делает поворот, чтобы показать недавно поставленный памятник Екатерине II, — того флота уже нет. А нет флота, нет моряков. Обидно, досадно… Но, наша обида и досада никому не нужны. Новое веяние времени, — в его голосе слышна неподдельная грусть. Грусть человека, отдавшего флоту более тридцати лет, — Всё продано, всё уничтожено… Как, собственно, и все мы. Теперь Севастополь не город русских моряков, а город туристов и отдыхающих. Всё для них… А они для денег. Походишь, посмотришь, сам всё увидешь. Чего я тебе рассказывать буду…

Поехали домой к Саше Пушкину, где я и должен был остановиться. Там нас ждала у сервированного стола его жена, Света.

До поздней ночи произносились тосты, лилась беседа, возвращая нас всех в далекое вчера.

График пребывания был предельно жестким, — день приезда, день отъезда и шесть сумасшедших дней на экскурсии. Если бы не Григорий Николаевич с его машиной, то я и четверти за это короткое время не смог обойти, не то, что осмотреть. И все же основное было осмотрено: Панорама «Обороны Севастополя 1854–1855 годов», Диорама» Штурм Сапун-горы 7 мая 1944 года», Балаклава, Приморский бульвар, музей Черноморского флота, античный город Херсонес с Владимирским собором, Дом-музей Севастопольского под-

полья 1942–1944 годов, мыс Фиолент с Георгиевским монастырем и много еще чего, что встречалось на пути.

Конечно же, спустился на Минную стенку, где когда-то яблоку негде было упасть от стоящих военных кораблей. Сегодня вид удручает. Их практически нет! А моряков в городе можно по пальцам пересчитать. А раньше! Весь Севастополь бел от бескозырок!

Поразил и сам город! Он расстроился, похорошел.

Разительно бросилось в глаза, как из военно-морского города, Севастополь превратился в курортный.

И это обидно!

Мне, по крайней мере.

Ветераны эскадренного миноносца «Благородный»: (слева направо) Мохорт А. М., Пушкин А. Б., Финогеев А. В., Шевченко Г. Н.

В предпоследний день вечером все, кто смог придти, собрались на даче у Григория Николаевича. Было не много: Саша Пушкин с женой, Мохорт Александр Михайлович, я и, естественно, хозяин. Лидия Николаевна,

жена Шевченко, женщина удивительной красоты, обаяния, скромности и такта, накрыла в зале великолепный стол.

Сидели долго, погружаясь все глубже и глубже в годы нашей совместной службы. Вспоминали и хорошее, и плохое. Сердце щемило об ушедших годах, о тяжелой, но почетной службе, о том далеком времени, когда в морях дороги наши были и о тех прежних, стройных, подтянутых и бесшабашных морских офицерах. И еще просто от того, что это была встреча с сослуживцами, встреча со своей далекой молодостью… И эта встреча подходила к концу. Надо опять возвращаться в настоящее сегодня.

Разошлись ночью.

В город вернулись на такси.

Через день, в ночь, автобус Севастополь-Николаев вез меня домой. Экскурсия в юность закончилась. Но воспоминания: добрые и грустные, светлые и чистые остались.

Взрослому человеку всегда не хватает детства и общения с теми, с кем прошел не один километр пути.

Дай Вам Бог, мои боевые друзья, крепкого здоровья, счастья и долгих лет жизни! Естественно, семь футов… И низкий всем земной поклон!

— Флоту быть!

Пусть эти слова Петра I живут в делах и веках!

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Иногда приходиться слышать от читателя, что в тексте запятая не там поставлена или оборот речи не правильный, или, того хуже, обнаружена ошибка в слове. Да, согласен. Слышать не очень приятно. Коль пишешь, надо с грамматикой дружить, а не надеяться на редактора.

Еще хуже, когда говорят, что этот рассказ я бы написал не так, а в другом повествовании, что герои слишком откровенны в своих суждениях. Может быть. Не спорю. Каждый видит свою радугу, каждый воспринимает мир по-своему. Пишите. Может в вас зарыт талант Тургенева или Достоевского, Загребельного или Гоголя. Не возражаю.

На моем долгом жизненном пути встречалось много людей. В основном хороших. Но попадались и негодяи. Одним из таких был писатель, ученный и военный врач в одном лице, который к творчеству и изыскательской работе имел такое же отношение, как я к освоению космоса.

В те, не совсем и далекие времена, когда гусиное перо перестало выполнять свою великую функцию, а всё гениальное стало выходить из-под каретки пишущей машинки, у оного молодого человека уже был компьютер, вещь редкая и диковинная. Помогая творческим личностям набирать тексты научных работ или художественной литературы, он как бы, между прочим, вписывал в список авторов и свою фамилию. А чего бы и нет? Были же братья Стругацкие, Вайнеры, Ильф и Петров, сказочники Гримм…

Люди, умные и талантливые, хоть и скрипя сердцем, соглашались. Деваться некуда… Так родился новый гений военной медицины!

Когда, в государствах наступил крах, — в науку пришло упадничество. Стали ученые умы переписывать старые учебники, добавляя в них лишь новые методы лечения и лабораторные исследования. Теперь это был уже их труд! Так появлялись не дающие ничего нового монографии, справочники, учебники, пособия в различных видах и интерпретациях. Но тот, кто набирал это на мониторе своего компьютера, тоже не оставался в стороне. Сначала он был шестым в списке авторов, потом четвертым. И вот уже второй! О новом таланте молодого «гениального» ученого заговорили в верхах. Вскоре он стал кандидатом, затем доктором наук. На погонах засверкали боль-

шие звезды, на голове появилась папаха. Теперь он уже не мальчик, а Муж! Мечтает стать начальником кафедры. Очень любит симпозиумы, дискуссии… Ведь там, как и в групповом сексе, ума много не надо. Будь изворотливым и проворным! Тогда обязательно заметят. И оценят!

Крупный ученый в современной жизни, большущая редкость. Ведь надо проводить опыты, не спать ночами, сравнивать показатели, смотреть динамику, проводить гистологические исследования… На все это уходит уйма времени. А иногда и целая жизнь. Легче же бездумно переписать то, что написали другие. И не забывать, естественно, о своем светлом имени. А деньги, почет и слава придут! Куда они денутся?! А что там на теле у больного, — пустула, папула, розеола или эритема, — пусть разбираются те, у кого голова на месте и нет компьютера!

Зло?

Зло!

Жестоко?

Жестоко!

Но это правда. Горькая правда!

За науку обидно! И за державу тоже!

Смута породила хаос. А он поднял наверх нечистоты, покрыв ими сливки общества.

И все же остались одаренные люди, которые созидают, изобретают, ищут, пишут и творят. Да поможет им Всевышний!!!

В Святом Писании сказано: «Не судите, да не будете судимы».

Очень хочется придерживаться этой мудрой заповеди, но не всегда получается.

И ЕЩЕ НЕМНОГО О ДОБРОТЕ

Как-то я поехал погостить к моим очень хорошим, дорогим и близким мне людям в село, которое растянулось вдоль Южного Буга. Была зима. Недавно выпавший снег источал свою девственную свежесть, искрясь на ярком солнце.

Как-то само собой вошло в традицию, что мой приезд всегда сопровождается выходом к роднику, что в трех километрах от их дома. Мы, мирно беседуя, не спеша брели по снежной целине, утопая по колено в снегу.

Мы уже спускались к оврагу, где из недр земли голосисто выбегала вода, когда зазвонил телефон. Голос был не знаком.

— Слушаю вас.

— Саня, привет. Это Андрей Дармаев.

— Кто?

— Дармаев… Бурят… Помнишь? Мы вместе учились в академии. Ты на четвертом, а я на третьем факультете. Мне Володя Зуев дал твой телефон и переслал электронный вариант твоей второй книги. Молодец! Читаю, смеюсь. Молодец! — еще раз повторил он, — Я в Иркутске в госпитале. Невропатолог. Как твои дела?

Перед глазами сразу встал образ высокого, худощавого, слегка сутуловатого парня с добросердечной улыбкой, и характерным разрезом глаз, присущим народам севера.

Мы поговорили. Было безумно интересно встретиться со своей далекой-далекой юностью. Ведь мы с ним не виделись с 1977 года.

— Саша, Зуев сказал, что скоро выйдет твоя третья книжка. Как бы договориться с автором и получить ее вместе с автографом?

— Даже не знаю, Андрей. Она написана и пролежала в издательстве полтора года… У государства денег нет, а

у меня тем более. Коплю потихонечку. А скоро ли наберу эту сумму, не знаю.

— Александр Витальевич, — зачем-то он перешел на официальный тон, — я обзвоню наших ребят… Поможем! Каждый что-то пришлет. Не обеднеем. Напиши мне только свои реквизиты.

Спазм сдавил горло. Глаза стали влажными. И не потому, что с реки поднялся ветер и снег попал в глаза. Это от бескорыстной отзывчивости далекого человека, с которым мы вместе учились когда-то, от простого, идущего от чистого сердца участия, человеческой сердечности и всего того, что именуется редким ныне именем Доброта.

Спасибо тебе Андрюша за то, что эта книга увидела свет! Спасибо за твою природную доброту, чуткость, внимание и отзывчивость! Дай Бог тебе, твоим родным и близким всего того, что я желаю себе! И пусть на этой грешной Земле никогда не будет жестокости, злобы, зависти и жадности. Живи, мой хороший, 108 лет здоровым, бодрым, в счастье и радости! Низкий тебе земной поклон!!!

Пусть и у тех, кто пообещал, но не сделал или сказал: «С какой стати…» будет все хорошо. Ибо и они тоже вспомнили обо мне.

ИЗ НЕВЫСКАЗАННОГО

Не каждый имеет в своем распоряжении арбалет. Но каждый мечтает из него выстрелить.

* * *

На всех звезд не хватает.

* * *

Современная женщина с легкостью обменивает любовь на деньги. Эволюционно ее целомудрие отваливается вместе с отсохшей пуповиной.

* * *

Нищему сложнее перепрофилироваться в принца, чем принцу в нищего.

* * *

Иногда цари тоже должны стоять на коленях.

* * *

Невозможно пройти жизнь не оглянувшись ни разу назад. Ведь с каждым шагом за спиной мы оставляем то, чего никогда уже не будет впереди.

* * *

Дружба между мужчиной и женщиной всегда заканчивается одним — постелью. После этого друзья становятся либо любовниками, либо мужем и женой.

* * *

Самое интересное в жизни то, о чем ты еще ничего не знаешь.

* * *

Никогда не надо выворачивать себя наизнанку. Все равно женщина тебя никогда не поймет, особенно краси-

вая. Красота не имеет ума, как утром не бывает вечера. Красоте нужна ночь. От умных разговоров у нее головная боль и скука.

* * *

Женщине легче развязать войну, чем заключить долговечный мир.

* * *

Зачем навязываться к женщине в друзья, если легче стать сразу любовниками.

* * *

Если голова пуста, интеллектом не похвастаешься, зато с избытком можешь насладиться властью.

* * *

Дружба, как и коньяк, с годами становится только крепче.

* * *

Пьяную женщину любят все по очереди, не получая от этого ни наслаждения, ни удовольствия. Любят до рассвета. Потом выбрасывают, как шкурку от банана. И чем дальше, тем лучше. Чтоб не поскользнуться на дороге и не усугубить и без того горькое похмелье.

* * *

Если стыда нет, то надо научиться его изображать.

* * *

Подруга проститутки сродни другу гомосексуалиста.

* * *

В каждом разумном деле должен быть свой разумный толк.

* * *

Только нищий свято верит в светлое завтра.

* * *

Каждый восход — преддверье заката.

* * *

Напыщенный деловой тон не должен мешать общению с людьми.

* * *

В жизни каждый должен хотя бы один раз ошибиться.

* * *

Лучше быть посредственным начальником, чем хорошим подчиненным. Но нельзя быть самодуром ни там, ни здесь.

* * *

Человек, поднявшийся из грязи в князи, продолжает и дальше источать грязь. А у павший с высоты — делает грязь светлее.

* * *

Дурак начальник — беда для всех. Ведь возомнив себя божеством, он кроме собственного отражения в зеркале ничего больше не видет. Но это дурак не понимает, что только подчиненные держат его на плаву. Без них он быстро утонет.

Содержание

Эпоха “Second hand” 7
В водовороте судьбы..... 17
Фиаско 31
Детективная история..... 35
Житейская история 41
Медузомицет 75
Подполковник..... 76
Пять копеек..... 79
Неудачная шутка 81
День рождения 85
Самородки 88
Бинокль..... 89
Боевой листок..... 93
Любимец прессы..... 97
Фарт 101
И смешно и грешно 105
«Сатурн»..... 107
Первоапрельская тревога 1 110
Первоапрельская тревога 2 113
Баллада о третьем факультете 116

Тернистый путь знаний 135
Превратности отдыха 137
Жертвы чревоугодия 139
Крестины 145
Узник 174
Тихая жизнь 185
Жертва красоты 188
Пасхальный падарок 197
Производственные будни 205
Жалость 208
Звездная болезнь 210
Конфуз 212
Неблагоприятный день 214
Это — жизнь 220
Богатство 223
Запятнанная репутация 226
Экстремалы 228
Издержки ученья 233
Водяной 236
Ходячее ЧП 239
Плачевная инициатива 241
Запрещенный прием 243

Красноречие 245
Как я стал пионером 247
Утренник 248
Гангрена 252
Утро в поликлинике 256
Процедура 259
Постулаты службы 264
Родник жизни 268
Откровенный разговор 278
Горе людское 282
Встреча 283
Вместо послесловия 287
И еще немного о доброте 290
Из невысказанного 291

Олександр Фіногєєв

Ф60 По місцях стояти! : розповіді / О. В. Фіногєєв. — Миколаїв : РАЛ-поліграфія, 2013. — 300 с.

ISBN 978-966-96838-8-5

У своїх викладах автор, який прослужив лікарем у ВМФ більше чверті століття, продовжує оповіді, розпочаті в збірці «В ті дні в морях шляхи наші були», «…І життя, і море, і любов…» і в гумористичній формі, з певною часткою реальності та фантазії, розповідає про службу у Військово-морському флоті, Збройних силах СРСР, житті та ділиться своїми думками.

Книга розрахована на масового читача.

ББК 84.1.07.07

Олександр Віталійович Фіногєєв

По місцях стояти!

Розповіді

Редактор: Фіногєєв П. О.
Коректор: Чернецька О. І.
Дизайн та верстка: Рудий С. О.

Здано до набору 15.04.2013. Підписано до друку 20.05.2013.
Формат 64×90/16. Папір офсетний. Гарнітура Charter ITC.
Ум. друк. арк. 18,75. Обл.-вид арк. 21,75. Наклад 500 прим. Вид. № 67.
Ціна договірна.

ПП «РАЛ-поліграфія», 54052, м. Миколаїв, пр. Корабелів, 2/2,
тел. (0512) 67-08-28 ел. пошта: ral.print@gmail.com